

А. Г. ГРОМОВ

ПО ЗОВУ ПАРТИИ

Александр Георгиевич

ГРОМОВ

А. Г. ГРОМОВ

ПО ЗОВУ ПАРТИИ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

ББК 63.3(2) 722
Г 87

Литературная запись *П. А. Шурлакова*

Г $\frac{1304010000-019}{068(02)-85}$ 56—85

© Воениздат, 1985

В РОДНУЮ АРМИЮ СЛУЖИТЬ

20 октября 1927 года я, как всегда, рано утром пришел в типографию, где работал наборщиком. Настроение было приподнятым, радостным. Да и как иначе? В кармане лежала повестка Сокольнического райвоенкомата, в которой значилось: «22 октября к 10.00 явиться на сборный пункт для отправки к месту службы».

Наблюдая за работой своих товарищей, думал о том, как быстро пробежали шесть лет в этом коллективе. Успешно трудился, более полутора лет возглавлял партийную организацию. Участвовал в работе партийных конференций, в собраниях партийного актива Бауманского района столицы.

— Что призадумался? — услышал я рядом голос Николая Григорьевича Игнатьева — старейшего полиграфиста, моего партийного наставника.

— Да вот повестка. Иду в армию.

— Это хорошо. Значит, пришел и твой черед послужить Родине. И служи, Саша, так, чтобы мы все гордились тобой.

Наш разговор с Николаем Григорьевичем привлек внимание других наборщиков. Меня обступили, поздравляли, желали успеха, шутили.

Вечером тепло простился с товарищами. Дома у меня собрались родные и близкие друзья. Посидели, выпили несколько самоваров чая, поговорили о нашей совместной работе. Директор типографии Н. И. Кулебякин сказал добрые напутственные слова, пожелал успехов в службе, дал наказ:

— Будь достойным сыном Родины, служи ей честно, не подведи наш коллектив. Да не забывай нас!

И вот утром 22 октября вместе с женой пришел на пункт сбора призывников, находившийся в Рогожско-Симоновском тупике. К назначенному сроку собралась наша команда из 32 человек. Нас направляли в инженерные войска. Комендант назначил меня старшим команды, а начальник эшелона указал двухосный товарный вагон:

— Вот здесь и размещайтесь!

В вагоне были лишь пустые двойные нары. Ребята взяли по полену и вместо подушек положили их в изголовье.

— Старшой, держи «перину»! — крикнул мне Паша Кириллов, подавая полено. — Очень удобная штука!

Я выбрал местечко на вторых нарах, снял пальто, прикрыл им «подушку». Устроился.

Наш путь лежал на Украину, где нам предстояло служить.

В вагоне было шумно, все говорили, рассказывали разные истории, но, казалось, никто никого не слушал. И вдруг кто-то запел:

Мы — кузнецы, и дух наш молод.
Куем мы к счастию ключи.
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи,
стучи, стучи!

Поезд набирал скорость, и колеса как бы подпевали новобранцам: «стучи, стучи, стучи!»

Для меня это была первая дальняя поездка. Пока было светло, любовались природой Подмосковья. Впервые в жизни я мог представить, как необъятны просторы нашей родной земли. Поезд мчал нас на юг, открывались прекрасные пейзажи.

В Брянске воинский эшелон расформировали. По указанию коменданта станции мы следовали дальше в пассажирских вагонах.

Позади остались Брянские леса. Появились перелески, зеленые поля озимых. Тянулись в небо пирамидальные тополя. В вишневых садочках белели хаты. Мы ехали по земле Украины.

Во многих произведениях художественной литературы я читал о том, как прекрасна украинская природа, какие замечательные, веселые, трудолюбивые люди живут здесь. И теперь, наблюдая из окна вагона за красивыми селами и полями Украины, невольно вспоминал пушкинскую «Полтаву», волнующие повести Н. В. Гоголя. Очень хотелось посмотреть на Днепр, который чуден «при тихой погоде».

В наше время этому трудно поверить, но из Москвы до Умани мы добирались тогда почти четверо суток!

На уманском вокзале нас встретил командир отделения Василий Иванович Литвинюк — первый мой непосредственный начальник. Вещи сложили на повозку, а сами строем прошли через весь город на окраину, где размещались военные казармы. Ночь провели в помещении, отведенном

под так называемый карантин. Спали после дороги богатырским сном.

Утром началось первое знакомство с армейскими порядками.

— Подъем! — скомандовал старшина П. Я. Ольшанский.

Вскочили. Оделись. Строем пошли в столовую. Затем в бане нас остригли под машинку, помыли и переодели в военную форму. Смешно выглядели новобранцы в строю. Много забот доставили мы своему старшине. Ему было лет под сорок. Относился он к нам требовательно, но по-отцовски доброжелательно.

— Выходи строиться! Становись! Равняйсь! — командовал старшина.

Построились. Подравнялись. Но получилась дуга. Старшина Ольшанский, окрывая улыбку, сказал, что это не строй, а «закарлюка». В ответ послышался смех.

— Кто это там ухмыляется? Я вас навчу чи не навчу, як стоять в шнурок? — строго оборвал старшина и скомандовал: — Кру-у... Отставить! Красноармеец Иваненко, как поворачиваешься? Я же учил: по команде «Кругом» надо поворачиваться через левое плечо... и на 180 градусов! А ты норовишь через правое.

Иваненко покраснел, виновато опустил глаза. Вроде все понял, но при повторной команде «Кругом» снова повернулся через правое плечо...

— Красноармеец Нецийвода, убери свой живот! Що ты его выставляешь, як дивчина новый хвартух? Смирно! Разговорчики! Кру-гом! На-пра-во! Ша-гом арш! Комаров, запевай! — как из пулемета сыпались команды.

Высокий тенор будил утреннюю тишину:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Сначала нестройно, затем дружно все подхватили:

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

Первые дни службы! Проходили они в боевом напряжении. Непривычные команды, построения... Изучение уставов, боевого оружия, строевая подготовка. А в воскресенье старшина повел нас осмотреть город. После шумной столицы Умань произвела впечатление тихого, уютного, зеленого городка. В нем проживало тогда около 50 тысяч человек. В городе были Садово-ягодный институт, два техникума,

краеведческий музей, Дом культуры, Дом Красной Армии. На центральных улицах возвышались памятники В. И. Ленину и Г. И. Котовскому. При окружкоме партии работал «Зал коммуны», здесь проводились городские общественно-политические мероприятия. Особенно гордились уманчане парком «Софиевка» — памятником садово-парковой культуры XVIII века. Для всех жителей города парк был любимым местом отдыха.

И вот мы прибыли в свой саперный батальон 17-го стрелкового корпуса. Батальон формировался в Верхнеудинске (Улан-Удэ) в 1920 году. Нам с гордостью рассказали, что батальон прошел славный путь в Забайкалье и заслужил трудовую славу на Украине. В 1927 году за ударный труд на строительстве железной дороги ЦИК СССР наградил его Красным знаменем и орденом Трудового Красного Знамени. Командовал им А. В. Карманников, военным комиссаром был М. А. Цвик.

Началась боевая армейская жизнь. Командиры давали нам полную нагрузку, и мы принимали ее как должное. Каждый понимал, что красноармейцу надо многое знать и уметь, чтобы победить в бою. Особый интерес вызывало ознакомление с саперным делом.

Вскоре нас с Павлом Кирилловым пригласил секретарь партбюро Н. В. Фомин.

— Садитесь, товарищи, — сказал он приветливо. — Рассказывайте о себе: где и кем работали до призыва, когда вступили в партию, какие партийные поручения выполняли? У кого есть семья, как живут родители?

Вопросов много, но ставились они в доброжелательном тоне. И нам захотелось этому совсем еще незнакомому, но как-то сразу расположившему к себе человеку поведать все о своей жизни. Первым рассказал о себе Кириллов, а затем и я. Беседа вышла теплой, задушевной. Николай Васильевич поставил нас на партийный учет, дружески пожелал хорошей службы.

7 ноября батальон принял участие в демонстрации, посвященной 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Запомнилось выступление на митинге у памятника В. И. Ленину начальника гарнизона, командира 2-го кавалерийского корпуса Н. Н. Криворучко, вступившего в командование корпусом после трагической гибели в 1925 году героя гражданской войны Григория Ивановича Котовского. Легендарным человеком был Николай Николаевич. На его груди сияли два ордена Красного Знамени. В бою он был неустрашим.

— Крепите нашу родную армию! — призвал комкор.

В дальнейшем часто приходилось с ним встречаться. Никакие лихолетья не сломили этого героического командира Красной Армии.

Несмотря на то что нам доводилось решать многие сложные армейские задачи, мы были в курсе всех событий в жизни страны. В это время партия готовилась к XV очередному съезду. В октябре 1927 года были опубликованы тезисы по вопросам порядка дня съезда и объявлена общепартийная дискуссия по ним. Из дискуссионных листков, которые помещались на страницах газет, было ясно, что троцкистско-зиновьевская антипартийная оппозиция, выступив против социалистического строительства в нашей стране, скатывалась на путь антисоветской борьбы. Остро проходили дискуссионные собрания и в армейских партийных организациях. Припоминается такой факт. В армии я был всего полмесяца. Еще мало кого знал, тем более не знал настроения коммунистов. Первое партийное собрание, на котором я присутствовал, посвящалось дискуссии в партии. На нем с защитой троцкистской платформы выступил член партии Компан. Большинство коммунистов, в том числе и я, выступили в защиту генеральной линии партии, против троцкиста Компана. Партийное собрание единодушно осудило троцкистскую платформу. На этом собрании меня избрали делегатом партийной конференции спецчастей Киевского гарнизона.

Конференция проходила в Доме Красной Армии, который размещался на Прорезной улице Киева (ныне улица Свердлова). Участие в партийной конференции обогатило меня опытом партийно-политической работы, что сыграло определенную роль в дальнейшей армейской службе.

Во время пребывания на конференции впервые познакомился с прекрасным городом на Днепре — Киевом. Большое впечатление произвели исторические памятники, красавец Днепр, неповторимые киевские парки. Конечно, я не предполагал тогда, что на склоне лет судьба опять приведет меня в Киев и местом моего жительства будет Печерский район, вблизи Киево-Печерской лавры!

В тот период в Красную Армию, и даже в инженерные войска, приходило много неграмотных красноармейцев. Военный комиссар батальона М. А. Цвик, ближе узнавший меня во время работы партийной конференции в Киеве, вызвал и спросил:

— Громов, ты ведь наборщик?

— Да, — ответил я.

— Так вот, даю тебе задание. Как наборщику оно по плечу. Освобождаю тебя от посещений политзанятий, а вместо этого будешь обучать грамоте красноармейцев. В этом тебе поможет учитель батальона Коваленко. Даю срок: до 1 мая 1928 года научить 30 красноармейцев элементарной грамоте — читать, немного писать.

— Есть, — ответил я.

Два дня в неделю по два часа проводил занятия с неграмотными. Трудность состояла в том, что красноармейцы, с которыми пришлось заниматься, плохо знали русский язык, а некоторые вовсе не умели произнести ни единого слова по-русски. Помню несколько прямо-таки анекдотичных случаев.

Обучение проходило по обычному букварю. Под рисунками, на которых изображались дом, лес, топор, лопата, кирка, орел, журавль, конь и прочее, стояли подписи, которые мы читали по слогам. Я старался выбирать картинки, которые были бы ближе к нашей жизни.

На одном занятии показал красноармейцу на рисунке топор, прочитали вместе по слогам: «То-пор», а затем спросил:

— Кожухарь, что написано под картинкой?

Он отвечает:

— Сокира.

Так же прочитали под рисунком: «Дом», а Петренко говорит: «Хата».

Но, как говорит пословица, упорство и труд все перетрут. Мы учились усердно, и, как было приказано, к сроку все мои ученики умели расписаться, написать письмо родным, освоили букварь, а кое-кто стал читать и газеты. Очень уж хотели ребята стать грамотными людьми и всеми силами стремились к этому.

В первый период обучения в нашей роте основное внимание уделялось изучению общевойсковых дисциплин и инженерно-саперного дела. В числе других красноармейцев в январе 1928 года меня направили в школу младшего комсостава. Буквально в первые же дни учебы вызвал меня к себе политрук школы Владимир Алексеевич Шумилов.

— Вы, Громов, уже имеете опыт общественно-политической работы, — сказал он.

— Да, имею, — подтвердил я.

— Так вот, решено рекомендовать вас коммунистам для избрания секретарем партячейки... Это ваше первое и главное партийное поручение на период учебы.

Первое поручение... Да, оно было первым здесь, в шко-

ле, но далеко не первым в моей жизни. В тот день я вспомнил свою типографию, свой рабочий коллектив и свое самое первое партийное поручение. Мне доверили представлять нашу трудовую молодежь в фабрично-заводском комитете типографии. Я должен был отстаивать интересы молодых рабочих, помогать им в учебе, всячески способствовать получению специальности наборщика, печатника, переплетчика, цинкографа. В решении сложных для меня вопросов я всегда находил помощь и поддержку у секретаря партийной ячейки Н. Г. Игнатьева, председателя фабрично-заводского комитета И. В. Михайлова и секретаря комсомольской ячейки В. Никитина, который стал моим другом.

Общественно-политическая работа в коллективе сдружила меня с рабочими. В июне 1924 года меня избрали делегатом Бауманской районной комсомольской конференции, там же избрали членом Бауманского райкома комсомола и делегатом VIII Московской губернской конференции комсомола.

Работая в комсомольской ячейке, подружился с замечательным вожаком молодежи Александром Васильевичем Косаревым — первым секретарем Бауманского райкома комсомола, Николаем Кормилицыным, Василием Чемодановым и другими комсомольскими работниками. Позже, когда я уже стал армейским политработником и приезжал в Москву, мы встречались с Косаревым. Он работал в ЦК комсомола, был всегда внимательным, отзывчивым товарищем, интересным собеседником.

Наша комсомольская ячейка стала базовой и объединяла 12 ячеек Бауманского района. Мне поручили вести политпросветработу ячейки. В нашу задачу входила организация политико-просветительных и культурно-массовых мероприятий, диспутов на антирелигиозные и другие темы, а также спортивных соревнований. Работа с молодежью требовала хорошей политической подготовки, поэтому надо было упорно и настойчиво учиться. Мы изучали ленинские труды, решения партийных съездов, отстаивали ленинские идеи в борьбе с троцкизмом.

В марте 1925 года прошли выборы в Моссовет. Меня избрали депутатом Московского городского Совета, и это еще больше включило меня в жизнь столицы, дало возможность быть в курсе всей жизни страны. И до сих пор я не забыл о пленумах Моссовета и всегда с благодарностью вспоминаю всех, кто удостоил меня чести быть избранником народа в таком важном органе государственной власти, как Московский городской Совет.

В конце 1925 года мне опять поручили комсомольскую работу — секретарем комсомольского бюро. Мне вновь повезло — был участником районной и X губернской комсомольских конференций.

Одним словом, опыт общественно-политической работы у меня был. И все-таки волнение не покидало: ведь теперь мне доверили руководство партийной ячейкой в совершенно новых условиях военной службы. Как правильно построить работу, с чего начать? Начал с подбора комсомольского актива. Секретарем комсомольской ячейки рекомендовал москвича Павла Кириллова, которого хорошо знал по деловым качествам. Одессит Иван Крук стал редактором стенной газеты, а Николай Поляков — агитатором.

Сразу предупредил своих товарищей, что главная задача каждого коммуниста и комсомольца не только самому стать отличником, но и помогать в учебе товарищам по школе.

Помню, сколько нам пришлось повозиться с москвичом Леней Попковым. Он нарушал дисциплину, пытался обманывать командиров. Мы чувствовали себя неловко за товарища, который своим поведением позорил москвичей. Паша Кириллов, Коля Поляков и я много раз по-дружески беседовали с ним, и это помогло. Попков постепенно начал старательнее заниматься и в конце концов успешно закончил школу.

Школа младшего комсостава всегда была под пристальным вниманием командира и комиссара батальона. Политрук школы Владимир Алексеевич Шумилов умел найти подход к каждому курсанту, оказывал всемерную помощь в организации партийной и комсомольской работы. С большой теплотой вспоминаю нашего командира взвода, члена партии С. Б. Ляховского. Он был требовательный культурный командир.

В школе младшего комсостава особенно выделялся старшина, кандидат партии Семен Семишкур. Он в совершенстве знал воинские уставы, был опрятен, подтянут сам и требователен к нам, курсантам.

За период службы в батальоне мне посчастливилось повидать и услышать немало известных партийных и военных работников.

Так, в январе 1928 года в батальон приезжал комиссар 17-го стрелкового корпуса Эйно Рахья. Я и раньше знал, что это поистине легендарный человек. В тяжелые для нашей партии июльские дни 1917 года он принимал непосред-

ственное участие в охране вождя революции Владимира Ильича Ленина, обеспечивал его нелегальный переезд из шалаша на озере Разлив в Финляндию и обратно в Петроград, сопровождал В. И. Ленина с последней конспиративной квартиры М. В. Фофановой в ночь на 25 октября в Смольный, откуда вождь рабочего класса осуществлял руководство вооруженным восстанием.

Владимир Ильич высоко ценил Эйно Рахья. 31 июля 1918 года он написал: «Настоящим удостоверяю, что податель сего, товарищ Эйно Рахья, лично мне давно известен и заслуживает, как старый надежнейший партийный товарищ, *полнейшего* доверия» [1].

Мне было особенно интересно увидеть Эйно Рахья, поговорить с ним. Комиссар корпуса побывал в батальоне, поинтересовался, как живут бойцы, в чем нуждаются, что волнует их. Он посетил школу младшего комсостава и провел с нами беседу по вопросам внутреннего и международного положения страны. Беседа была доходчивой, доверительной и хорошо запомнилась всем.

Вскоре произошла встреча с человеком завидной судьбы, активным участником боев в октябрьские дни 1917 года в Москве — Юрием Владимировичем Саблиным. Он был членом ВРК при Московском Совете, а затем во главе 1-го московского революционного отряда участвовал в разгроме Каледина на Дону и взятии Новочеркасска. На груди его сияли два ордена Красного Знамени, свидетельствующие о больших заслугах перед Родиной.

В феврале 1928 года делегаты от комсомольской организации батальона, в том числе В. И. Литвинюк, И. Н. Таран, П. С. Кириллов и я, приняли участие в комсомольской конференции 99-й стрелковой дивизии нашего корпуса. Комдив Ю. В. Саблин на встрече с делегатами живо и интересно рассказал о боевых действиях Красной Армии против Деникина и Врангеля на Южном фронте, о мужестве и отваге красноармейцев и командиров.

Вскоре после принятия военной присяги, которое прошло в торжественной обстановке 23 февраля 1928 года у памятника Владимиру Ильичу Ленину, меня включили в команду подрывников. Предстояло изучить самые различные взрывчатые вещества, овладеть твердыми навыками в обращении с ними. Командир взвода почти перед каждым занятием напоминал: «Сапер ошибается один раз в жизни». Эти слова мы хорошо запомнили.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 131.

Много времени уходило на общественную работу. 11 апреля 1928 года на отчетно-выборном собрании меня избрали членом комсомольского бюро, а затем на первом заседании этого руководящего органа — освобожденным секретарем комсомольской организации батальона. Вскоре после этого состоялась Уманская окружная комсомольская конференция, делегатом которой мне довелось быть. Здесь меня избрали членом окружкома комсомола, а на пленуме — членом бюро.

С большой энергией взялся за комсомольскую работу. Прежде всего хорошо изучил комсомольский актив батальона. Внимательно ознакомился с работой ротных комсомольских организаций, секретарями которых были Николай Евдокимов, Петр Нестеренко, Алексей Крылов и Михаил Потапов. Установил дружеские связи с окружкомом комсомола. Секретарем Уманского окружкома комсомола тогда был Василий Пересада. Он остался в моей памяти как замечательный вожак молодежи.

Когда его перевели на другую работу, первым секретарем окружкома комсомола избрали Наташу Мурзину — скромную девушку, с 14 лет познавшую нелегкий труд на фабриканта в городе Харькове. В комсомол она вступила в 1922, а в партию — в 1924 году, имела опыт работы с молодежью. Нам легко было найти общий язык по всем вопросам комсомола, поскольку Наташа большое внимание уделяла установлению и укреплению дружеских связей гражданской молодежи — комсомольских организаций предприятий, учреждений — и сельской молодежи с комсомольскими организациями воинских частей.

Мне посчастливилось быть делегатом VII съезда комсомола Украины, который проходил в конце апреля 1928 года в Харькове. Съезд произвел на меня огромнейшее впечатление. На него прибыли шахтеры, металлурги, машиностроители, сельские парни и девчата — первые колхозники, механизаторы, студенты вузов и техникумов, красноармейцы и командиры. Съезд проходил по-деловому, выступления были яркими, содержательными. Перед началом заседаний и во время перерывов гремели песни: «Мы — кузнецы», «Смело мы в бой пойдем», «Смело, товарищи, в ногу», но чаще всего — «Молодая гвардия». Во время работы съезда первый раз увидел командующего Украинским военным округом И. Э. Якира.

Съезд приветствовали пионеры, школьники, молодежь,

но самое сильное впечатление на делегатов произвело приветствие военных моряков с крейсера «Червона Украина», над которым шефствовал украинский комсомол.

Участие в работе съезда комсомола дало возможность более подробно узнать о деятельности комсомольской организации республики и задачах, поставленных Центральным Комитетом партии перед комсомолом. Все это во многом помогло в организации комсомольской работы в батальоне.

Жизнь текла своим чередом. Закончился напряженный зимний период учебы. В летнее время батальон больше занимался трудовыми делами. В этот год, наряду с другими саперными батальонами, мы получили задание строить высоководный мост через Десну и старое ее русло в районе Остра Черниговского округа.

В мае 1928 года воинским эшелоном батальон прибыл в Киев, перегрузился на пароход и по Днепру, а затем по Десне прибыл в указанный район.

Вот когда наконец я увидел во всей красе и величии Днепр-Славутич. Было половодье. Окрестности залила вода, над Днепром возвышалась Киево-Печерская лавра. Эта прекрасная панорама захватила всех, даже балагуры молчали и любовались пейзажем, открывающимся по обе стороны.

Пока возле села Карпиловка создавался лагерь, жили в селе Выползово, где разместились в крестьянских хатах, знакомились с укладом жизни. Для меня, уроженца сельской местности, все было привычно и знакомо. Однако многое оказалось новым и интересным, присущим только чисто национальным украинским обычаям и традициям.

Как и миллионы граждан нашей страны, я рано познал суровую сельскую жизнь.

Родился я 3 октября 1904 года в небольшой русской деревушке Дальнее Можайского района. Рано стал зарабатывать на жизнь, а поскольку в семье был старшим, то и оказывал помощь родителям.

В то время большинство окружавших нас деревень были маленькими, по 15—20 дворов. Земля бедная, да и мало было ее, урожаи низкие, так что своего хлеба хватало обычно лишь до Нового года. Земля наделялась только на мужчин, а так как мой отец, Георгий Иванович, был не из нашей деревни родом, то ему надел не полагался и своей земли он не имел. А семья большая: семеро детей! Их надо прокормить, обуть, одеть. Где взять на это средства?

Нужда заставляла идти на заработки в город.

Мой отец и дедушка по матери, Иван, с детства работали на текстильных фабриках. Дедушка — ткачом, а отец —

сначала ткачом, а затем подмастерьем. Мать — Дарья Ивановна — занималась сельским хозяйством и растила детей. Всю работу на пашне и по дому вместе с матерью делали дети. В летнее время, когда фабрика, где работал дедушка Иван, закрывалась на ремонт, он приезжал в деревню и помогал по хозяйству.

Я тоже обрабатывал поле и огород, подкашивал, сушил и сгребал сено, серпом убирал рожь, копал картошку, рубил дрова, таскал на себе из леса вязанки хвороста. Одним словом, делал все, чтобы помочь матери. Она была хорошей хозяйкой дома, доброй, заботливой и ласковой. Вместе с тем очень строгой, особенно к нам, мальчишкам, а нас было четверо, не допускала ни малейшего непослушания, все ее распоряжения выполнялись нами неукоснительно. Мы все очень любили свою мать, гордились тем, что ее уважали соседи.

Собрав все средства, какие только можно было оторвать от семьи, мать определила меня в четырехклассное земское начальное училище. Помогать мне в учебе никто не мог. Мать малограмотная, отец редко приезжал из Москвы. Надеяться не на кого. Учился сам старательно и в 1916 году успешно окончил училище.

Хотелось учиться дальше, но шла мировая империалистическая война. Отца призвали в царскую армию, отправили на фронт. В это время очень тяжело болела мать. Семья нуждалась. Прожить на одну зарплату дедушки Ивана было невозможно. После долгих размышлений мать приняла решение отправить меня, как самого старшего среди детей, на заработки.

25 августа 1917 года, в неполных 13 лет, я приехал в Москву искать свое рабочее счастье. Тогда-то и кончилась моя сельская жизнь, оставшаяся навсегда в памяти. И вот снова я оказался в сельской местности.

Вспоминаю, как в Выползово устраивались на жилье. Мне указали на один двор, обнесенный деревянным забором. Во дворе рубленая изба, сарайчик, возле него воз с конской упряжью, рядом к коновязи привязана лошадь. Вижу, неплохо живет хозяин. Открыл калитку. На цепи залаяла собака. На ее лай вышел из сарая высокий, плечистый, с узловатыми пальцами натруженных рук крестьянин. Его темных волос уже коснулась седина. Одет он был в холщовую рубаху и какие-то вылинявшие брюки, на ногах стоптанные, разношенные ботинки; в курчавой бороде застряла соломинка.

— Здравствуйте, Илья Егорович! К вам можно?
— Будь ласка.
— Я правильно вас назвал?
Он довольно улыбнулся, на протянутую мою руку ответил крепким рукопожатием и сказал:
— Здравствуйте, верно. Я Половко Илья Егорович. А ви хто будете, политрук Громов, що до вас направили постояльцем?
— Да, это я. Как же, принимаете или нет?
Откуда-то появилась небольшого росточка женщина. Белобрысая, с толстой, закрученной на затылке косой, с такими же огрубелыми от повседневной трудной работы руками. Она сама протянула мне ладошку-лодочку и, смущаясь, сказала:
— Настасия Ивановна.
— Моя жинка, — вновь улыбнувшись, подтвердил Илья Егорович.
— Проходьте, будь ласка.
Она без умолку тараторила, явно демонстрируя свою радость и даже гордость, что именно к ним пришел постоялец — командир Красной Армии. Зашли в избу. Кругом порядок. Чисто. В углу стоял стол, возле него лавки, висели, как водится, икона и лампада. Все стены в фотографиях, обвешанных рушниками. Анастасия Ивановна обмахнула передником лавку и сказала:
— Сидайте, будь ласка! Живите соби на здоровьечко.
Илья Егорович все время молчал и только улыбался в свои пышные усы, а глаза словно бы говорили: «Смотрите, какая у меня Настья, душевная и работящая жинка».
А тем временем на столе быстро появились картофель в мундире, сало, квашеная капуста. Хозяйка нарезала большими ломтями свежего, домашней выпечки хлеба.
Пригласили к столу. Обидеть гостеприимных хозяев не хотелось — сел за стол. Разговорились. Илью Егоровича интересовало все: международные дела и дела внутренние, особенно касающиеся сельской жизни.
Долго мы беседовали. Я старался рассказать ему о ленинской мечте вывести крестьян из нужды, о значительном превосходстве объединенного крестьянского труда...
Тут позволю себе отвлечься и, забегая вперед, рассказать о том, что вновь мне довелось увидеться с моими давними знакомыми уже будучи начальником политуправления Киевского военного округа. Встретились тепло. Сколько пережито за эти годы! Илья Егорович и Анастасия Ивановна жили счастливо. Дети выросли. Два сына служили в армии.

один из них стал кадровым офицером. Всю войну Илья Егорович воевал, был ранен, имеет награды. После освобождения Праги вернулся в родной колхоз и так же, как и до войны, работал механизатором. Анастасия Ивановна стала знатной звеньевой. А ведь в ту пору, когда я квартировал у них, они были крестьянами-единоличниками.

Но вернемся к рассказу о выполнении задачи, поставленной нам. Совместно с другими батальонами мы должны были построить мост длиной 1093 метра, провести большие земляные работы, на выполнение которых привлекались рабочий батальон численностью 1200 человек и гуже-транспортный батальон военнослужащих.

Все без исключения комсомольцы нашего батальона трудились с полной отдачей сил, подавали пример товарищам, которые тянулись за передовиками. Помню, с какой сноровкой работали подлинные мастера плотницкого дела Алексей Новосадов, Антон Терещенко, Максим Кожухарь. В их руках топор, фуганок, пила творили чудеса.

Как-то я спросил у Алексея Новосадова, где он научился плотничать.

— Это у нас фамильное ремесло, с деда-прадеда ведется. Мой отец тоже плотник, — пояснил он.

— А почему ты все время носишь топор за ремнем?

— Э, товарищ секретарь, его же беречь надо, он главный помощник плотника. Так разве ж можно кидать куда попало?

Я заметил, что и другие плотники берегли свой инструмент.

Самоотверженно трудились комсомольцы батальона и на забивке свай. Паровой копер шипел и ухал день и ночь. Медленно, но прочно уходили в твердое дно Десны массивные сваи, все глубже оседая под ударами баб. Работа спорилась. С особым энтузиазмом работали Николай Нестеренко, Сергей Шевченко, Дмитрий Сидоров, Иван Ондатров. Об их ударном труде мы рассказывали людям в боевых листках-молниях. Во время бесед и политинформаций называли имена тех, с кого надо брать пример. Партийно-политическая работа проводилась предметно, оперативно и целенаправленно. Военный комиссар батальона И. А. Немцов регулярно заслушивал доклады политруков рот, а также секретаря партбюро и мой — о политико-моральном состоянии красноармейцев, их настроениях. Он интересовался, знают ли политработники, что беспокоит красноармейцев, что им пишут родные из дома, об отношении каждого бойца к учебе и к работе. На первом плане всегда стоял воп-

рос о дисциплине, о предупреждении несчастных случаев, о взаимоотношениях с местным населением.

В середине сентября мост и земляная насыпь были закончены. Мост имел большое народнохозяйственное и оборонное значение. На митинге, в котором приняли участие военнослужащие и жители Остерского района, выступающие тепло и сердечно благодарили наших саперов за героический, самоотверженный труд.

В начале октября батальон возвратился на зимние квартиры в Умань.

В это время красноармейцы призыва 1926 года увольнялись в запас. Мы тепло проводили отслуживших срок службы, среди которых немало было комсомольских активистов. С новым пополнением прибыли мои земляки — москвичи из Бауманского района — члены партии Николай Малютин и Иван Веселов. Чтобы хорошо знать всех комсомольцев, прибывших в батальон, я, принимая их на учет, лично беседовал с каждым. Расспрашивал о семейном положении, о работе до призыва в армию, об участии в общественной деятельности. Такой подход дал возможность выявить комсомольский актив и правильно распределить его. Николай Малютин был избран секретарем комсомольской организации школы младшего комсостава. Виталий Алексеев, Антон Нечипоренко — секретарями ротных комсомольских организаций.

В ноябре прошли отчетно-выборные собрания партийной и комсомольской организаций. Я вновь стал секретарем комсомольского бюро, членом партбюро батальона и делегатом партийной конференции Самаро-Ульяновской Краснознаменной Железной дивизии, на политобслуживание в политотдел которой встал наш саперный батальон. На этой конференции меня избрали членом дивизионной партийной комиссии.

1 декабря 1928 года начался новый, уже второй в моей службе, учебный год. К этому времени значительно улучшилась материально-техническая база для занятий. Произошли изменения в командно-политическом составе. Командир батальона А. В. Карманников и секретарь партийного бюро В. П. Долгов убыли в другие части. На место Карманникова был назначен В. Н. Захарьев, бывший поручик, участник гражданской войны. В Красной Армии он служил с 1919 года. Человек твердый, решительный, требовательный. Сразу всем понравилось, что он подчиненных не опекал по мелочам, задачи ставил конкретно, четко, обязательно контролировал их исполнение. Строго взыскивал за

нерадивость и расхлябанность, но никогда не забывал отметить отличившихся.

Секретарем партийного бюро избрали И. И. Шумилкина. Работать с ним было легко и хорошо, он помог правильно организовать деятельность комсомольского бюро, спланировать его работу.

Хорошие, по-настоящему деловые отношения сложились у меня с политруками рот А. В. Владимировым, А. В. Мацкиным, Н. Г. Кладовым. Вместе с ними мы решали многие вопросы воспитания красноармейцев.

Будучи членом окружного комитета комсомола, я участвовал в работе районных комсомольских и партийных активов, в совещаниях, близко знал состояние дел в деревне, где обострилась классовая борьба, видел всю сложность проведения коллективизации, а также трудности, с которыми сталкивались гражданские партийные и комсомольские организации. Для оказания помощи молодым сельскохозяйственным артелям в их организационно-хозяйственном укреплении в воскресные дни из батальона направлялись бригады красноармейцев в близлежащие села. Саперы помогали ремонтировать сельскохозяйственную технику, наши активисты выступали с докладами, проводили беседы, организовывали концерты художественной самодеятельности.

В 1929—1931 годах развернулось строительство Киевского укрепленного района. Вновь перед нашим батальоном встали важные, ответственные задачи. В то время средства механизации труда были представлены лишь бетономешалкой. Все делалось вручную: сначала на тачках возили бетон, затем трамбовали его при помощи металлических трамбовок.

Вся работа командования, партийной и комсомольской организаций была направлена на качественное проведение работ строго в указанные сроки. На собраниях ротных комсомольских организаций, совещаниях актива в деловой, доброжелательной обстановке обсуждались все неотложные вопросы и меры по улучшению организаторской и политической работы, обобщался опыт передовиков.

Я работал вместе с красноармейцами. Это давало возможность не только влиять на людей словом и делом, но и личным примером добиваться от комсомольцев полной отдачи сил и энергии.

В конце года я впервые в своей жизни и службе принял участие в осенних учениях. Батальон наш действовал совместно с одним из стрелковых полков, устраивал различные заграждения, завалы, минировал мосты и дороги. Учением

руководил командующий войсками Украинского военного округа И. Э. Якир — активный участник гражданской войны, награжденный тремя орденами Красного Знамени.

Вскоре после учений заканчивался срок моей военной службы. Тут-то и вызвал меня к себе на беседу военком батальона И. А. Немцов.

— Есть мнение оставить вас в армии на политработе, — сказал он.

О том же вскоре состоялся разговор и в политотделе Самаро-Ульяновской Железной дивизии.

Я объяснил, что в армию прибыл по призыву, мой срок службы закончился и хочу вернуться к мирному труду.

Начальник политотдела П. В. Масленников сказал:

— А кто же будет защищать этот мирный труд? Вам оказано большое доверие. Советую хорошенько подумать и дать согласие.

Не легко было принимать решение. Очень хотелось возвратиться к товарищам, в свою типографию, домой... И вместе с тем я сроднился с армейской семьей, армия мне нравилась. И тут вспомнились мне памятный для меня день 5 мая 1920 года, Театральная площадь (ныне площадь им. Свердлова), где проходил парад войск Московского гарнизона. В тот день я видел и слушал Ленина! Вспомнились горячие, доходящие до сердца и зовущие в бой слова Владимира Ильича, обращенные к отправляющимся на польский фронт красноармейцам.

Как я завидовал тогда тем, кто уходил на фронт с напутствием Владимира Ильича, как хотелось мне тогда стать в их строй, стать защитником Родины! Я стал им, я выполнил свой долг, отслужив в Красной Армии положенный срок, и мог вернуться к мирному труду, но... партия звала меня остаться в этом строю. И я остался, понимая важность и ответственность порученного мне дела.

В ноябре 1929 года мне предоставили отпуск. Побывал дома, в Москве, а затем возвратился в Умань уже вместе с женой Марией Гавриловной.

В январе 1930 года меня назначили помощником командира 4-й роты по политической части. На петлицах гимнастерки и шинели появились два квадрата.

Ротой командовал Петр Иванович Снеховский, опытный, хорошо знавший военное дело человек. Работали мы с ним дружно.

Перед вступлением в должность я пришел за советом к политруку 3-й роты Николаю Григорьевичу Кладовому. Он поделился опытом работы с личным составом, особо обратив

внимание на изучение каждого командира и красноармейца роты, чтобы с учетом личных качеств людей проводить их воспитание. Я всегда с благодарностью вспоминаю Николая Григорьевича, который очень помогал мне на первых порах. Наша служба с ним переплеталась и в последующем. Мы шли, как говорят, параллельными курсами: были военными комиссарами дивизий, корпусов и начальниками политических управлений округов.

Приступив к работе в роте и воспользовавшись добрыми советами Н. Г. Кладового и П. И. Снеховского, провел обстоятельные беседы с командирами взводов, отделений, с каждым красноармейцем. Душевно и доверительно расспрашивал их о том, как идет служба, какие есть трудности. Меня всегда интересовало, хорошая ли связь красноармейцев с родными и близкими, часто ли получают письма из дома, что им пишут. Старался приблизить к себе каждого бойца, добивался, чтобы в роте все относились друг к другу с уважением, служили честно, добросовестно.

Моими первыми помощниками были секретарь ротной партийной организации командир отделения Николай Васильевич Алексеев и секретарь комсомольской организации командир отделения Петр Анисимович Грищенко. Примерный в учебе, комсомольский вожак Грищенко пользовался огромным авторитетом в роте и батальоне. Юморист и весельчак по натуре, он всегда находил нужное слово, чтобы поддержать товарища, воодушевить на выполнение задачи, поставленной командиром. Грищенко был хорошим организатором художественной самодеятельности и активным участником всех концертов.

Командиры-коммунисты считали делом своей чести, чтобы их подразделения имели отличные показатели в дисциплине, боевой и политической подготовке. Так, взвод члена партии Александра Павловича Григорьева занимал ведущее место в роте, а на соревновании взводов, включавшем 15-километровый бросок с преодолением спортивных препятствий и боевой стрельбой, занял первое место в батальоне.

Большинство мероприятий политико-воспитательной работы в роте проводилось в ленинской комнате, об оборудовании которой мы заботились особо. Подбирали хорошую, добротную мебель, с любовью оформляли наглядную агитацию.

В ленинской комнате организовывались беседы, вечера вопросов и ответов, здесь красноармейцы читали газеты, журналы, книги, играли в шахматы, писали письма родным, просто отдыхали. Мы завели специальную тетрадь, в кото-

рой бойцы записывали вопросы самого различного характера. Многие интересовались проблемами политической жизни страны, международного положения, просили разъяснить отдельные статьи уставов и наставлений.

На все вопросы мы давали обстоятельные ответы. Были случаи, когда, прочитав их, красноармейцы записывали новые вопросы, уже более глубокие по содержанию. Тетрадь эта с каждым днем становилась все популярнее, и значение ее в жизни нашего коллектива трудно переоценить.

Еженедельно выпускалась красочно оформляемая ротная стенная газета, отражающая все стороны жизни личного состава.

Два раза в неделю по два часа проводились политзанятия, а в остальные дни — политические информации по важнейшим вопросам международного и внутреннего положения. Тогда технических средств пропаганды еще не поступало, но мы старались использовать изготовляемые руками красноармейцев наглядные диаграммы, таблицы и плакаты. Во взводах из числа подготовленных членов партии и актива комсомольцев были назначены агитаторы, а в отделениях — чтецы. Мне поручили проводить политзанятия с командирами отделений.

В роте была неплохая художественная самодеятельность, в организации которой большую помощь оказывали начальник клуба батальона И. Б. Сербин и сменивший его И. Н. Тарап. Выступления нашей художественной самодеятельности нередко дополнялись номерами, представленными коллективами подшефных организаций. Это вносило разнообразие в репертуар и с интересом воспринималось личным составом, а когда выезжали на предприятия и в села — гражданским населением.

Большую роль в политическом и духовном воспитании личного состава играла батальонная библиотека. С начальником библиотеки Я. С. Яровым мы установили добрые отношения. Он обеспечивал роту передвижной библиотечкой, книги которой через определенное время обменивались. В библиотечке имелись политические словари и брошюры, которые использовались на политзанятиях, различные издания художественной литературы.

Главное внимание всегда уделялось индивидуальной работе с людьми. Я считал необходимым в течение месяца обязательно поговорить с каждым красноармейцем роты. Во время бесед выяснял, как идет служба, как воин овладевает своей специальностью, какие трудности встречаются и как он их преодолевает, какие весточки получает от родных, как

они живут, здоровы ли. Обязательно интересовался, кто и что читает, рекомендовал взять в библиотеке ту или иную книгу. Конечно, прежде чем рекомендовал, сам внимательно прочитывал, следил за новинками литературы.

Регулярно беседовал я с командирами взводов и отделений по различным вопросам, касающимся обучения и воспитания подчиненных. Это позволяло своевременно обобщать передовой опыт, выявлять недостатки в работе, находить пути укрепления боевой готовности, дружбы и сплоченности воинского коллектива.

Первые шаги моей самостоятельной службы как политического работника совпали с периодом великого перелома в социалистическом строительстве. Под руководством партии советский народ, успешно выполняя план первой пятилетки, осуществлял сплошную коллективизацию сельского хозяйства. На Уманщине, как и во всей стране, коллективизация проходила в обстановке острой классовой борьбы.

Как-то я обратил внимание, что красноармеец Иван Кулик, призванный из Великобагачанского района Полтавской области, стал часто уединяться, избегать товарищей. На занятиях он действовал без энтузиазма, все о чем-то думал. Пригласил его к себе, постарался вызвать на откровенность, чтобы узнать причины такой перемены.

— Родители пишут, — признался он,— что их заставляют вступать в колхоз, а им не хочется... И так живут неплохо...

Долго беседовал я с ним, разъяснял преимущества коллективного труда, необходимость налаживания в деревне новой социалистической жизни, посоветовал написать родителям. А через некоторое время он с радостью сообщил мне, что убедил родителей и они очень довольны, что стали колхозниками.

Однажды я был свидетелем разговора между командиром отделения П. А. Грищенко и красноармейцем Н. С. Скиданом. Видимо, спор шел о пользе совместной обработки земли бедными крестьянами. Грищенко с укором говорил Скидану:

— Ты, наверное, ел кашу с маслом и вареники в сметане, а у моего батьки было два копыта, полхвоста да два колеса. Главное богатство — чуть ли не дюжина ребятишек!

— Как это полхвоста? Чего загадки загадываешь?

— А чего ту загадочного? — отвечал Грищенко. — Мой Анисим Сильвестрович, то есть батька, да Демьян Сильвестрович, мой дядька по отцу, держали на две семьи одну кобылу, одну корову, и весь инвентарь тоже у них был один на двоих. Вместе и перебивались с хлеба на воду. У дядь-

ки-то тоже десятеро детей. Корову доили по очереди, через день...

— А что, так никогда и не ссорились? — с сомнением спросил Скидан.

— Мирно жили, дружно. Так воспитали. А потом, отчего ссоры? От жадности. А жадными только богатеи бывают... Помню, прослышали, что в соседнем селе какое-то общество создано по совместной обработке земли. Узнали, что стоящее дело. Мой отец да еще несколько сельчан организовали такое же.

— Ну и как? — не унимался Скидан.

— Что как? Стоящее дело, говорю вам. Сразу стало легче, все ведь сообща... Так что отслужу положенный срок, возвращусь домой и буду растить хлебушек со всем миром.

Я вмешался в разговор. Обращаясь к Грищенко, сказал:

— Ты парень смышленый, изучай технику. Вернешься домой, будет у вас трактор. Слыхал, в Одесской области уже создана машинно-тракторная станция, которая помогает колхозникам обрабатывать землю. Вот и будешь трактористом...

— Это точно, товарищ политрук, машину я люблю, обязательно буду трактористом.

Но не трактористом стал Петр Грищенко, а кадровым командиром. Позже я с ним встретился на Дальнем Востоке, где он командовал ротой дорожно-строительного батальона.

В феврале 1930 года участвовал в работе комсомольской конференции Самаро-Ульяновской Железной дивизии. В пути, когда возвращались из Винницы, разразилась сильная пурга. Пока поезд стоял на станции Христиновка, его сильно замело снегом. Ехали мы 20 километров очень долго, путь был закрыт. Километрах в пяти от Умани поезд вообще остановился. Было уже темно, кто-то предложил: «Чего будем сидеть, пошли, уже недалеко!» Человек десять, в том числе я и секретарь комсомольского бюро батальона Николай Малютин, вышли из вагона и направились в Умань. Поздно добрались на место. А через день меня вызвал комбат В. Н. Захарьев, посадил и спросил:

— Как считаешь, правильно ты поступил?

Я ответил:

— Я же не был руководителем делегации.

— А кто-нибудь старше тебя по положению был?

— Нет, — ответил я.

Тогда он сказал:

— А если бы кто-то из оставшихся в поезде вздумал пойти вслед за вами и погиб в такую пургу, то спросили бы с тебя — старшего по званию. Нельзя оставлять людей на

произвол судьбы. — И добавил: — Запомни, Громов, сколько будешь жить и работать с людьми, больше такого не допускай!

Занятия по боевой подготовке в нашем батальоне проводились исключительно напряженно, мы старались учить красноармейцев тому, что необходимо на войне. Помню, стояли лагерем в урочище Чайка. Это было летом 1930 года. В батальон приехал помощник командующего войсками округа Н. Н. Лебедев. Бывший генерал, он в апреле 1918 года добровольно вступил в Красную Армию. Участвовал в гражданской войне. Награжден орденами Боевого и Трудового Красного Знамени.

В 23.00 батальону объявили тревогу, поставили задачу выйти на реку Днепр в район Черторыя и навести мост. Это было большое испытание нашей боевой готовности. И мы его выдержали. Затем нас проверяли по всем дисциплинам. Приходилось производить подводные взрывы фугасов, строить мост на козловых опорах. Батальон успешно справился с задачами и получил благодарность помощника командующего округом.

Зима 1931 года прошла в напряженной учебе. Я был назначен политруком 1-й роты. Командовал ротой бывший офицер царской армии Семен Алексеевич Щеглов, опытный командир, но иногда излишне самоуверенный, из-за чего у него случались неприятности по службе.

В 1930 году на основе успехов в развитии промышленности в войска начало поступать новое вооружение, в том числе и инженерное. Для изучения этой техники проводились общеармейские учебные сборы. В мае 1931 года С. А. Щеглова и меня направили на инженерный полигон Красной Армии. В то время из всех корпусных саперных батальонов на инженерный полигон выделили по одному отделению. Из них сформировали сводную курсантскую роту. Командиром ее назначили С. А. Щеглова, а меня — политруком.

Начали работу с того, что создали в роте партийную и комсомольскую организации. Секретарем партийной организации избрали командира отделения С. В. Князева — шахтера из Донбасса, работавшего до призыва в армию запальщиком на шахте, а секретарем комсомольского бюро — бывшего тракториста с Полтавщины, командира отделения П. М. Москаленко. Партийные и комсомольские собрания проводили регулярно. На них обсуждали важнейшие вопросы, стоящие

перед ротой. Курсантам настойчиво разъясняли, что каждый обязан в совершенстве знать все виды техники, поступающей на вооружение саперных батальонов: машины для строительства дорог, новейшие переправочные средства, мотопилы, пневматические и другие виды снаряжения.

Занятия проходили практически на местности.

Вспоминаются случаи, которые заставили немало поволноваться.

Во время одного учения начальник лагерного сбора поставил нашей роте задачу подготовить к взрыву четыре опоры деревянного моста на реке, а затем восстановить мост и сделать большие проходы для понтонов. На учения были приглашены находившиеся в это время на полигоне слушатели военно-инженерной академии и работники кино. Когда сеть для взрыва подготовили, я предложил С. А. Щеглову проверить ее надежность прибором, но он поспешил доложить начальнику лагерного сбора о готовности к взрыву без проверки. Начальник лагерного сбора профессор Г. Г. Невский взялся за ручку подрывной машинки. Крутнул — взрыва нет. Крутнул второй раз — взрыва вновь не последовало. Легко представить себе всеобщее недоумение. Немедля начали проверять сеть и обнаружили под водой обрыв в цепи двух электродетонаторов. Сеть исправили, но на это потратили полтора часа, и, когда все-таки прогремел взрыв, эффект уже был не тот.

Однажды мы выполняли задание по наведению моста через реку. Мост мы наводили на лодках «А-3». Командир роты, вместо того чтобы промерить ширину реки, решил ее определить на глаз. Стали наводить мост. Оказалось, что ширина реки здесь не 92, как думал Щеглов, а 110 метров. Лодок не хватило, так как они были задействованы для десантной переправы. Мост навели с опозданием. В результате командир роты получил взыскание.

Все мы тяжело переживали эти неудачи. На партийных и комсомольских собраниях, на политинформациях обратили внимание всех курсантов и командиров на ответственное отношение к выполнению заданий, а виновных, допустивших брак при подготовке взрыва, серьезно предупредили. Это был поучительный урок для руководства роты. В любом деле надо помнить мудрую народную пословицу: «Семь раз отмерь — один раз отрежь».

В первой половине августа батальон направили на подготовку площадки для строительства аэродрома. Поставленная перед нами задача заключалась в том, чтобы за 15 дней очистить от леса и кустарников 400 гектаров площади.

Нашей роте выделили 2 гусеничных трактора «Коммунар», мотопилы и 7 колесных тракторов с тросами и дали задание очистить 180 гектаров. Для удаления пней выделили взрывчатку (аммонал), бикфордов шнур и капсюли. Работа была сложная, напряженная.

Для выполнения этой задачи мобилизовали коммунистов, комсомольцев, весь личный состав. Ежедневно подводили итоги дневных заданий, отмечали передовиков. Строго следили за соблюдением правил безопасности в работе. Особенно отличались старанием и умением красноармейцы — шахтеры Донбасса Александр Кравчук, Василий Грибов, Иван Петренко, которые за 20 секунд поджигали по 8—10 бикфордовых шнуров.

Рота, как и батальон в целом, успешно в установленный срок выполнила задание. Весь личный состав получил благодарность от командования.

Вскоре последовало новое задание. 2 сентября нас перебросили в Белоруссию на подготовку дорог и мостов к предстоящим осенним учениям.

Впервые я оказался в этих краях. Поразили природа, богатство и красота необъятных лесов. А вот болота и топи доставили нам немало хлопот. Большую помощь в перевозке лесоматериала для ремонта и усиления мостов, строительства гатей оказывало нам местное население.

Учениями руководил командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич, активный участник гражданской войны, награжденный тремя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием. В его резерве и находился наш опытный механизированный саперный батальон. По его заданию навел наплавной мост из бревен через реку Птичь, построил мост на сваях через реку Свислочь. В условиях очень плохой погоды (дождь со снегом) мы обеспечили переправу войск в районе Пуховичей.

Окончились учения. После разбора их результатов, где мы отметили лучших красноармейцев и командиров, батальон направили в город Оршу на строительство дорог. Когда и эта задача была выполнена, саперный батальон возвратился на зимние квартиры. Там нашу роту расформировали и курсантов отправили поездами в свои части. Тепло распрощавшись с товарищами по батальону, я выехал в Умань.

Напряженная учеба по овладению инженерно-саперным делом, изучение новой техники требовали постоянного повышения уровня образования. В 1930 году был издан приказ Наркома обороны СССР, согласно которому все политработники, не имевшие военного образования, должны были

сдать экзамены за военное училище. После усиленной подготовки, в апреле 1932 года, я сдал экзамены за военно-инженерное училище. Так без отрыва от повседневной службы получил среднее военно-инженерное образование.

Вскоре я был назначен на должность политрука школы младшего комсостава. В батальоне прослужил пять с половиной лет. Всегда с теплым чувством вспоминаю всех товарищей, с которыми довелось вместе работать все эти годы.

71-й УЛЬЯНОВСКИЙ

3 апреля 1933 года меня избрали секретарем партийного бюро Ульяновского стрелкового полка, командиром которого был В. А. Кумачев, а помощником по политчасти И. А. Горин. Новое служебное положение, и притом на новом месте, в новом, неизвестном мне коллективе, поставило более сложные задачи.

Партийная организация полка насчитывала 18 ротных и равных им партийных организаций, в которых состояло 240 членов и кандидатов в члены партии.

Используя уже имевшийся опыт партийной и комсомольской работы в саперном батальоне, на новом месте я начал с того, что побеседовал с каждым секретарем ротной партийной организации. Это дало возможность выяснить индивидуальные качества секретарей парторганизаций, расстановку коммунистов в подразделениях, а также определить, как партийно-политическая работа в полку способствует повышению боевой и политической подготовки личного состава.

Особое внимание уделялось марксистско-ленинскому образованию. В 1933 году в полку на вновь введенную должность инструктора по пропаганде назначили хорошо подготовленного коммуниста С. П. Кротенко. Он отвечал за организацию марксистско-ленинской подготовки командиров и политработников, проводил семинары с руководителями политзанятий, редакторами ротных стенгазет и агитаторами.

В 1933 году полк перевооружился на модернизированные винтовки, и, хотя в принципе огневая подготовка находилась на высоком уровне, на первых порах не все шло гладко. Перед личным составом стояла задача добиться по огневой подготовке отличных результатов. Это обязывало меня, как секретаря партийного бюро полка, в совершенстве знать и отлично стрелять из винтовки и револьвера, показывать личный пример. Признаться, до этого времени, по роду службы в саперном батальоне, приходилось больше уделять внима-

ния саперному делу, поэтому особых навыков в стрельбе у меня не было. Требовалось наверстывать упущенное. С большой благодарностью теперь вспоминаю начальника штаба полка И. В. Сушина и члена партийного бюро начальника боевого питания В. А. Захарцева, которые взяли надо мной шефство.

Шаг за шагом, изо дня в день, выкраивая каждую свободную минуту, тренировался в стрелковом тире, пока не достиг желаемого результата — стал отлично стрелять из револьвера и винтовки. Только после этого почувствовал, что имею моральное право требовать от всех коммунистов и комсомольцев высоких показателей в стрелковой подготовке.

В летнее время боевая и политическая учеба полка проходила в лагере. В мае дивизия вышла в район Гнивани, под Винницей. Сюда дивизия выходила впервые, поэтому требовалось много потрудиться, чтобы создать нормальные условия быта и учебы личного состава.

В лагере шли напряженные занятия. Немало внимания уделялось тактической и физической подготовке, часто проводились стрельбы. Задача состояла в том, чтобы не менее 80 процентов личного состава сдали нормы ГТО II ступени. Понятно, что все усилия партийных и комсомольских организаций направлялись на обеспечение передовой роли коммунистов и комсомольцев, на конкретную, целеустремленную индивидуальную работу с каждым командиром и красноармейцем.

Партийная работа строилась с учетом особенностей задач каждой роты. Так, много внимания партийному бюро приходилось уделять партийной организации роты одногодичников, секретарем которой был курсант Н. В. Онищук. Программа обучения воинов рот была сжатой, напряженной. Партбюро всегда помогало командиру роты Ф. П. Старчупу и политруку М. П. Петрову в обучении и воспитании людей. Командир роты иногда проявлял нетактичность к одногодичникам. Мы обратили его внимание на недопустимость этого, напомнили, что главное в работе командира — умение требовать, учить, воспитывать, но ни в коем случае не смешивать требовательность с грубостью и унижением человеческого достоинства. В центре внимания партбюро находилась и снайперская рота, которой командовал И. Г. Радыгин, политруком был В. И. Михайловский, секретарем партийной организации — командир отделения П. Г. Нечипоренко. Рота была укомплектована сверхметкими стрелками. На нее равнялись все подразделения в стрелковой подготовке.

Ежемесячно в полку проводились семинары с секретаря-

ми партийных организаций по обмену опытом партийной работы. Постоянное внимание уделялось комсомольскому бюро полка, где секретарем был В. С. Беспалов. Комсомольское бюро и ротные комсомольские организации поднимали всех комсомольцев на борьбу за отличные результаты в боевой подготовке и спортивно-массовой работе, за сдачу норм ГТО не только I, но и II ступени, вовлекали в комсомол лучших красноармейцев и младших командиров. Комсомольцы были инициаторами в организации культурного досуга красноармейцев, использовали различные формы работы. Особенно большой интерес у воинов вызвало появление в печати книги Михаила Александровича Шолохова «Поднятая целина». Ее обсуждение проходило оживленно.

В июле 1933 года нашей славной Железной дивизии исполнилось 15 лет. Мы отметили эту дату как большой праздник. В лагерь прибыли заместитель командующего войсками округа Иван Наумович Дубовой — член партии с 1917 года, активный участник Великой Октябрьской социалистической революции в Донбассе и гражданской войны на Украине, награжденный орденом Красного Знамени, а также первый начальник дивизии Гая Дмитриевич Гай — член партии с 1918 года. Под его руководством дивизия освобождала Самару и Симбирск. Так она стала Симбирской Железной дивизией. Г. Д. Гай выступил перед личным составом полка, говорил о первых боях и победах дивизии, о сокрушительном разгроме белых и взятии Самары и Симбирска в 1918 году. Впечатление у всех было огромное, с восхищением смотрели мы на героя гражданской войны, на груди которого сверкали два ордена Красного Знамени.

На другой день после празднования И. Н. Дубовой организовал проверку полков по огневой подготовке. Несмотря на то что показатели были неплохие, на разборе результатов проверки он сказал: «Мы ожидали от вас большего». Запомнились эти слова, мы еще раз пересмотрели свои резервы, продумали организацию занятий.

Решено было лучше использовать учебный полигон. Личный состав полка переселился на стрельбище за реку Южный Буг. К командирам предъявлялись требования, чтобы каждый добивался отличных результатов в стрельбе. Постоянные тренировки, изучение приемов и правил стрельбы, тщательная отработка каждого упражнения принесли хорошие результаты. В конце августа дивизия первой в округе сдавала инспекторскую проверку. Наш полк получил отлич-

ную оценку по стрельбе, особенно из станковых пулеметов, и занял первое место в дивизии.

Серьезным и ответственным испытанием для полка были опытные учения по прорыву укрепленного района, в которых он участвовал вместе с другими частями дивизий нашего корпуса и танкового полка из округа. Учениями руководили командир корпуса К. С. Квятик и комиссар С. В. Марков, на учениях присутствовали И. Э. Якир и И. Н. Дубовой. В то время наши войска только овладевали искусством ведения боя по прорыву укрепленного района. В сложной обстановке командный состав и красноармейцы проявили мужество, боевую стойкость и показали умение решать трудные боевые задачи.

В январе 1933 года объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял решение о проведении чистки партии в течение 1933 года и приостановке приема в партию до окончания чистки. Целью ее было обеспечение железной пролетарской дисциплины в партии и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов.

Это важное мероприятие проводилось открыто, при высокой активности всего личного состава частей и являлось проверкой на зрелость каждого члена партии. В конце сентября 1933 года я был утвержден председателем ячейковой комиссии по чистке партии, в состав которой вошли секретарь партийного бюро саперного батальона А. В. Буценко и командир дивизиона корпусного артиллерийского полка С. П. Трушин.

В течение месяца комиссия работала с членами и кандидатами в члены партии партийной организации стрелкового полка. Какое это было сложное и ответственное дело! Решалась судьба каждого члена и кандидата в члены партии. Во внимание принималось все: политические и деловые качества коммуниста, практическая деятельность, происхождение и культурный уровень. Чистка проходила с участием не только коммунистов, но и беспартийных, рядовых красноармейцев, членов семей командно-политического состава. Любой из присутствующих мог задавать вопросы и выступать.

Первые дни работы комиссии показали, что существует много неясного в этом деле. Советы, разъяснения, более четкие установки давали нам начальник политотдела стрелковой дивизии А. В. Бубличенко и его заместитель П. М. Ганусевич, начальник политического управления округа Г. Д. Хаханьян. Они учили внимательно относиться к судьбе

каждого коммуниста, тщательно обосновывать каждый факт исключения из партии, перевода из членов партии в кандидаты и сочувствующие.

В комиссию поступали и жалобы на членов партии. На них требовалось предметно реагировать. К примеру, поступила жалоба от местных жителей на помощника заместителя командира полка по тылу А. Е. Вагина, по приказанию которого с кладбища были взяты камни и использованы для благоустройства пешеходных дорожек в военном городке. Мы потребовали от Вагина принести свои извинения гражданам, а материалы возвратить.

Поступила жалоба на начальника штаба полка С. И. Гуриновича, который грубо относился к красноармейцам, самоуправствовал. Например, чтобы отучить красноармейцев держать руки в карманах шинели, он приказывал зашивать карманы. В целях исправления поведения члена партии Гуриновича комиссия задержала возвращение ему партийного билета.

Чистка партии вскрыла ряд недостатков в организации партийно-политической работы, факты низкой воинской дисциплины и помогла наметить конкретные меры по их устранению.

В целом проведенная работа способствовала укреплению партийных рядов, сплочению партийной организации полка.

В должности секретаря партийного бюро полка я проработал около восьми месяцев. Но это была хорошая школа. На многочисленных примерах я все более убеждался в том, что без действенной партийной работы невозможны успехи в обучении и воспитании воинов.

НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В середине ноября 1933 года приказом Наркома обороны СССР я был назначен военным комиссаром 9-го отдельного гуже-транспортного батальона дорожно-строительной бригады, который формировался на базе 6-го Туркестанского полка в городе Переяславе Киевской области.

Весь политический состав был из кадровых работников. Командиром батальона назначили командира-кавалериста Константина Михайловича Ксенофонтова, члена партии, награжденного орденом Красного Знамени за участие в ликвидации банд Антонова в 1921 году на Тамбовщине. Остальной командный состав призывался из запаса — из Киева и Кролевецкого района Сумской области.

Перед командованием батальона встала важная и ответственная задача: опираясь на партийную организацию, которую вскоре создали, сплотить весь командный и политический состав в единый, крепкий коллектив, способный успешно решать предстоящие сложные задачи. Штатная численность батальона составляла шестьсот человек. Личным составом батальон комплектовался за счет призывников трех областей Украины — Ворошиловградской, Киевской и Винницкой. Рабочим костяком стали призывники Рубежанского и Лисичанского военкоматов Ворошиловградской области. Около двухсот призывников были из Мархлевского и Пулинского районов Киевской, ныне Житомирской, области. Остальные с Винничины, многие — выходцы из крестьян-единоличников. Комсомольская прослойка была небольшой.

Учитывая данные о составе призывников, пришлось внимательно разобраться с каждым из них. Применил опыт, приобретенный в саперном батальоне: провел индивидуальные беседы, выяснил все интересовавшие людей вопросы. Это помогло выявить актив, на который можно опираться. Секретарь партбюро Василий Ефимович Лукашенко и секретарь комсомольского бюро Андрей Михайлович Кашеваров, оба кадровые опытные политработники, усилия партийной и комсомольской организаций направляли на обеспечение передовой роли коммунистов и комсомольцев в учебе и дисциплине. В связи с тем что батальон состоял из двух рот и хозяйственного взвода, в которых было мало коммунистов, партячейки в ротах не создавались. Политруками рот были назначены: 1-й роты — Иван Петрович Апуров, а 2-й — Иван Сергеевич Кочетков.

В ротах и хозвзводе создали комсомольские организации. Секретарями комсомольского бюро соответственно были избраны Семен Подопригора, Иван Никитенко и Яков Белоусов. Учитывая, что во взводах насчитывалось около ста человек, в каждом взводе были утверждены комсорги. В отделениях подобрали и утвердили агитаторов и чтецов. В ротах и хозвзводе утвердили редакторов стенгазет.

С командиром батальона Констатином Михайловичем Ксенофонтовым мы жили в одной комнате, совместно обсуждали задачи, намечали очередные работы. За это время нас с Константином Михайловичем два раза вызывали в штаб бригады с докладом о ходе формирования. К 1 января 1934 года все вопросы были решены. Красноармейцы получили новое обмундирование и, кроме того, ватные фуфайки и брюки. Появилась новая полнокровная воинская часть Красной Армии, способная решать ответственные задачи.

А. А. Виноградов

С. И. Сурков

А. И. Груздев

А. Г. Громов (справа)

Ф. З. Борисов, Л. Л. Борисов, А. Г. Громов (слева направо)

К. П. Шидловский

Я. М. Георгиев

* *
*

В начале 30-х годов международная обстановка осложнилась. Особенно тревожной она была на Дальнем Востоке. Войска милитаристской Японии захватили северо-восточные провинции Китая (Маньчжурию) и вышли к границам СССР. Возник опасный очаг мировой империалистической войны. На границах Советского Союза и дружественной Монгольской Народной Республики японцы непрерывно устраивали военные провокации, которые приходилось пресекать силой оружия.

Центральный Комитет партии и Советское правительство, проводя политику мира, озабоченные безопасностью страны, принимали меры к укреплению экономической и военной мощи Дальнего Востока. Перебрасывали на восток и нашу молодую часть.

9 января 1934 года на станции Переяславская погрузились в воинский эшелон. Наш путь лежал через всю страну. Теперь трудно восстановить в памяти все подробности долгих дней нашего путешествия. Но главное, что поражало, — это открывающиеся по обе стороны железной дороги панорамы грандиозных строек. Проехали Ярославль, Киров, Пермь, индустриальный Свердловск, Уральские горы. И вот за окном потянулись необозримые сибирские равнины. Стал давать себя знать сибирский морозец. В Омске мы получили на весь личный состав полушубки и валенки. И — опять в путь.

Несмотря на то что эшелон находился в движении, командиры и политические работники постоянно были среди красноармейцев, проводили с ними политико-воспитательную работу, знакомили с новостями из жизни страны, с международной обстановкой.

Через 31 сутки, преодолев тысячи километров с запада на восток, налюбовавшись необъятными просторами нашей Родины, 9 февраля 1934 года, мы прибыли по назначению — в Приморье.

Личный состав разгрузился в трех местах.

Предстояло разместить подразделение. Но где? Выручили местные власти. Мы заняли бараки в селе Сальском, в 10 километрах от станции Иман; крестьяне села Тихменева пустили красноармейцев в свои избы.

Более сложным оказалось обеспечение питанием. В пути следования мы сумели три раза помыть личный состав в бане. На месте это сделать было негде. Но свет не без доб-

рых людей. На помощь нам пришло командование 63-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии, а также местные партийные и советские органы. Появились картофель, овощи. Построили хлебопекарню, баню.

Перед нашей бригадой, штаб которой находился в селе Дмитровка, была поставлена задача совместно с бригадой, стоявшей в Хабаровске, построить шоссейную дорогу Хабаровск — Владивосток протяженностью свыше 700 километров. Батальон был направлен на сооружение мостов через реки Иман, Ваку и Уссури. Решение задачи затруднялось тем, что еще не прибыли лошади. Не было повозок. Но мы не сидели без дела. Пока реки были скованы льдом, вытягивали оставшиеся от летнего сплава бревна и на колхозных лошадях вывозили на место будущего строительства. Эта работа была очень трудоемкой и, к сожалению, малопроизводительной.

На трассе имелось много больших и малых топких болот, которые предстояло преодолеть. Особенно большие хлопоты доставляло топкое, так называемое царь-болото на переходе к мосту с правого берега реки Иман. Его длина составляла примерно 600 метров, а ширина — до полукилометра. Это была сплошная непроходимая трясина. Чтобы добраться до Имана, населению окрестных сел приходилось делать крюк около 30 километров. Рассказывали, что трясина засосала не одну повозку с лошадьми и ездоками, в ней погибали дикие звери и безрассудные смельчаки охотники. О царь-болоте ходили различные легенды. Богомольные женщины при одном упоминании о болоте крестились и сплевывали через левое плечо, обходили эти места, как говорят, десятой дорогой, полагая, что там водится сатана.

Однажды, было это уже летом, ко мне подошел старичок и, кашлянув в кулак, сказал:

— Вижу, вы навострились на это болото? Ничего у вас не выйдет! Оно вас помурыжит и сглотнет.

— Напрасно, дедушка, страху нагоняешь! — возразил я. — Победим это болото...

— Нет, не возьмете его, — сказал он убежденно.

— Возьмем, дедушка, — уверенно рубанул рукой рядом стоящий Василий Ефимович Лукашенко.

— Мы, дорогой, большевики. А большевикам не страшен сатана, — добавил я.

Дед покачал головой, посмотрел на нас с недоумением и, прошептав что-то, удалился.

Много сил, напряжения, воли стоило нам решение этой задачи. Решено было строить дорогу шириной 11 метров. Чтобы пробить ее через болото, по обе стороны будущего полотна мы проделывали кюветы, а затем на определенных участках, примерно через два-три метра, перерезали огражденную кюветами ленту и давали возможность трясине опуститься на дно. Работали красноармейцы лопатами, раздетые, по грудь в воде. Очень уставали, но никто не жаловался. Наоборот, всех охватил какой-то азарт. Сколько раз было так: целый день до вечера возили землю, засыпали трясину, сооружали насыпь, а утром приходили и поражались — насыпи как не бывало, перед нами стояло прежнее болото! И приходилось начинать сначала.

На первый взгляд, казалось, прав был тот дед, что предрекал нам неудачу. Но мы не отступали. Прикинули так и этак, поразмыслили вместе с красноармейцами, выслушали мнение старожилов. И продолжали работать с еще большим упорством. Главную нитку шоссе через болото прокладывал взвод П. И. Атанова. Работали ребята споро. Но дело продвигалось медленно. Многие не раз окунулись в трясину чуть ли не с головой. Передних стали подстраховывать веревками, обеспечивая безопасность.

Ловкими движениями бойцы разрезали крепкие корни осоки, камыша и других болотных растений. Только лягушки с перепугу шарахались во все стороны. И как ни сопротивлялось это «чудовище», человек оказался сильнее. Болото мы одолели, дорогу через него проложили. Впереди было немало участков, похожих на этот, но мы уже имели опыт, и нас не страшили никакие препятствия.

Не легко оказалось и приручить почти диких монгольских лошадей, научить их работать в упряжке, подчиняться человеку. В мае мы получили из монгольских степей 546 лошадей. В это же время нам доставили повозки (грабарки) и упряжь для конского состава. Лошади, вольно гулявшие по широким степям, не хотели подчиняться командам, возить повозки, если их понукали или пытались вести под узду. Пока на повозке кто-то сидел, лошадь шла, но стоило только ездовому слезть с повозки и положить на нее груз, она останавливалась. Встал вопрос об организации кормления и ухода за лошадьми. Пригодился опыт красноармейцев, которые приобрели его еще в колхозах, до призыва в армию.

В июне начали прибывать семьи комсостава. Размещались у крестьян. Мы занялись организацией столовой, детского сада. Центром культурно-просветительной работы стал

батальонный клуб, при котором была организована художественная самодеятельность. В ней приняли участие жены командиров Морякина, Атанова и Лукашенко.

Вспоминается такой случай. Приближался праздник Первого мая. Нашлись инициаторы проведения вечера отдыха командного состава. Пришли ко мне. Я согласился, но предупредил, чтобы не было спиртных напитков. Организаторы вечера согласились со мной, но попросили разрешения наварить медку. Я, не зная, что медок — хмельное зелье, разрешил. В целом вечер прошел хорошо, но медок сыграл свою роль. Меня вызвал комиссар бригады, выслушал объяснения и задал вопрос:

— Чем отличается командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии от офицера старого режима? — Сам же ответил: — Тем, что он строг и требователен к себе прежде всего, скромен в быту, примерен в личном поведении. На него смотрит красноармеец, с него берет пример. Какой пример показали командиры батальона? Как ты думаешь?.. — и добавил: — Плохой, очень плохой пример.

— Этот медок сам никогда не пил и не знал, что он хмельной, — ответил я.

Семенов сделал мне серьезное замечание, которое запомнилось на всю жизнь.

Летом 1934 года перед нашими дорожно-строительными бригадами была поставлена ответственная задача: дать к 7 ноября проезд по всей трассе от Хабаровска до Владивостока.

Задача осложнялась тем, что приближалось время распутицы. Дело в том, что на Дальнем Востоке половодье и разлив рек происходят не весной, как в европейской части страны, а в середине лета. Во второй половине августа в горах Сихотэ-Алиня тают снега, идут ливневые дожди, масса водных потоков устремляется в долины, реки и речушки. Вода достигает высокого уровня. Она нередко смывает огороды, пашни, даже насыпи железных дорог, наносит подчас материальный ущерб народному хозяйству края и населению. Это бедствие испытали на себе и мы. В сентябре в результате сильного разлива реки Иман и Вака вышли из берегов, затопили низину, создалась угроза размыва дорожной насыпи между этими реками. Спасти положение можно было, только укрепив дорожное полотно. Командование обратилось в горсовет города Имана с просьбой выделить нам

десять тысяч мешков. Мы их заполнили землей, уложили на насыпи со стороны напора воды и организовали круглосуточное дежурство на наиболее угрожаемых участках. Дорогу удалось спасти...

И вот задание выполнено. 7 ноября 1934 года, несмотря на многие трудности, проезд по всей трассе был открыт. Командование бригады тепло поздравило подчиненных с праздником Великого Октября и успешным осуществлением поставленных задач по строительству дороги. Однако дел еще было много, ведь близилось время полной сдачи дороги в эксплуатацию. Взялись за работу с еще большим воодушевлением.

19 ноября нас постигло несчастье: сгорели два жилых барака. Обошлось без жертв, но перед нами опять встала проблема: где и как разместить личный состав на зимний период? Только с помощью местных жителей удалось решить ее.

Сам же факт пожара говорил о необходимости повышения политической бдительности и организованности.

Зима 1934/35 года прошла в постоянных заботах об обеспечении питанием личного состава. Наученные горьким опытом, мы не сидели и не ждали, пока для нас будут выделены фонды. Летом и осенью заготовили овощи, картофель, наладили их надежное хранение. Построили баню и прачечную. Для кормления лошадей создали запасы сена, овса, построили и утеплили конюшни.

* *
*

В феврале в 4-м мостостроительном батальоне во время бурана (а бураны на Дальнем Востоке бывают страшной силы) на мосту через реку Уссури рухнула основная ферма. Для ее восстановления нужен был лес. Нам поручили доставить его из тайги. Нелегкой оказалась эта задача. Пурга замела все дороги и пути, приходилось пробиваться через снежную целину. Мы потеряли несколько лошадей, но все же с задачей справились.

Помню, как весной, во время ледохода, на реке Ваке большой льдиной срезало один ледорез. Создалась угроза

разрушения мостовой опоры. Чтобы ее спасти, потребовалось в короткий срок вывезти 900 кубометров камня и сбросить его в воду вокруг опоры. И с этой задачей мы справились. Летом же поставили новый ледорез, прочнее и надежнее прежнего.

Ни огромный объем работы, ни стихийные бедствия не могли охладить трудовой подъем людей. К 1 ноября 1935 года автомагистраль Хабаровск — Владивосток была сдана в эксплуатацию полностью, со всеми сооружениями и мостами. Завершилось строительство трассы Манзовка — Турий Рог, улучшена дорога Уссурийск — Гродеково с ответвлением на Покровку и другие населенные пункты.

В 1935 году истекал срок действительной службы призванных в армию в 1933 году. По существу, происходила полная замена младших командиров и рядовых красноармейцев. Мы начали подготовку к приему нового пополнения. И в этот сложный и ответственный момент поступил приказ подготовить батальон для переброски в район Краскино, к озеру Хасан.

Мы обратились к руководству бригады с просьбой разрешить провести увольнение в запас старослужащих красноармейцев и принять новое пополнение в селе Сальском. Но в ответ получили категоричное подтверждение приказа. В начале ноября 1935 года батальон был подготовлен к передислокации. 6, 7, 8 ноября в полном составе тремя эшелонами прибыли на станцию Раздольная. Далее предстояло преодолеть 200 километров пути пешим порядком. Но уже на Раздольной нас ожидало испытание на выносливость. Выпал обильный снег. Лошади, подкованные на передние ноги, не могли передвигаться по горным обледеневшим дорогам. Всего три дня потребовалось на их перековку нашим замечательным кузнецам Рецлаву, Наливайко, Гаркуше и другим. По новой дороге добрались благополучно до Барабаша. Там пополнили запасы продовольствия, корма для лошадей и — снова в путь.

В долине реки Сидими стояла теплая солнечная погода. Перед штурмом Адимского и Сухановского перевалов денек отдохнули. Особенно трудным для нас был Сухановский, подъем и спуск которого составляли десятки километров. Мы преодолевали его трое суток. Каждую повозку пришлось вытаскивать буквально на руках.

Прибыв в указанный пункт дислокации, определили места расположения рот, хозвзвода. Поставили палатки, в них

оборудовали двухэтажные нары. В каждой палатке разместили по 50 красноармейцев. Для обогрева палаток получили по две железных печки. Но они оказались без труб и так дымили, что в палатках можно было задохнуться. Выручила смекалка. Красноармеец Иван Рябошапка предложил оригинальный выход и вместе с красноармейцами Яковом Микитенко, Николаем Жаданом соорудил дымоходы из камней.

Жили мы по-настоящему в полевых условиях. Пищу готовили в походных кухнях, под столовую приспособили большие палатки. Оборудовали медпункт. Врач Веселовский принимал все меры для предупреждения простудных заболеваний. Он проявлял заботу о соблюдении личной гигиены красноармейцев, о чистоте в палатках.

Крайне сложно на первых порах оказалось обеспечить личный состав хлебом. В ближайших селах проживало корейское население. Это были добрые, отзывчивые люди, но, когда мы заводили разговор о выпечке хлеба, они беспомощно разводили руками. В их фанзах хлеб не выпекался. Выручили кавалеристы, которые стояли в поселке Зайсановка. Через комиссара эскадрона И. А. Пожарского удалось договориться об обеспечении нас хлебом. С рыбного промысла, расположенного в поселке Зарубино, на побережье Тихого океана, получали рыбу.

Постепенно снабжение налаживалось. В декабре из Владивостока в бухту Посьет нам было доставлено пароходом продовольствие и овес для конского состава. Овощи заготовили на месте с помощью корейского населения Посьетского района. Улучшался и быт. В каждой роте отрыли и оборудовали под бани землянки. Одним словом, к зиме подготовились основательно.

Вот только с обеспечением зимовки лошадей дело оказалось сложнее. Конюшен-то не было. Красноармейцы Алексей Стецюк, Петр Ткаченко, Степан Непийвода и другие, работавшие в колхозах и частных хозяйствах Украины, внесли предложение построить примитивные укрытия из хвороста, обложить их снегом, который и защитит лошадей от холодного ветра и мороза. Так и сделали. В целом зимовка прошла неплохо.

Увольнение в запас и прием нового пополнения прибавили нам забот, ведь мы находились за 200 километров от железной дороги.

А ведь основной задачи с нас никто не снимал, хотя,

в связи с тем что с наступлением холодов почва промерзла на глубину до двух метров, земляные работы временно пришлось прекратить. Перерыв в трудовой деятельности мы использовали для занятий по боевой и политической подготовке. В связи со значительным обновлением личного состава батальона пришлось вплотную заняться восстановлением комсомольских организаций в ротах, выборами руководящих органов, подбором актива.

На партийных и комсомольских собраниях мы обсудили ближайшие наши задачи по сколачиванию подразделений, по обучению и воспитанию молодых воинов. В этом помогала стенгазета «Насыпь», редколлегия которой работала оперативно.

По решению командования дорожно-строительные бригады расформировывались. Наш батальон стал строительным и переместился в поселок Галенки, что в 40 километрах западнее города Ворошилов-Уссурийский, где предстояло участвовать в строительстве кирпичного завода.

Всесторонне обсудив новые задачи, мы решили, что будет неплохо, если наши красноармейцы попутно изучат основы кирпичного производства. Начальник штаба батальона П. А. Морякин, командиры взводов П. И. Атанов и С. А. Иванцов стали настоящими энтузиастами этого дела. В батальоне оказалось немало воинов, которые с детства знали, как делается саман для украинских хат и других построек. Нашлись знатоки строительства печей для обжига кирпича-сырца.

В устной и наглядной агитации теперь главное внимание уделялось освоению новой специальности, изучению и распространению передовых приемов и опыта труда. Стенгазета, которая стала называться «Военный строитель», широко пропагандировала опыт приготовления строительного материала (смеси из глины и песка), формовки сырца и выжига готовой продукции.

В конце 1935 и начале 1936 года всем командирам и политработникам были присвоены воинские звания. У политработников кроме знаков отличия на левом рукаве гимнастерки и шинели нашивалась из красной шерсти пятиконечная звезда. Мне присвоили воинское звание «старший политрук». На петлицах появилась одна шпала.

В мае 1936 года меня вызвали в Хабаровск на месячные курсы переподготовки политсостава, а затем приказом командующего ОКДВА В. К. Блюхера я был назначен военным комиссаром 275-го стрелкового полка вновь формируемой 92-й стрелковой дивизии.

Усиление агрессивности японских милитаристов требовало от Советского правительства проявления большой заботы об укреплении дальневосточных рубежей. Подтверждением тому служило и формирование 92-й стрелковой дивизии. Она формировалась в 1936 году. В состав соединения вошли стрелковые и артиллерийский полки и некоторые части, переданные из 40-й дивизии.

Командиром дивизии был назначен венгерский интернационалист комбриг Лайош Гавро, член партии с 1917 года, активный участник гражданской войны, награжденный двумя орденами Красного Знамени. Военным комиссаром — полковой комиссар Н. В. Никишев, получивший солидный опыт работы в политическом управлении ОКДВА, начальником политического отдела — полковой комиссар А. С. Фомин.

Нашему 275-му стрелковому полку не повезло на первых порах с командирами. Сначала был назначен майор В. Н. Мацуков. Однако, в связи с тем что во время обмена партийных документов ему новый партийный билет не выдали, он вскоре выехал на Украину для реабилитации и в полк не возвратился. Исполняющим обязанности командира полка стал начальник штаба капитан С. И. Марков. Он оказался безынициативным, плохим организатором, главным в работе командира полка считал «принять своевременно доклад от начальника штаба». А между тем время шло, полк укомплектовывался, и на повестку дня вставали все новые и новые вопросы самого различного характера.

В июне в полку организационно оформились партийная и комсомольская организации. Партийная организация состояла в основном из командно-политических работников, сержантов и старшин сверхсрочной службы. В партийное бюро мы выбрали семь человек. Секретарем стал К. А. Теличко. В строевых стрелковых ротах коммунистов было немного.

Состоялись выборы комсомольского бюро. Во главе его стал Михаил Степанов, передовой комсомолец, настоящий вожак молодежи. Во всех ротах создали комсомольские организации.

Партийная организация полка главное внимание сосредоточила на организации массово-политической работы среди личного состава по поддержанию постоянной боевой готовности и высокой политической бдительности. Это диктовалось прежде всего самим расположением полка. Полк дислоцировался в долине реки Монгугай, близ границы, по-

этому всем подразделениям необходимо было поддерживать постоянную боевую готовность. Командование батальона сразу установило тесную связь с пограничной заставой.

На главной базе полка продолжалась работа по благоустройству. Шло строительство казармы, столовой, двенадцатиквартирного дома для командного и политического состава, который пополнился за счет дополнительного штата 13-й Дагестанской стрелковой дивизии с Северного Кавказа. До окончания строительства казарм и жилого дома красноармейцы жили в палатках, а командно-политический состав — в корейском поселке и находившейся в 3—4 километрах от военного городка русской деревне.

За ходом формирования полка внимательно следили и оказывали необходимую помощь командования дивизии, корпуса и Приморской группы войск.

В мае — июне 1936 года было сформировано управление 39-го стрелкового корпуса. В состав корпуса вошли 40-я, 92-я дивизии и корпусные части: артиллерийский полк, саперный и автомобильный батальоны и батальон связи. Командиром корпуса был назначен комдив А. К. Смирнов, военным комиссаром — дивизионный комиссар И. К. Николаев, знакомый мне еще по службе в Умани.

А. К. Смирнов часто приезжал в полк и каждый раз он оказывал нам большую помощь. Помню, как трудно решался у нас вопрос с доставкой продовольствия. По распоряжению командира корпуса силами корпусного автомобильного батальона со станции Раздольная в полк был завезен месячный запас продовольствия.

В полку побывал начальник политотдела Приморской группы войск дивизионный комиссар С. А. Скворцов. Он всесторонне ознакомился с ходом формирования полка, долго и предметно беседовал со мной и секретарем партбюро К. А. Теличко. Его интересовали все стороны нашей жизни: организация партийно-политической работы, как живут, чем занимаются партийные и комсомольские организации пулеметных рот. Душевно беседовал с красноармейцами, расспрашивал их, как организовано питание, что читают, получают ли свежие газеты, как им доставляются письма от родных, как часто сами пишут родным и друзьям. Много внимания уделил развитию ротной и полковой художественной самодеятельности. Скворцов был замечательным политработником. От него же получали добрые советы. Замечу, что в его стиле работы не было суеты, шума или гру-

бости. Разговаривал он по-деловому, предметно, доброжелательно.

Вскоре после завершения формирования полка его посетил начальник Политического управления Красной Армии армейский комиссар 1 ранга Ян Борисович Гамарник. Он побывал в подразделениях, долго и душевно разговаривал с красноармейцами. В беседе с руководством полка Ян Борисович обратил внимание на необходимость соблюдать высокую политическую бдительность и боевую готовность.

Теплые воспоминания остались о жене комбрига Лайоша Гавро — Анне Никитичне Фурмановой. Она была вдовой известного писателя Дмитрия Фурманова, который был комиссаром 25-й Чапаевской дивизии, но очень рано, в 1925 году, ушел из жизни. Анна Никитична лично знала Василия Ивановича Чапаева — героя гражданской войны, Ивана Панфиловича Белова, о котором Д. Фурманов ярко писал в романе «Мятеж». Она также хорошо знала героя гражданской войны Епифана Ковтюха, с которым Дмитрий Фурманов участвовал в разгроме врангелевского десанта генерала Улагая на Кубани, что описано в повести «Красный десант».

Выступая перед красноармейцами и командирами полка, Анна Никитична не только увлекательно рассказывала о Чапаеве, Белове, Ковтюхе, но и прививала любовь к художественной литературе, помогала нам воспитывать личный состав на боевых традициях героев гражданской войны, в духе советского патриотизма и гордости за принадлежность к Красной Армии. С ее помощью при Доме Красной Армии был создан самодеятельный драматический театр, успешно осуществивший постановку спектакля по пьесе А. Корнейчука «Гибель эскадры». В течение нескольких выходных дней личный состав полка поротно с большим удовольствием смотрел этот спектакль, для многих он был вообще первым в жизни.

Знаменательным событием в полку стало появление звуковой кинопередвижки. Первым фильмом, который мы показывали на летней площадке, был «Цирк». Прекрасная музыка И. Дунаевского, песни и исполнители, особенно Л. Орлова, очаровали весь личный состав полка.

Все бы хорошо, но отсутствие твердой, направляющей руки командира полка отрицательно сказывалось на решении многих вопросов. В октябре в полк приехал начальник боевой подготовки Приморской группы войск, участник гражданской войны майор Николай Эрастович Берзарин.

Он ознакомился с устройством и жизнью личного состава, выслушал исполняющего обязанности командира полка С. И. Маркова, а затем, встретив меня, сказал:

— Пойдем куда-нибудь в укромное местечко, побеседуем.

Такое местечко нашли, сели, и он по-дружески сказал:

— Расскажи откровенно, ничего не скрывая: как вы живете, как дела, каковы настроения?

Такое начало разговора располагало к откровенности. Я поделился всем тем, что беспокоило меня. Попросил назначить к нам опытного командира полка. Он выслушал внимательно, а затем коротко ответил:

— Поможем.

А буквально через день на должность командира полка прибыл майор Иван Михайлович Чистяков. Берзарин выполнил обещание.

Да, таков был он — человек большого сердца и большой души. Замечательна его судьба. В 1938 году 32-я стрелковая дивизия под его командованием громила японских самураев у озера Хасан и за боевые заслуги была награждена орденом Красного Знамени.

Активно участвовал Берзарин и в Великой Отечественной войне. Войска 5-й ударной армии под его командованием штурмовали Берлин. А после Победы Герой Советского Союза генерал-полковник Н. Э. Берзарин стал первым комендантом Берлина. Его ждало большое будущее, но в 1945 году в расцвете сил он трагически погиб при исполнении служебных обязанностей.

Новый командир полка И. М. Чистяков прибыл к нам с должности начальника оперативного отделения дивизии. С первых дней взялся за дело по-настоящему. Человеком он был исключительно требовательным и отзывчивым. Иван Михайлович в совершенстве знал вопросы боевой и политической подготовки, отлично стрелял из всех видов оружия.

С прибытием в полк Ивана Михайловича дела у нас пошли лучше, хотя и трудностей еще было предостаточно. Ведь полк создавался на новом месте. Главное внимание командиров батальонов капитанов К. П. Венедиктова, П. С. Перепелицы, А. И. Грицюка, всех командиров рот, взводов и политработников было направлено на подготовку к первому в полку учебному году.

Начали с того, что в полку провели занятия с командирами батальонов, командирами и политруками рот, в батальонах — с командирами взводов, а в ротах — с командирами отделений.

Учебный год начался организованно, по установленной программе. Вместе с тем не всё мы успели закончить своевременно. Завершать строительство помещений для размещения личного состава пришлось уже после начала занятий. Тогда же закончили строительство двенадцатиквартирного дома для командно-политического состава. В нем разместилось 48 семей. Жили скромно. В тесноте, но, как говорится, не в обиде. В каждой квартире размещалось по нескольку семей. По одной комнате в трехкомнатной квартире занимали семьи командира полка, моя и одного командира взвода. Даже помещение, где по проекту должны были быть туалет и ванна, оборудовали под жилье и там поселили семью кинорадиотехника. Все были довольны, что есть крыша над головой, ибо хорошо знали, что большего никто нам дать не может.

С помощью сельского Совета и правления местного колхоза в поселке подобрали подходящее помещение, переоборудовали силами полка под клуб и в нем стали демонстрировать звуковые и немые кинофильмы. Эти киносеансы приносили большую радость не только личному составу полка и семьям командиров, но и местному населению.

Большое внимание уделялось работе с семьями командно-политического состава. В частях и соединениях была введена должность организатора по работе с семьями, создавались женские советы. В нашем полку председателем женского совета стала жена командира 3-го батальона капитана Алексея Ивановича Грицюка — член партии Оксана Петровна Грицюк. Она умела объединить женщин на решение многих задач (например, приведение в порядок клуба, бани, красноармейских ленинских комнат и уголков), вовлекала в работу художественной самодеятельности, хлопотала о благоустройстве молодых семей, контролировала работу детского сада, магазина и медпункта. Не случайно Оксана Петровна была направлена политотделом дивизии для участия во Всеармейском совещании жен командного состава, которое состоялось в конце 1936 года в Москве. Подготовка к совещанию, а затем его рекомендации значительно активизировали работу женских советов по оказанию помощи командованию в боевой и политической подготовке.

* *
*

Начало учебного года совпало с историческим событием в жизни нашей страны. 5 декабря 1936 года VIII Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов принял новую Конституцию СССР — Конституцию победившего социализма. В эти дни штаб и политотдел дивизии во главе с комбригом Л. Гавро проверяли начало учебного года в полку. Проверяющие в нашем присутствии доложили Гавро о своих впечатлениях и замечаниях, обнаруженных ими недостатках. Командир дивизии внимательно всех выслушал и в заключение задал нам с Чистяковым один вопрос:

— Какая помощь вам нужна?

Иван Михайлович не растерялся и смело ответил комбригу:

— Дайте нам месяц сроку, и чтобы в течение месяца в полк никто не приезжал. Через месяц проверяйте.

Комбриг внимательно посмотрел на нас, сначала нахмурился, помолчал, а затем улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Даю вам месяц для устранения недостатков, а через месяц проверим.

Доверие надо было оправдать делом. Сразу же после отъезда проверяющих мы с Иваном Михайловичем обменялись мнениями, что надо предпринять для устранения указанных недостатков.

— Начнем со строгого контроля за составлением расписаний занятий и выполнением по всем параграфам программы, — сказал он мне и добавил: — Ты вместе с партийным бюро и комсомолом бери на себя все вопросы политической закалки, а я займусь боевой подготовкой.

Так и решили. Еще раз собрали командно-политический состав, разобрались во всех деталях, породивших недостатки, отмеченные комиссией, конкретно определили, кто за какой участок несет прямую ответственность.

Кроме того, провели партийное собрание, на котором с докладом о мероприятиях по устранению недостатков в проведении занятий по боевой и политической подготовке, отмеченных комиссией, выступил командир полка. Собрание прошло при высокой активности коммунистов и сыграло положительную роль в организации учебной работы. Затем состоялись комсомольские собрания во всех ротах, на которых обсуждались вопросы обеспечения передовой роли комсомольцев в учебе и дисциплине.

Особое значение мы всегда придавали боевой готовно-

сти личного состава пулеметных рот, поэтому в работе комсомольских собраний этих рот приняли участие и мы с командиром полка.

И. М. Чистяков по пятницам обычно проверял расписание занятий на предстоящую неделю в каждой роте.

Два раза в неделю по два часа проходили политзанятия, а в другие дни политруки рот проводили политинформации о важнейших событиях международной и внутренней жизни страны. В часы массовой работы в ротах организовывались доклады, встречи с интересными людьми — участниками революции и гражданской войны на Дальнем Востоке, вечера вопросов и ответов, просмотры кинофильмов. В клубе работали кружки художественной самодеятельности: танцевальный, хоровой, чтецов-декламаторов. В полку создали хороший духовой оркестр, оказавший большую помощь в развитии художественной самодеятельности. Под марш духового оркестра проводился строевой смотр поротно и побатальонно, а затем и всего состава полка. На дивизионном смотре самодеятельности в 1937 году полк занял первое место в дивизии. По этому поводу Иван Михайлович Чистяков говорил мне шутя:

— Если мы провалимся на инспекторской проверке, нам жизни не будет. Скажут — проплясали.

Два раза в год, к 23 февраля и 1 Мая, проводился смотр стенных газет. Лучшие газеты отмечались, а редакторам объявлялась благодарность.

Под руководством политруков рот во всех взводах работали агитаторы, а в отделениях — чтецы. Личный состав настойчиво занимался боевой и политической подготовкой. Недостатки, вскрытые штабом дивизии в начале учебного года, устранялись, и учеба шла в должном ритме. Слово, данное командиру дивизии, мы сдержали.

Много забот принесла подготовка к отчетам и выборам партийных органов.

Скажу откровенно, несмотря на имевшиеся инструкции о проведении отчетно-выборных партийных собраний и порядке выборов партийного бюро закрытым голосованием, а также выборов делегатов на партийные конференции, на практике оказалось не все ясным. Вот пример. В апреле в полку состоялось отчетно-выборное партийное собрание. Оно было хорошо подготовлено и прошло при высокой активности коммунистов. Собрание приняло решение избрать

партийное бюро в составе 7 человек. При выдвижении кандидатур в список для тайного голосования по выборам партбюро было выдвинуто 15 коммунистов. В результате тайного голосования 6 коммунистов большинством голосов были избраны в состав бюро, а из 9 кандидатур никто не получил более половины голосов присутствующих на собрании. Как быть? Проводить опять голосование по всем кандидатурам или же переголосовать те кандидатуры, которые не получили большинства голосов? Мною было внесено предложение провести переголосование только двух кандидатур из девяти, получивших при голосовании наибольшее число голосов. Но тут командир 1-й пулеметной роты А. Г. Ефремов поставил вопрос:

— Нет ли нарушения внутрипартийной демократии?

Началось обсуждение. Большинство участников партсобрания сошлись на том, что нарушение налицо. Решили провести переголосование. И что же? Чтобы из девяти кандидатов доизбрать в состав партбюро одного коммуниста, потратили полных два дня. Разгорелись страсти. Семь раз печатали списки, семь раз голосовали, подсчитывали результаты, но так и не могли никого избрать. Дальше нельзя было тратить время. Мною вновь было внесено предложение проголосовать за две кандидатуры, получившие при первом голосовании большинство голосов. На этот раз партийное собрание согласилось с этим предложением, и при восьмом голосовании с соблюдением инструкции избрали седьмого члена партбюро. Секретарем партбюро вместо К. А. Теличко был избран политрук пулеметной роты Н. В. Губанов. Выборы делегатов на партийную конференцию прошли с первого голосования. В числе делегатов были и мы с командиром полка.

С высоты нынешнего моего опыта партийной работы все выглядит, конечно, по меньшей мере анекдотично. Но тогда это было событие, которое взволновало всю партийную организацию, вызвало немало споров и разнотолков.

27 апреля открылась дивизионная партийная конференция. На конференции присутствовал командующий Приморской группой войск, герой гражданской войны, участник подавления Кронштадтского мятежа в 1921 году, командарм 2 ранга Иван Федорович Федько, награжденный четырьмя орденами Красного Знамени.

Хотел бы напомнить, что в то время в корпусе политотдела не было, поэтому коммунисты штаба корпуса и корпусных частей находились на партийном учете в политотделе дивизии. В работе конференции принимали участие

командир корпуса комдив А. К. Смирнов и военный комиссар дивизионный комиссар И. К. Николаев.

В 1937 году во всех воинских частях и военных штабах, управлениях и учреждениях Красной Армии был восстановлен институт военных комиссаров. В ротах вводилась должность политрука. В соответствии с этим постановлением большая группа партийных работников и коммунистов-рабочих была направлена в армию на должности военных комиссаров. Одновременно на эти должности выдвигались политически подготовленные строевые командиры-коммунисты. Это значительно укрепило кадры политсостава Красной Армии и способствовало дальнейшему улучшению политико-воспитательной работы.

С тяжелым чувством до сих пор вспоминаю события 1937—1938 годов.

В июне мы узнали об аресте как врагов народа Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана, Корка, Примакова, Путны и Фельдмана. Это вызвало у нас много раздумий, ведь мы знали этих людей как активных участников гражданской войны, видных деятелей Красной Армии. Затем последовали аресты и других командиров и политработников. Вскоре был арестован и командир нашей дивизии Лайош Гавро. Время было сложное.

В полку, а позже в 35-й Сибирской стрелковой дивизии неоднократно пришлось сталкиваться с этим вопросом. Появилась подозрительность в отношении командиров и политработников, что наносило большой вред общему делу — укреплению обороноспособности страны. Должен сказать, при первых сообщениях об арестах у нас было убеждение, что репрессии применяются против действительных врагов нашего народа, но в дальнейшем, когда они коснулись тех, кого мы хорошо знали, появилось сомнение в правильности их применения. В полку за период нашей работы с И. М. Чистяковым никто не был репрессирован. С большим удовлетворением значительно позже узнал, что незаконно репрессированные военачальники, партийные и государственные деятели реабилитированы и восстановлены их добрые имена.

Командиром дивизии вместо Л. Гавро был назначен активный участник гражданской войны, член КПСС с 1917 года полковник Филипп Федосеевич Жмаченко. Волевой, знающий военное дело, он сразу же завоевал симпатии личного состава дивизии.

С ноября 1937 года, после окончания трехмесячных курсов военных комиссаров полков, я более двух месяцев исполнял обязанности начальника политотдела нашей 92-й дивизии.

В ноябре произошли изменения в руководстве полка. И. М. Чистяков убыл на должность командира 105-й стрелковой дивизии в Приморье. Меня вызвали в политическое управление ОКДВА. Провели обстоятельную беседу в отделе кадров и пропаганды, уточняли, выясняли биографические данные, но о дальнейшей работе никто не говорил. По возвращении из Хабаровска продолжал работать исполняющим обязанности начальника политотдела дивизии.

12 декабря 1937 года в обстановке огромного трудового и политического подъема состоялись первые выборы в Верховный Совет СССР. В период подготовки к выборам среди личного состава проводилась большая разъяснительная работа о правах и обязанностях граждан нашей страны в условиях победившего социализма. Вместе с работниками политотдела дивизии бывал на всех избирательных участках, знакомился с ходом подготовки к выборам, на месте оказывал помощь в постановке партийно-политической и организационной работы политработников и избирательных комиссий. Задача состояла в том, чтобы на высоком уровне провести избирательную кампанию.

Выборы проходили в исключительно торжественной обстановке. Утром, задолго до открытия избирательных участков, собирались сотни людей. Каждый стремился первым отдать свой голос за кандидата блока коммунистов и беспартийных. Слышны были песни, выступала художественная самодеятельность, демонстрировались кинофильмы. В частях дивизии, как и во всей стране, выборы прошли при высокой активности избирателей.

В конце декабря в Хабаровске под руководством командующего ОКДВА Маршала Советского Союза В. К. Блюхера состоялся «актив партийных и непартийных большевиков». На нем подводились итоги боевой и политической подготовки за 1937 год, всесторонне обсуждались задачи на 1938 год.

В середине января 1938 года приказом командующего ОКДВА я был назначен исполняющим обязанности военного комиссара 35-й Сибирской Краснознаменной стрелковой дивизии. Через несколько дней после получения приказа о новом назначении сдал дела, заехал в 275-й стрелко-

вый полк, тепло простился со всеми товарищами, с которыми формировали вместе полк, испытывали горечь неудач и радость успехов.

БИКИН

К исполнению обязанностей комиссара 35-й стрелковой дивизии приступил в сложной международной обстановке. Империалистическая Япония, закрепившись в северо-восточных провинциях Китая, с 1937 года начала военные действия на захват всей его территории, стремясь превратить Китай в свою колонию. Правящие круги ведущих западных держав, проводя политику попустительства и невмешательства в действия гитлеровской Германии, по существу, подталкивали ее на Восток, пытаясь направить агрессию против Советского Союза с целью уничтожения первого в мире социалистического государства.

Коммунистическая партия и Советское государство, проводя политику мира и невмешательства в дела других государств, зорко наблюдая за происками агрессоров, проявляли большую заботу об укреплении боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота. Материальной базой для этого служило выполнение советским народом плана второй пятилетки, возрастающее экономическое могущество страны. Полным ходом шло техническое перевооружение Красной Армии, она превращалась в передовую современную армию.

19 января я прибыл к новому месту службы. На железнодорожной станции встретил старший инструктор политотдела по оргпартработе политрук Михаил Александрович Григорьев, в силу ряда обстоятельств оказавшийся старшим в политотделе. Военный городок порадовал электрическим освещением, радиовещанием. Это произвело на нас большое впечатление, так как в прежних гарнизонах, где приходилось служить, такого не было.

35-я стрелковая дивизия — одна из старейших в Красной Армии. Созданная в 1918 году, она сражалась на Восточном фронте против колчаковских войск. В 1929 году в составе Забайкальской группы войск громила китайских милитаристов и белогвардейцев на КВЖД. В 1936 году дивизия передислоцировалась из Восточной Сибири в эти края. Дивизией командовал активный участник гражданской войны, член КПСС с 1919 года, награжденный тремя орденами Красного Знамени, комбриг Иван Федорович Дашичев. До

этого он шесть лет работал начальником штаба 2-го стрелкового корпуса в Москве. Командир грамотный, культурный, тактичный в обращении с подчиненными. Характерной чертой его в обращении с командирами и политработниками был спокойный тон. Никогда не повышал голоса, а если волновался, то это проявлялось в том, что значительно реже произносил слова, а лоб покрывался испариной.

Меня командир встретил спокойно и доброжелательно.

— Как добрались? — спросил он.

— Хорошо.

— Как устроились? Все ли есть необходимое, может, в чем-то нуждаетесь? Не стесняйтесь.

— Спасибо. Устроился — лучше и желать нельзя, все есть, теперь впору за дело браться, — ответил я.

— Да, работы нам с вами предстоит немало. На легкую жизнь рассчитывать не приходится, — сказал комбриг.

Командир подробно рассказал о боевой задаче дивизии, назвал части и подразделения, их командиров и политработников, давая каждому характеристику. Чувствовалось, что он хорошо знает свое хозяйство, а значит, и работать с ним будет интересно.

В политотделе Михаил Александрович Григорьев собрал всех работников, а также товарищей из редакции дивизионной газеты и Дома Красной Армии. После того как я кратко рассказал о себе, Григорьев дал краткую характеристику каждому из присутствующих. Затем я познакомился с работниками штаба и управления дивизии, прокуратуры, трибунала и особого отдела. Побывал в Доме Красной Армии, редакции газеты и военном госпитале.

Во время бесед с работниками штаба и управления о задачах своих служб рассказали начальник штаба полковник И. Г. Ильиных, начальники отделений. Из бесед с командиром дивизии, личного знакомства с работниками штаба, управления и политотдела убедился, что дивизия укомплектована опытными кадрами, является сплоченным коллективом и успешно решает стоящие перед ней задачи.

Вскоре начальником штаба стал бывший начальник оперативного отделения майор Л. Л. Борисов. На должность начальника артиллерии прибыл из другой дивизии майор И. А. Клюев, с которым пришлось работать позже в других частях.

Первое впечатление о работниках политотдела дивизии было хорошим. Побеседовал с каждым, и было очень приятно, что все оказались как на подбор — молодые, энергичные, знающие дело, способные отдать все силы выпол-

нению служебного и партийного долга. Старшие политруки В. С. Богмат, В. С. Сивоглаз, политруки М. А. Григорьев, П. Н. Моргунов, А. В. Бисярин, К. А. Касимов четко и уверенно доложили о своей работе, дали характеристику политработникам частей, составу партийных и комсомольских организаций. По их сообщениям можно было оценить содержание партийно-политической работы в дивизии.

Понятно, что знакомство с руководящим составом штаба, управления и политотдела дивизии было только началом работы. Тянуло в части, хотелось быстрее увидеть все своими глазами, на месте познакомиться с командирами и политработниками. И вскоре такая возможность представилась. В конце января под руководством комбрига И. Ф. Дашичева состоялась полевая поездка по границе. К ней привлекались штаб дивизии, командиры, военкомы и начальники штабов частей. Мы посетили населенные пункты, расположенные вдоль государственной границы по реке Уссури. С высот отрогов Сихотэ-Алиня осмотрели местность на берегу Уссури, занятом японцами. Изучили обстоятельно пути выхода наших частей к границе для поддержки пограничников. Особенно запомнились населенные пункты местных старожилов, входивших в прошлом в состав уссурийского казачества. Села располагались по типу казачьих станиц. Жили крестьяне в хороших домах, одевались добротно, шумно отмечали праздники и свадьбы. Народ гостеприимный и доброжелательный, приученный пограничной жизнью к осторожности и постоянной бдительности. Помню старичка, одетого в казацкую кубанку и брюки с широкими лампасами. Он знал окрестности. Будучи хорошим рыбаком и охотником, изучил все тропки и секреты, неоднократно помогал пограничникам. В беседе он решительно сказал:

— Японцы, конечно, тоже знают наш берег. Они все наблюдают, сам видел, как поблескивали на солнце бинокли. Но пусть только сунутся! Мы же казаки...

Полевая выездка дала многое. Не только узнал места расположения частей, но и увидел командно-политический состав в деле, познакомился с командирами и военкомами частей.

Части дивизии размещались в двух гарнизонах. Штаб, управление, политотдел, тыловые части, Дом Красной Армии, прокуратура, трибунал и особый отдел находились в поселке. Тут же были и многие войсковые части.

В военном городке размещался 105-й Ленинградский стрелковый полк, которым командовал участник граждан-

ской войны полковник А. Э. Калнин. Военного комиссара, старшего политрука И. П. Зимина, я хорошо знал по совместной учебе в Москве на курсах военкомов полков. Решив осмотреть полк, позвонил Зимину. Договорились о времени. Встретились дружески. Он показал расположение полка, устройство личного состава, ленинские комнаты, полковой клуб, библиотеку. Разговорились. Зимин рассказывал о повседневной кропотливой работе с личным составом.

— Как видно, дел хватает? — спросил я.

— Одним словом не ответишь. Каждый день выдвигает новые заботы, ставит свои вопросы, за каждым из которых — живой человек. Стараемся, чтобы в полку во всем чувствовалась партийная линия, чтобы каждый политработник имел свой почерк в работе, отражающий наши общие задачи, — спокойно ответил он.

— Как у вас работает партийная организация, комсомол?

— Хорошо помогают нам коммунисты. А комсомол? Он у нас инициатор всех важных начинаний в боевой и политической подготовке!

Зашли в разведроту. Посмотрели ленинскую комнату. Она была хорошо оформлена, все располагало к беседе и отдыху. Политрук В. В. Спасский произвел впечатление вдумчивого, рассудительного политработника.

Смущаясь, он обратился с просьбой выслушать его и дать совет. Я согласился после осмотра полка побеседовать. Оказалось, что на душе у человека тяжелый осадок от неоднократных требований высших партийных инстанций о разводе с женой по классовым мотивам. В. В. Спасский женился на дочери бывшего тульского торговца. Жили они душа в душу, имели троих детей. Дважды его привлекали к партийной ответственности. С большой тревогой за судьбу детей, за их будущее он спросил: «Как мне поступить?» Я считал, что так сразу дать ответ нельзя. Подумал и ответил:

— Работайте спокойно, мы посоветуемся в политотделе.

В политотделе о В. В. Спасском мнение единодушное: работник вдумчивый и серьезный. Решили поддержать товарища. Вскоре назначили его политруком школы младшего комсостава, а позже взяли на работу в политотдел дивизии. И не ошиблись. В 1941 году его назначили военным комиссаром штаба 78-й стрелковой дивизии, и в ее составе он убыл на фронт. В 50-х годах мы с полковником Спасским встретились в Киеве. Он работал заместителем начальника

тыла округа по политчасти. После увольнения в запас служил в тыловых учреждениях округа.

Приведенный пример еще раз подтверждает ту истину, что, хорошо зная деловые и морально-политические качества людей, доверяя им, можно и должно вырастить способных, преданных нашему делу работников.

Подтверждением этому может служить и другой пример. Трудно сложилась жизнь у политрука полковой школы Д. С. Черноскутова, члена партии с 1920 года. В 1930 году в батальоне, где он был политруком, произошла такая история. За недостатки в боевой и политической подготовке партийная комиссия дивизии объявила всем членам партбюро, в том числе и Черноскутову, выговор. Но формулировка гласила: «За проявление правого оппортунизма на практике». В чем он проявлялся — пояснения не давалось. Явная ошибка. Она тяжело отражалась на всей дальнейшей его судьбе. В политотделе мы внимательно изучили все стороны этого дела и пришли к выводу, что Черноскутов наказан незаслуженно. Через некоторое время взяли его в политотдел дивизии инструктором по информации. Работал добросовестно и оправдал доверие. Позже, уже в 25-й армии, мы встретились с Д. С. Черноскутовым, занимавшим должность заместителя командира артиллерийского полка по политчасти.

В нашем гарнизоне размещались также танковый, разведывательный, саперный батальоны и батальон связи, истребительно-противотанковый дивизион, а также придацные дивизии бронепоезд, понтонный батальон и зенитный дивизион, прикрывавший мосты через реку Бикин, хлебозавод и другие части.

В поселке находилась машинно-сенокосная станция, полностью обеспечивавшая сеном всех лошадей дивизии.

На станции, в 40 километрах от гарнизона, во втором военном городке, размещались 103-й и 104-й стрелковые полки, а несколько позже и вновь сформированный гаубичный артиллерийский полк. В этом гарнизоне личный состав размещался в казармах на двух- и трехэтажных нарах. Командный состав жил в двухэтажных домиках и на частных квартирах в селе Лермонтовка. 103-й полк ранее в состав дивизии не входил. Он прибыл из Астрахани, поэтому и получил название Астраханского. Полком командовал майор В. П. Глазунов, обязанности военного комиссара исполнял политрук школы младшего комсостава С. Г. Цыплен-

ков. Секретарь партбюро — старший политрук Д. С. Герасименко.

104-й стрелковый полк назывался Петропавловским. Его командир — Г. А. Василевич, военный комиссар — батальонный комиссар Н. В. Ванин, секретарь партбюро — Н. В. Блинов. Среди политработников дивизии Н. В. Ванин выделялся смелостью мысли, дерзкими, умелыми решениями. Волевой, грамотный, обладавший незаурядной памятью, он пользовался большим авторитетом в дивизии, достоверно знал биографии командиров и политработников полка, фамилии личного состава. Много у нас было с ним встреч, каждая из которых открывала для меня новую положительную черту этого удивительного человека, весьма подготовленного политработника.

Гаубичный артиллерийский полк размещался в полуземлянках, построенных из бревен. В них стояли для обогрева зимой печки. Полком командовал майор М. П. Ракчеев, военным комиссаром был назначен старший политрук В. А. Шуляков, секретарем партбюро избран Г. Г. Кустов.

Кроме названных частей в подчинении дивизии находился бронепоезд, в задачу которого входило обеспечение прикрытия боевых действий частей военного городка.

Под руководством комбрига И. Ф. Дашичева личный состав дивизии всю зиму 1938 года упорно и настойчиво занимался боевой подготовкой. Стрелковые полки изучали и упорно овладевали стрельбой из поступавших на вооружение минометов. Новое дело требовало упорства и сноровки. Часто проводились тактические занятия с отрывом от казарм, в горно-лесистой местности. Там мы строили чумы и шалаши, перенимая опыт у охотников-нанайцев, подолгу бродивших по тайге за пушным зверем.

Личный состав танкового батальона и танковой роты разведбата изучал материальную часть танков, вождение и стрельбу из танковой пушки и пулеметов. Занятия проходили в полевой обстановке, приближенной к боевой.

Политический отдел, политработники частей, партийные и комсомольские организации повседневно занимались делами каждого подразделения, каждого расчета, экипажа, словом и делом способствуя высокой боевой выучке войск.

Боевым помощником политотдела в идейно-политическом воспитании личного состава была дивизионная газета. Редактировал ее политрук Иван Васильевич Прокопенко. В газете широко освещался опыт бойцов, отлично владеющих оружием, передовых отделений, артиллерийских расче-

тов и танковых экипажей. Смело критиковались не только отдельные нерадивые бойцы, но не щадились и командиры, допускавшие промахи и недостатки в обучении. Дивизионка, как ее любовно называли красноармейцы, имела большую популярность, ее ждали, с интересом читали и обсуждали.

Большим авторитетом у воинов пользовалась боевая газета ОКДВА «Тревога». Из номера в номер «Тревога» освещала и пропагандировала передовой опыт дальневосточников, на конкретных примерах призывала крепить боевую готовность, вскрывала и критиковала недостатки в обучении войск, в работе партийных и комсомольских организаций.

Политруки рот, агитаторы, чтецы разъясняли красноармейцам материалы газет, проводили коллективные читки, вывешивали газеты на видных местах, а наиболее важные статьи помещали на стенды под рубрикой «Прочти. Это интересно». Многие статьи газет использовались во время политинформаций и политических бесед, особенно если речь заходила о жизни и учебе передовых подразделений.

В марте 1938 года мне посчастливилось побывать в Москве на Всеармейском совещании политработников. Совещание открылось 2 апреля в Большом Кремлевском дворце и продолжалось до 9 апреля. В нем принимали участие Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, его заместитель командарм 1 ранга И. Ф. Федько и другие ответственные работники Наркомата обороны. На некоторых заседаниях присутствовал И. В. Сталин.

После совещания меня вызвали в Управление кадров Главного политического управления для утверждения в должности военного комиссара дивизии. Всесторонне интересовались моей биографией, службой в армии, а затем предупредили, что меня примет Л. З. Мехлис. Этого приема пришлось ожидать несколько суток, не выходя из номера гостиницы. Л. З. Мехлис принял меня глубокой ночью, там же, в своем служебном кабинете, присвоил мне звание «батальонный комиссар», но в должности комиссара дивизии не утвердил, а предложил должность заместителя начальника политотдела дивизии. Я дал согласие и попросил оставить меня на этой должности в 35-й стрелковой дивизии. Мою просьбу удовлетворили.

Возвращался в Бикин в новой должности, но все обернулось совсем не так, как предполагалось в Главном политическом управлении. Когда мы прибыли из Москвы, оказалось, что в дивизии нет ни начальника политотдела, ни комиссара. Пришлось нам с М. А. Григорьевым по-прежне-

му работать: мне — исполняющим обязанности комиссара дивизии, ему — исполняющим обязанности начподива.

К этому времени у меня уже установились деловые связи с местными партийными, советскими и комсомольскими органами, которые большое внимание уделяли воинским частям и оказывали нам большую помощь. На Бикинской районной партийной конференции меня избрали членом райкома, а на пленуме — членом бюро. Поскольку в те времена заседания бюро райкома затягивались иногда до полуночи, то работы у меня прибавилось.

Выполняя поручения бюро райкома партии, я имел возможность познакомиться с местным населением, а это важно для укрепления дружбы воинов с трудящимися района. В условиях Дальнего Востока для нас, например, важнейшей проблемой было обеспечение воинов свежими овощами и картофелем. Чтобы организовать их заготовку на зиму, мне приходилось неоднократно выезжать в нанайские поселки в верховья рек Хор и Бикин. Население этой таежной местности — нанайцы — занималось сельским хозяйством, рыбной ловлей и обработкой рыбы. Нанайцы были отменными охотниками на пушного зверя, стреляли метко, и в годы Великой Отечественной войны многие стали отличными снайперами.

В период становления Красной Армии осуществлялось немало различных организационных перестроек. Этому нельзя удивляться. Первая в мире армия рабочих и крестьян строилась на принципиально новых основах. Требовались новые формы и методы руководства боевой и политической подготовкой. Поиск их продолжался и в довоенный и послевоенный периоды.

Большое значение для улучшения партийно-политической работы имело введение в 1938 году института заместителей политруков рот и батарей. На эти должности назначались политотделами дивизий наиболее авторитетные члены и кандидаты в члены партии из числа младших командиров и красноармейцев. Они носили на петлицах гимнастерки и шинели четыре треугольника, а на левом рукаве — красную звездочку. Заместители политруков рот и батарей жили в казармах вместе с бойцами, хорошо знали их нужды, запросы, настроения, отношение каждого к учебе и дисциплине. Личным примером и пламенным большевистским словом они воздействовали на своих товарищей и способствовали созданию здорового морального климата в каждом коллективе. Опыт показал, что институт заместителей политруков рот и батарей сыграл положительную роль в подготовке

квалифицированных кадровых политработников. В нашей 35-й стрелковой дивизии многие заместители политруков, пройдя школу политической работы с личным составом, стали политруками рот и батарей, кадровыми политработниками и хорошо продвигались по службе. Так, заместитель политрука роты 105-го полка Степан Константинович Ильин стал генералом, заместитель политрука роты 104-го полка Андрей Маркович Веркиенко — полковником.

В мае 1938 года во всех частях прошли отчетно-выборные партийные собрания. Они продемонстрировали возросшую организованность и зрелость коммунистов, их ответственность за порученное дело.

Отчетно-выборное партийное собрание 104-го полка, на котором я присутствовал, продолжалось два дня при очень высокой активности коммунистов. Н. В. Блинов сделал полный, обстоятельный отчетный доклад. В прениях по нему выступили 25 человек. С резкой критикой и обвинением в адрес руководства полка выступил на собрании политрук батареи коммунист Е. С. Привалов. Учитывая заявления некоторых коммунистов о безосновательности обвинений, высказанных Е. С. Приваловым, я решил немедленно, совместно с вновь избранным партбюро, разобраться в этом вопросе. Как выяснилось, часть критических замечаний в адрес руководства полка была правильной. Для исправления недостатков разработали конкретные меры. Но некоторые факты оказались надуманными, не соответствовали действительности. Партийное бюро отметило положительные моменты критического выступления Е. С. Привалова, вместе с тем указало ему на то, что политработник должен быть всегда объективным и не допускать необоснованной критики. О принятом решении партбюро постановило доложить коммунистам парторганизации полка на следующем собрании. Так оперативно партийные организации реагировали и на другие критические выступления коммунистов на отчетно-выборных партийных собраниях.

Итоги прошедших отчетно-выборных партийных собраний мы обобщили и обсудили сначала в политотделе дивизии, а затем на совещании военных комиссаров и секретарей партийных бюро частей. Политотдел разработал конкретные меры по устранению недостатков.

В моей работе произошли изменения. 2 июня в дивизию прибыл на должность начальника политического отдела батальонный комиссар Александр Матвеевич Игнатьев, работавший до этого в политотделе дивизии в Ростове-на-Дону. Опытный политработник, он стал исполнять обязанности во-

сппого комиссара дивизии, я — начальника политотдела, а Михаил Александрович Григорьев — заместителя начподива. Должности изменились, а работа с каждым днем становилась все более ответственной. Это было связано с тем, что положение на границе с милитаристской Японией усложнялось.

В связи с усиливающейся угрозой военного нападения Японии на Дальнем Востоке по приказу НКО от 28 июня 1938 года Особая Краснознаменная Дальневосточная армия была преобразована в Краснознаменный Дальневосточный фронт, командующим которым был назначен Маршал Советского Союза В. К. Блюхер.

Вскоре в штабе фронта состоялось совещание руководящих кадров дивизий. На нем от нашей дивизии присутствовали командир И. Ф. Дашичев, А. М. Игнатьев и я. Совещание дало возможность глубже уяснить обстановку в стране, и прежде всего на дальневосточных границах, а также определить меры по улучшению боевой и политической подготовки дальневосточных войск, повышению политической бдительности.

Преобразование армии в Дальневосточный фронт привело к ряду других организационных мероприятий. На базе управления 20-го стрелкового корпуса образовали Хабаровскую группу войск, в которую вошла и наша дивизия. Штаб группы размещался в Биробиджане. Командовал группой участник боев в Испании комбриг М. В. Попов, членом Военного совета был бригадный комиссар В. С. Ибрагимов, начальником политотдела—батальонный комиссар М. В. Милютин.

Командир нашей дивизии комбриг И. Ф. Дашичев убыл заместителем командира 2-го стрелкового корпуса на запад страны, а исполняющим обязанности командира дивизии стал его бывший заместитель полковник Попов.

Летом 1938 года, воспользовавшись обострением политической обстановки в Европе, японская военщина развязала вооруженный конфликт у озера Хасан. Утром 29 июля японцы перешли советскую государственную границу, начали наступление на высоты Безымянная, Заозерная и захватили их.

Весть о нападении японцев у озера Хасан молниеносно разнеслась по стране, вызвав гнев и возмущение всего советского народа захватнической политикой японских милитаристов. По приказу Народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова были приведены в полную боевую готовность части и соединения Приморской группы. В район

озера Хасан стали выдвигаться 40-я стрелковая дивизия полковника В. К. Базарова, 32-я стрелковая дивизия полковника Н. Э. Берзарина и 2-я механизированная бригада полковника А. П. Панфилова. В район военных действий (с группой командиров) прибыли командующий Дальневосточным фронтом маршал В. К. Блюхер и член Военного совета фронта дивизионный комиссар П. И. Мазепов.

На период операции по разгрому японцев в командование 39-м стрелковым корпусом вступил активный участник гражданской войны, в недавнем прошлом военный советник республиканских войск в Испании, награжденный за мужество и отвагу орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени, комкор Г. М. Штерн. Под его руководством советские войска 9 августа полностью очистили нашу территорию от японских захватчиков, а 11 августа боевые действия у озера Хасан прекратились. Бойцы, командиры и политработники проявили массовый героизм, отстояли священные рубежи Родины от японских захватчиков. За образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР 40-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина, 32-я стрелковая дивизия и Посьетский пограничный отряд — орденом Красного Знамени. Двадцати шести участникам боев присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Многие бойцы, командиры и политработники были отмечены государственными наградами.

С началом боевых действий против японских захватчиков у озера Хасан 35-я стрелковая дивизия немедленно была приведена в состояние боевой готовности. Часть подразделений выдвинулась к реке Уссури для усиления пограничных застав. Мы находились в готовности в любую минуту вступить в бой и защитить наши дальневосточные рубежи. Весь личный состав зорко следил за ходом событий у озера Хасан. В трудный для Родины момент многие беспартийные бойцы и командиры стали подавать заявления о приеме их в партию большевиков. Усилилось стремление молодежи вступить в комсомол.

Вскоре военным комиссаром дивизии стал полковой комиссар Леонид Викентьевич Гаев. Батальонный комиссар А. М. Игнатьев, исполнявший обязанности военного комиссара дивизии, был назначен начальником политического отдела, а я — его заместителем. Один из важных вопросов, который сразу встал перед нами, — о кадрах, так как многие командиры и политработники не были утверждены в занимаемых должностях, тяготились неопределенностью.

Требовалось как можно скорее укомплектовать и все должности политработников, выдвинув на них заместителей политруков и других членов партии.

Во время беседы с А. М. Игнатьевым о нездоровых настроениях тех товарищей, которые именовались «и. о.», он мне сказал:

— Поезжай, Александр Георгиевич, в Биробиджан, там вместе с Григорьевым, который хорошо знает политработников дивизии, разберитесь внимательно и приведите практически работающих политработников в соответствие с их официальными должностями.

Так и сделали. При помощи М. А. Григорьева кадровые вопросы решили успешно, все должности политработников укомплектовали. Это принесло большую пользу, способствовало улучшению партийно-политической работы.

Как заместитель начальника политотдела, я имел больше возможностей бывать в частях, на месте изучать все стороны жизни воинов, оказывать практическую помощь политработникам, секретарям партийных и комсомольских организаций. В работе меня полностью поддерживали и доверяли как военком дивизии Л. В. Гаев, так и начальник политотдела А. М. Игнатьев. Работали мы дружно, согласованно, отношения были товарищескими. Позже нам неоднократно приходилось работать вместе, и уважение друг к другу сохранилось навсегда.

Действенной формой политического воспитания военнослужащих всегда являлись встречи с прославленными людьми — военачальниками, старыми коммунистами, писателями, передовиками производства. При каждом удобном случае мы использовали эту форму политического воздействия на воинов. Очень важное значение в жизни всех частей дивизии имели встречи с видными военачальниками и командирами, участниками боев против японцев у озера Хасан.

Вскоре Краснознаменный Дальневосточный фронт был упразднен и вместо него на Дальнем Востоке созданы две отдельные армии: 1-я и 2-я Краснознаменные. Наша 35-я стрелковая дивизия вошла в состав 2-й Краснознаменной.

В январе 1939 года А. М. Игнатьева назначили военным комиссаром корпуса, а меня — начальником политотдела 35-й Сибирской Краснознаменной стрелковой дивизии. Всего год минул после моего приезда в часть, а сколько за этот период произошло событий! Шли непрерывные поиски наиболее удобных организационных принципов построения армии,

новых методов обучения и воспитания воинов, наиболее действенных форм партийно-политической работы. И с каждым днем возрастала роль политработника, комиссара, политотдела в руководстве партийно-политической работой в войсках.

Повседневно общаясь с многими политработниками, я постигал их стиль, брал у старших товарищей на вооружение все полезное, критически анализировал то, что считал неправильным, надуманным и неприемлемым в личных и деловых отношениях с людьми. С именем и положением военного комиссара у меня всегда сочеталось понятие о человеке не только беспредельно преданном, честном, скромном, но и безраздельно отдающем всего себя порученному делу. Такими именно и были все комиссары того времени, с которыми свела меня военная судьба. Каждый из них отличался своими индивидуальными чертами характера, но в принципе все они являлись воспитанниками ленинской партийной школы.

Вот один из военных комиссаров — Леонид Викентьевич Гаев. Он своевременно нацеливал политотдел на решение задач, которые командование дивизии ставило перед частями, конкретно определял мероприятия по их выполнению. Работали мы с ним дружно, как бы дополняя один другого. Его энергии, настойчивости можно было позавидовать. И вместе с тем нам не нравилось то, что иногда он неглубоко изучал положение дел на местах. Л. В. Гаев мог в один день побывать в нескольких частях, посмотреть, послушать командиров и политработников, но, до конца не разобравшись с их вопросами, уехать в штаб. Мы по-товарищески советовали ему конкретнее работать в частях, и он принимал наши советы как должное.

Вступая в должность начальника политотдела дивизии, я хорошо понимал, что справиться с порученным делом будет нелегко. Политотдел должен возглавить руководство всей партийно-политической работой в частях и подразделениях, организовать политическое и воинское воспитание личного состава в духе пламенного патриотизма и социалистического интернационализма, беззаветной преданности Коммунистической партии и своей Родине, готовности в любое время встать на защиту ее священных рубежей.

В связи с моим новым назначением на должность заместителя начальника политотдела прибыл старший политрук П. С. Новосельцев, закончивший Военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

Поскольку состав работников политотдела значительно изменился и пришедшие товарищи не имели достаточного

опыта практической работы в политотделе, большое внимание пришлось уделить обучению их практике работы в частях. С этой целью мы выезжали группами в части, брали конкретные вопросы деятельности политработников, партийных и комсомольских организаций, обобщали изучаемый материал и подробно анализировали его в политотделе. Перед выездом в часть каждый работник политотдела получал конкретное задание, а по возвращении докладывал о его выполнении. Главное внимание обращалось на оказание помощи политработникам на месте, чтобы незамедлительно принимались меры к исправлению ошибок и ликвидации вскрытых недостатков. Стало нерушимым правилом — не регистрировать недостатки в частях, а помогать товарищам улучшать партийно-политическую работу. Такой стиль значительно повышал авторитет политотдела в войсках, способствовал укреплению дружного коллектива политработников, оказывал серьезное влияние на работу командиров штаба, управлений и частей. Можно с уверенностью сказать, что политотдел становился родным домом для коммунистов, комсомольцев и личного состава, куда можно было обратиться за помощью, советом и поддержкой.

Политотдел организовал учебу пришедших в части молодых политработников из числа заместителей политруков, коммунистов — сержантов и старшин. Прежде всего позаботились о пополнении их политических знаний, учили проводить не только групповые беседы и занятия, но и индивидуальную работу с рядовыми и младшими командирами.

В этом большую роль играла дивизионная партийная школа и ее филиал в гарнизоне. Перед слушателями выступали с лекциями и докладами, проводили теоретические семинары и конференции работники политотдела, военные комиссары и секретари партийных бюро полков и отдельных батальонов. Учебой в дивизионной партийной школе охватили всех без исключения секретарей ротных партийных и комсомольских организаций. Отдельно проводились занятия с военными комиссарами и секретарями партийных бюро частей.

В марте 1939 года командиром дивизии был назначен полковник Федор Захарович Борисов. Ранее он командовал полком 10-й дивизии. Федор Захарович по характеру человек спокойный, уравновешенный, заботливый товарищ. С первых дней у нас установились хорошие деловые отношения, которые переросли в дружбу и поддерживаются до

настоящего времени. Ф. З. Борисов в ноябре 1941 года получил звание генерал-майора и вскоре был назначен заместителем командующего 35-й армией Дальневосточного фронта. Мужественно воевал с японцами в период второй мировой войны.

Главное внимание в обучении воинов дивизии уделялось совершенствованию боевого мастерства личного состава. Успехи в целом были неплохие. В лучшую сторону выделялся 104-й стрелковый полк, которым командовал майор Иван Павлович Пичугин. Полк устойчиво занимал первое место в дивизии и второе — в армии. Майор И. П. Пичугин слыл требовательным, но справедливым, внимательным, грамотным командиром. Помню, с каким удовольствием прочитали мы, все политотдельцы, статью «Наш командир», которую ему посвятила газета «Тревога». Боевым комиссаром полка был батальонный комиссар Николай Васильевич Ванин. Он пришел в дивизию с должности секретаря партийной комиссии политотдела 44-й стрелковой дивизии. Человек принципиальный, он всегда говорил правду прямо в глаза, невзирая на лица, решительно выступал против несправедливости.

Передо мной письмо бывшего секретаря комсомольского бюро полка А. М. Веркеенко, который работал с Н. В. Ваниным. Он пишет: «Это был обаятельный, скромный и компетентный во всех вопросах жизни полка, общительный и вместе с тем требовательный политработник. Истинный комиссар. Он не отступал ни перед какими трудностями, чтобы выполнить стоящие перед полком задачи...

В начале Великой Отечественной войны он был назначен военным комиссаром бригады и геройски погиб в боях под Сталинградом».

Высокие результаты в боевой и политической подготовке имел танковый батальон дивизии, которым командовал майор Семен Иванович Алаев.

В числе лучших считался у нас и разведывательный батальон. Им командовал майор З. В. Лялин, военным комиссаром был старший политрук Д. И. Холостов. В батальоне всегда поддерживалась образцовая дисциплина, высокая выучка, бойцы отличались находчивостью и военной смекалкой. Д. И. Холостов в годы Великой Отечественной войны стал членом Военного совета одной из армий Волховского фронта, а после войны — начальником политического управления Ленинградского военного округа, генерал-лейтенантом.

Отдельно следует сказать о наших боевых подругах, женах командно-политического состава. В условиях нелегкой службы на Дальнем Востоке они своим повседневным вниманием, заботой и любовью скрашивали суровую военную службу, делили вместе с нами радость успехов и горечь неудач. Нелегко им было в тех условиях вести хотя и нехитрое, но хозяйство, растить и воспитывать детей.

В политорганах в то время ввели инструкторов по работе с семьями военнослужащих. Должен сказать, что назначенная на эту должность в нашей дивизии Е. Я. Дмитриева была всеми уважаемым человеком, знала, как обстоят дела в семьях, наладила работу женсоветов, помогла создать кружки. Когда ее мужа перевели в другой гарнизон, уехала и Дмитриева. На ее место пришла жена командира Мария Павловна Горбатенко, кандидат в члены партии. До этого она работала директором неполной средней школы и быстро освоила новое для нее дело. Она установила тесные связи с женсоветами частей гарнизонов, много уделяла внимания детям школьного и дошкольного возраста, хорошо знала и держала под контролем работу детсада, медпункта и торговли.

Женсоветы многих частей оказывали нам большую помощь во всех делах. Так, женсовет 119-го артполка, где председателем была жена комиссара полка Евдокия Игнатьевна Ключерова, стал инициатором проведения смотра на лучшее подразделение по быту, систематически устраивал для женщин лекции и беседы не только на политические, но и на чисто практические темы: как экономно вести домашнее хозяйство, что можно и нужно знать жене командира о его работе, как создавать дома благоприятный семейный климат, помогающий в работе мужу, о правилах гигиены в семье и доме и по другим вопросам.

Женщины работали в подсобном хозяйстве, перебирали картофель и овощи в хранилищах, весной помогали сажать, а затем полоть и убирать их. Никто не роптал. Шли как на службу, только бесплатно. Для украшения ленинской комнаты и столовой использовали старые солдатские одеяла, делали из них аппликации, нашивали на крашеные простыни, и получались неплохие гардины.

Все торжественные события в полку отмечались по согласованному плану женсовета. Молодые люди посещали танцы, которые организовывались в гарнизонном Доме Красной Армии, в клубах частей. Хорошо также работали женсоветы в 103, 104, 105-м стрелковых и гаубичном полках. Помню, какой теплый и сердечный прием устроили женсо-

веты девушкам, которые по призыву Валентины Семеновны Хетагуровой приехали к нам, на Дальний Восток! Это были врачи, педагоги, повара-кулинары, медицинские сестры, то есть люди тех специальностей, в которых остро нуждались дальневосточники. Не одну свадьбу сыграли мы тогда и радовались новому пополнению военных семей.

Можно много написать и рассказать о женах воинов-дальневосточников. Но скажу одно: спасибо им, что, оставив обжитые квартиры с городским уютом, они жили с нами в палатках с походными «буржуйками», делили все, что выпадало на нелегкую долю их мужей.

1 сентября 1939 года Верховный Совет СССР принял Закон «О всеобщей воинской обязанности», который закрепил переход армии и флота на кадровый принцип комплектования и организации. Закон устанавливал новые сроки службы для рядового и младшего начальствующего состава: в сухопутных войсках и авиации — до трех лет, на флоте — до пяти лет.

Командиры и политработники разъясняли важность и необходимость принятия этого закона.

В октябре 1939 года прошли отчетно-выборные собрания и дивизионная партийная конференция, на которых в обстановке высокой активности коммунистов подводились первые итоги выполнения решений XVIII съезда партии и намечались задачи по повышению боевой готовности всех частей.

В первой половине ноября состоялась партийная конференция 2-й Отдельной Краснознаменной армии. Во время ее работы со мной беседовал работник Политического управления Красной Армии бригадный комиссар Н. А. Романов. Он интересовался работой и прохождением службы. Я всегда чувствовал необходимость получить соответствующее образование, ибо нелегко выполнять такую ответственную работу, как начальник политотдела дивизии, без высокой теоретической подготовки. Несмотря на то что самостоятельно изучал марксистско-ленинскую теорию, повышал военные знания, стационарное обучение было моей мечтой. Я попросил Романова о направлении на учебу. Но моей задумке не суждено тогда было осуществиться. В конце декабря приказом Народного комиссара обороны СССР был назначен военным комиссаром 101-й горнострелковой дивизии на Камчатку. Итак, вместо учебы мой путь лежал еще дальше, на берега Тихого океана.

КАМЧАТКА

В моей жизни все было точно так, как поется в песне:

> **Едем в дальние края —**
> **на карте не найти.**
> **Душа военная моя —**
> **всегда в пути.**

Собрался на новое место службы, а все мысли об одном: что ждет впереди? О Камчатке я уже немного знал. Читал материалы об исследовании полуострова экспедициями В. Беринга и С. П. Крашенинникова, слышал рассказы служивших там командиров. Но лучше, говорят, один раз увидеть, чем десять раз услышать. Теперь предстояло не только увидеть, но и жить, работать в этом крае.

Перед отъездом на Камчатку мне присвоили воинское звание «полковой комиссар».

Итак, в январе 1940 года товарно-пассажирским пароходом «Север» из Владивостока мы с женой и дочерью отправились «на край света».

Обычный путь из Владивостока до Петропавловска лежал через пролив Лаперуза, но, поскольку он был забит льдами, пришлось идти через Сангарский (Цугару) пролив, между островами Хоккайдо и Хонсю. Только на восьмой день пути увидели Камчатку. Виднелись покрытые снегом горы. Через морские ворота, созданные природой, пароход вошел в Авачинскую губу. Справа хорошо просматривались Корякская и дымящаяся Авачинская сопки. Красивое зрелище! Пристань для пассажирских судов находилась в бухте Ковш, куда вошел наш «Север».

В тот же день, добравшись до места, представился командиру дивизии комбригу Авксентию Михайловичу Городнянскому. Он ознакомил меня с боевой задачей и размещением частей. С этого началась жизнь и работа на Камчатке.

Командир дивизии, комбриг, а затем генерал-майор Авксентий Михайлович Городнянский оказался волевым, вдумчивым руководителем, требовательным к себе и подчиненным. Он был исключительно трудолюбивым, заботился о людях, их питании и материально-бытовых условиях жизни, хорошо знал состояние частей и немало внимания уделял поддержанию их боевой готовности. Враг был рядом — на востоке, западе и юге полуострова. Неоднократно японцы нарушали наши территориальные воды у берегов Охотского моря, каждый час могли совершить различные провокации.

А. М. Городнянский прибыл на Камчатку с батальоном в 1937 году из Уфы. Батальон развернулся в полк, а полк — в дивизию. Недолго пришлось нам вместе работать, но добрая память о нем осталась навсегда. В конце октября 1941 года он был переведен командиром стрелковой дивизии на запад. Под его командованием дивизия хорошо проявила себя в Смоленском сражении против немецко-фашистских захватчиков. Затем его назначили командующим армией. В мае 1942 года А. М. Городнянский погиб под Харьковом.

Штаб дивизии возглавлял полковник В. Э. Себер, грамотный, подготовленный командир. Он хорошо знал местные условия. В отношениях с подчиненными был требователен и корректен. Это снискало ему уважение у работников штаба и командиров частей.

На следующий день я знакомился с политотделом. Особо хотелось бы отметить заместителя начальника политотдела В. А. Рябова — участника боев на озере Хасан. За мужество и отвагу в боях против японских самураев награжден орденом Красного Знамени. Исключительно трудолюбивый, инициативный политработник, он много времени проводил в частях, его знали и уважали воины.

Начальник политотдела дивизии батальонный комиссар В. Н. Ясенев участвовал в работе XVIII съезда партии. Он рассказывал, что встречался в Москве с Наркомом обороны К. Е. Ворошиловым, который подробно расспрашивал о жизни на Камчатке и состоянии войск.

Отличались своей инициативой и знанием дела пропагандист П. И. Пучков, начальник дивизионной партийной школы Р. Т. Шарипов, инструктор по партийному учету политрук И. И. Ющенко, с которым позже пришлось вместе работать в Киевском военном округе.

С первых же дней я стал знакомиться с частями и подразделениями дивизии, которые были рассредоточены по полуострову.

Учитывая характер местности и протяженность территории Камчатки, задача дивизии была не из легких. Наиболее вероятными направлениями, где могли высаживаться японские войска, предполагались три: район Петропавловска, Усть-Большерецка на побережье Охотского моря и севернее Петропавловска, в районе Усть-Камчатска. На эти направления и предстояло сосредоточить все внимание.

Особое внимание мы уделяли укреплению ротных партийных и комсомольских организаций. Теоретический уро-

вень их секретарей, а также редакторов ротных стенгазет и агитаторов повышали на занятиях в дивизионной партийной школе. В ней обучались все партийно-политические работники, секретари партийных и комсомольских организаций частей. Конечно, были сложности с преподавательским составом. Но выход мы находили. Основную тяжесть взяли на себя работники политотдела, военные комиссары частей; привлекали лекторов горкома и обкома партии. Сам я читал курс лекций по истории ВКП(б).

Одновременно проводились занятия с командирами и военными комиссарами частей, а также секретарями партийного бюро. Все это положительно сказывалось на уровне партийно-политической работы среди личного состава дивизии.

Работа меня захватила. Хотелось побывать во всех подразделениях, ознакомиться с ходом учебы, жизни и быта личного состава и тех частей, с которыми взаимодействовала дивизия. Вместе с А. М. Городнянским в апреле мы поехали к авиаторам, которыми командовал Герой Советского Союза майор А. И. Минаев. Военком — батальонный комиссар А. Ф. Косс.

Осмотрели казармы, ленинские комнаты, аэродром, познакомились с учебой и жизнью летчиков и их семей. Впечатление сложилось хорошее.

В начале мая мы с командиром дивизии и работниками политотдела вылетели на гидросамолете в район, где дислоцировался стрелковый полк, которым командовал майор Н. А. Артюшин, военкомом был старший политрук Г. С. Сагитов. Полк стоял в 50 километрах от Охотского моря, и, чтобы приблизить его к морю, строили военный городок.

Ознакомившись с ходом строительства военного городка, командир дивизии самолетом возвратился в Петропавловск, а я остался в подразделениях еще на 10 суток. Политработники здесь нуждались в помощи и совете, жили они в большом отрыве от штаба и политотдела, связь поддерживалась только по телефону. Работали они в крепком контакте с партийными, советскими и комсомольскими органами района и получали от них необходимую помощь.

В поездке вместе со мной находились заместитель начальника политотдела В. А. Рябов и пропагандист Н. И. Пучков. Мы провели много бесед с личным составом, командирами и политработниками, секретарями партийных и комсомольских организаций, с активом женских советов. В заключение состоялось совещание с командирами, полит-

работниками, хозяйственными и медицинскими работниками. На нем обстоятельно обсудили все вопросы жизни и быта личного состава частей и всех жителей гарнизона.

Во время работы в частях мы помогли решить некоторые проблемы. Остро стоял, например, вопрос о снабжении личного состава свежими овощами и картофелем. На побережье Охотского моря Камчатки не было заливов и бухт, куда могли заходить пароходы. А со второй половины октября разгружать пароходы на рейде невозможно, ибо в штормовую погоду катера — кунгасы и кавасаки подходить к ним не могли. Еще весной и летом в части завозилось продовольствие — живой скот, сливочное масло. Была рыба. Но отсутствие свежих овощей грозило заболеванием цингой. Чтобы не допустить этого, рекомендовали организованно заготавливать и систематически употреблять в пищу черемшу (медвежий лук) — дикорастущее растение, что-то среднее между чесноком и луком. Черемша, богатая витамином С, в какой-то мере заменяла свежие овощи. Но многие не желали есть черемшу. Приходилось и убеждать, и просто заставлять людей употреблять медвежий лук.

Не прошли мы мимо и такого факта. Оказалось, что 15 боекомплектов снарядов для 45-мм орудий находились на берегу моря, далеко от части. Не было горючего для их перевозки. Мы приложили немало усилий, чтобы «позаимствовать» у строителей горючее. Боекомплекты вывезли с берега в полк. Так практически решались на месте все вопросы. Мы остались довольны проведенной работой.

На обратном пути в Петропавловск нас ждали серьезные испытания. Началось с того, что к условленному сроку не прилетел гидросамолет. 8 суток просидели мы на косе в ожидании — безрезультатно. Я принял решение возвратиться в полк кунгасом. Поплыли, несмотря на большой туман, и... тут же сели на мель. Просидели 8 часов на мели. Когда туман рассеялся, нас сняли с мели пограничники и привезли обратно на косу. На следующий день возвратились в полк. Здесь подобрали лошадей, коноводов и верхом отправились в населенный пункт Начики, до которого было около 150 километров. Поход оказался не из приятных и для нас, и для лошадей, ибо приходилось преодолевать топи, болота, бурные реки.

Особенно запомнилась ночевка в Юрте Опачинской. Измученные и голодные, на третий день пути вечером подошли мы к этому населенному пункту. Нас гостеприимно встретил старый камчадал. Он немного говорил по-русски. Узнав, что мы проголодались, начал угощать вяленой рыбой.

Оно бы ничего, но мы почувствовали, что рыба с сильным запахом. А тут еще хозяин, подавая нам юколу, стал приговаривать: «Ешьте, ешьте, она с душком, собаки не едят». После таких «теплых» слов хозяина мы тоже этой рыбы есть не могли.

Отдохнув, мы снова отправились в путь и благополучно добрались до села Начики. Там пересели на грузовую автомашину и на ней доехали до штаба дивизии.

За многолетний период службы в Советской Армии мне неоднократно приходилось проводить проверки частей и подразделений и принимать проверяющих вышестоящих воинских инстанций. Из своего опыта знаю, как болезненно воспринимается всякое неуважительное отношение старших начальников, будь то командир или политработник, к подчиненным. Прошло много лет, а в моей памяти на всю жизнь остались требовательность и справедливость, простота и душевность Берзарина, Дашичева и многих других, с кем приходилось встречаться по службе. И с другой стороны, с горечью вспоминаются факты невнимательности, грубости со стороны отдельных начальников.

В этой связи не могу забыть встречу с командиром корпуса комдивом В. П. Васильевым. Он прибыл с группой офицеров и на следующий же день вызвал нас с А. М. Городнянским на беседу. Четыре часа мы стояли перед ним, отвечая на вопросы. Сесть не предложил. Для встречи я надел первый раз новые сапоги, они крепко жали, и ноги словно горели в огне. Первые два часа терпеливо слушал и отвечал на вопросы, а затем думал только об одном: «Когда кончится эта пытка?»

Какая же польза от такой беседы? А ведь можно же было создать непринужденную, доверительную обстановку — вот тогда бы другое дело. А ведь в принципе Васильев считался грамотным командиром. Портили его высокомерие и чванливость. Правда, забегая вперед, должен отметить, что от этих недостатков он постепенно избавился, и в этом ему здорово помог политработник А. А. Романенко, имевший на него влияние.

Командир корпуса ознакомился с частями дивизии, а затем вместе с ним мы слетали в один из полков, где провели учения и контрольные стрельбы комсостава из револьверов.

Комиссия проработала несколько дней и в целом оказала нам большую помощь. После ее отъезда мы занялись

устранением недостатков, совершенствованием организации жизни и деятельности частей дивизии.

Работы было много. Политотдельцы на месте не сидели, большую часть времени трудились в подразделениях. Особенно запомнилось посещение части, куда я летал вместе с работниками политотдела Рябовым и Пучковым. Мы изучили еще один район Камчатки. Ознакомившись с жизнью артиллеристов, по реке добрались до поселка, где стоял 302-й стрелковый полк, сформированный на базе пограничных маневренных групп.

Нас встретили командир полка майор А. В. Ключников и военком старший политрук С. И. Кондратьев. Знакомство с полком мы начали в тот же день. Сразу же стало складываться неплохое впечатление об общем положении дел, о состоянии боевой и политической подготовки, воинской дисциплине. Проверили мы и бытовые условия. Личный состав и семьи командиров жили в неплохих условиях, неплохо было налажено и снабжение гарнизона.

В полку мы находились 20 суток. Время достаточное, чтобы всесторонне, глубоко ознакомиться с его жизнью, работой партийных и комсомольских организаций. Провели семинары и совещания со всеми категориями работников.

Вернувшись из поездки, я узнал, что 12 августа 1940 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об укреплении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте», отменяющий институт военных комиссаров, введенный в войсках в 1937 году. В соответствии с новым указом на командиров соединений и частей возлагалась ответственность за все вопросы боевой жизни и деятельности войск, в том числе и за политическое воспитание личного состава. Все военные комиссары и политруки стали заместителями командиров по политической части. Мое положение изменилось. Я стал заместителем командира дивизии по политчасти и одновременно начальником отдела политической пропаганды, а бывший начальник политотдела батальонный комиссар В. Н. Ясенев — заместителем начальника отдела политической пропаганды.

Укрепление единоначалия и упразднение института военных комиссаров, введение должностей заместителей командиров по политчасти не уменьшало, а, наоборот, увеличивало и усиливало значение политической работы в Красной Армии, поскольку политические работники, освободившись от административных функций, получили возможность

сосредоточить усилия на улучшении партийно-политической работы.

* *
*

Коммунистическая партия и Советское правительство неослабное внимание уделяли дальнейшему всестороннему укреплению Дальнего Востока. В июне 1940 года был воссоздан Дальневосточный фронт, усилены новыми частями 1-я и 2-я Краснознаменные армии, образованы управления ряда общевойсковых армий, сформирован 30-й механизированный корпус. Большое пополнение техники получили военно-воздушные силы, Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская речная флотилия. Усиливалась и 101-я горнострелковая дивизия. К нам на Камчатку прибыл четвертый стрелковый полк; командир — подполковник Д. С. Винокуров, заместитель по политчасти — батальонный комиссар Т. А. Форшатов.

В августе 1940 года командиру дивизии А. М. Городнянскому было присвоено воинское звание «генерал-майор», а в октябре его перевели от нас. Недолго, всего 9 месяцев, мы служили вместе, но работали дружно и согласованно, хорошо дополняя друг друга. В частях дивизии мы обычно бывали в разное время, а затем обменивались мнениями по всем вопросам жизни соединения и принимали необходимые решения.

Командиром дивизии вместо А. М. Городнянского прибыл мой сослуживец по 35-й стрелковой дивизии полковник Иван Павлович Пичугин. В прежнее время он был командиром полка, а я — начподивом. Теперь я стал его заместителем по политчасти. Но это не помешало работать дружно, рука об руку.

Хотя всего около года пришлось мне работать на Камчатке, но память сохранила навсегда величественную и прекрасную ее природу — необъятные просторы, вулканы, реки, долину гейзеров. И главное — замечательных людей, честно выполняющих свой долг перед Родиной.

Вскоре я был назначен в 35-ю стрелковую дивизию и 4 января 1941 года отбыл к месту службы.

Вспоминая молодые годы и анализируя пройденный путь, в который раз прихожу к выводу: мне, как и всем воен-

ным, динамичная военная служба помогла побывать в различных уголках страны, увидеть своими глазами бескрайние просторы Отчизны, познакомиться и подружиться на всю жизнь со многими прекрасными людьми. Благодарю за это свою судьбу. Она посылала мне в работе и житейских делах добрых товарищей и друзей, с которыми делил все заботы, радости и горечь постигавших неудач или просчетов, которых трудно избежать в повседневной нелегкой работе. Где бы я ни служил, везде чувствовал себя как дома, отдавал все свои силы, умение и опыт улучшению дела, которое поручала мне партия. Переезжая на новое место, всегда с грустью расставался с коллективом, а если приходилось встречаться с кем-либо из сослуживцев в дальнейшем, радовался этим людям как самым близким и дорогим.

Так случилось и при возвращении с Камчатки, когда я вновь получил назначение в свою родную 35-ю стрелковую дивизию. Здесь все было знакомым и близким. Большинство командиров и политработников оставались на прежних должностях. Дела от полкового комиссара А. А. Виноградова, который стал моим заместителем, я принял быстро. Теплой была первая встреча со старыми товарищами по работе — командиром дивизии полковником Ф. З. Борисовым, начальником артиллерии подполковником И. А. Клюевым, работниками штаба и политического отдела, командирами частей и их заместителями по политчасти. Я видел, что меня не забыли, радовался тому, что смогу быстро войти в ритм жизни соединения, внести свой вклад в дело совершенствования боевой и политической подготовки личного состава дивизии.

В феврале 1941 года состоялась XVIII Всесоюзная партийная конференция. Особое внимание на ней было уделено ускорению развития оборонной промышленности и на этой основе перевооружению Красной Армии, а также приведению всей военной организации в соответствие с требованиями обороноспособности и безопасности страны в случае нападения агрессора. Учитывая нарастающую угрозу войны, партия сочла необходимым пополнить состав ЦК военными работниками, повысить личную ответственность руководителей Наркомата обороны за боевую и мобилизационную готовность войск.

Решения XVIII партконференции нами были приняты к неуклонному руководству и исполнению. Части дивизии настойчиво совершенствовали боевую и политическую подготовку с учетом опыта боев в Финляндии, учились тому, что необходимо на войне. Учитывая особенности театра военных

действий, много внимания мы уделяли обучению войск форсированию рек, действиям в горной местности.

В первой половине марта в Хабаровске состоялась партийная конференция Дальневосточного фронта. Делегатами конференции от партийной организации 35-й стрелковой дивизии в числе других были командир дивизии Ф. З. Борисов и я. В купе вагона во время следования в Хабаровск у меня произошла встреча с бывшим моим однополчанином, ставшим начальником Владивостокского пехотного училища, И. М. Чистяковым, который тоже ехал на конференцию. Мы не виделись с ним более двух лет. Было что вспомнить, поговорить и поделиться мнениями о прожитом и передуманном.

Выступавшие в прениях делегаты делились опытом работы и вносили много предложений, заслуживавших внимания. Весь ход конференции оставил глубокое впечатление.

В выступлении секретаря Хабаровского крайкома партии Г. А. Баркова подчеркивалось, что избрание И. Р. Апанасенко (командующего фронтом) в состав ЦК ВКП(б) подчеркивает значение войск Дальневосточного фронта, их роль в защите наших дальневосточных рубежей...

Возвратившись в части, делегаты конференции выступили перед личным составом, рассказали о принятых конференцией решениях, выдвинутых партией требованиях: учить войска тому, что необходимо на войне, крепить обороноспособность Родины, всемерно повышать боевую готовность. Это означало, что каждый боец с еще большей настойчивостью должен учиться мастерски владеть оружием и боевой техникой, метко стрелять из всех видов оружия, решительно действовать в трудных условиях горно-лесистой местности. Стало больше внимания уделяться строевой подтянутости и внешнему виду командно-политического и личного состава. Строевые смотры в частях, дивизиях превратились в неотъемлемую часть их жизни. Возросло значение физической закалки.

Все эти усилия принесли должные результаты: повысилась боевая готовность частей, улучшились дисциплина и внешний вид личного состава, повысились строевая слаженность частей, физическая выносливость бойцов.

Разумеется, все эти мероприятия нельзя рассматривать в отрыве от растущей технической оснащенности войск. В результате выполнения планов первых пятилеток произошло техническое перевооружение всех родов и видов войск. В сухопутных войсках увеличился удельный вес техники и, следовательно, значительно возросло число людей, связан-

ных с ней. Пулеметчики и артиллеристы в стрелковых дивизиях составляли 40,5 процента всех бойцов. На вооружении дивизии состояли танки, возросла роль специальных подразделений: инженерно-саперных, связи и других. Старые методы руководства не соответствовали уровню технического перевооружения войск.

Большую помощь в организации боевой подготовки войск, в практическом овладении новой техникой оказывали частям и соединениям начальник штаба Дальневосточного фронта генерал-полковник И. В. Смородинов, работавший до этого в Генеральном штабе, и командующий артиллерией генерал-лейтенант В. Г. Корнилов-Другов.

Коммунистическая партия проводила большую работу по подготовке и воспитанию военных кадров. Около 80 процентов командиров были коммунистами и комсомольцами. Они обладали высокими морально-политическими и боевыми качествами, были беспредельно преданными своей социалистической Родине, всегда готовыми встать на защиту ее свободы и независимости. Критически оценивая боевой опыт Красной Армии и Военно-Морского Флота в 1939—1940 годах, особенно итоги советско-финляндской войны, а также учитывая характер военных действий начавшейся второй мировой войны, Центральный Комитет партии и Советское правительство потребовали от Наркомата обороны решительных мер по улучшению боевой и политической подготовки войск.

Это обязывало все руководящие военные кадры непрерывно совершенствовать военные знания, умение руководить войсками в современном бою. Тот, кто ограничивался боевым опытом прошлого, не совершенствовал своих военных знаний, тот, хотел он или не хотел этого, отставал от жизни, не мог руководить войсками в современных условиях.

Проявляя большую заботу о защите социалистического Отечества, Коммунистическая партия воспитывала весь советский народ в духе постоянной готовности к обороне страны. Огромная роль в этом принадлежала Ленинскому комсомолу, а также созданным еще в первые годы Советской власти оборонным организациям. Массовая военно-патриотическая организация — Общество содействия армии, авиации и флоту (Осоавиахим) к 1941 году объединяла в своих рядах свыше 13 миллионов человек. Организации общества подготовили тысячи летчиков запаса, парашютистов, авиамехаников, автомобилистов, мотоциклистов и других специалистов. Большой популярностью пользовались стрел-

ковые кружки. Наши юноши и девушки с гордостью носили значок «Ворошиловский стрелок». В клубе одной из частей нашей дивизии на самом видном месте висела мишень с пробоинами в «9» и «10», и подпись под ней: «Стреляй, как нарком Ворошилов». Это была та мишень, по которой стрелял Климент Ефремович. Сотни тысяч трудящихся овладевали стрелковым оружием. И не зря. Все это очень пригодилось в годы суровых испытаний.

Патриотический лозунг «Защита Отечества — священный долг каждого гражданина Советского Союза» партия донесла до сознания миллионов советских людей. Широко развивалось шефство работников науки, литературы, искусства над воинскими частями. Они воспитывали у советских воинов любовь к Родине и ненависть к ее врагам, разоблачали звериную сущность фашизма. Предвоенные годы отмечались высоким патриотическим взлетом, оптимизмом, деловитостью, товарищеской простотой в общении между людьми.

* *
*

В связи с реорганизацией дальневосточных войск на базе штаба стрелкового корпуса сформировалось управление 15-й армии, в состав которой вошла и наша 35-я стрелковая дивизия. Командующим армией был назначен генерал-майор Л. Г. Черемисов, членом Военного совета — бригадный комиссар В. С. Ибрагимов.

Главной задачей для нас оставалось сосредоточить все усилия на боевой выучке войск. Зима 1940/41 года прошла в борьбе за полное и всестороннее внедрение в жизнь боевого опыта во всех частях и перестройку боевой подготовки под девизом: «Учить войска только тому и только так, как делается на войне».

В конце зимнего периода обучения войска Дальнего Востока проверяла комиссия Народного комиссара обороны. 35-я стрелковая дивизия показала хорошие результаты в боевой и политической подготовке, а вскоре было принято решение направить некоторые наши подразделения для пополнения войск, стоящих на западной границе. Так, в марте 1941 года мы проводили на запад хорошо подготовленный танковый батальон, которым командовал майор Семен Иванович Алаев. В батальоне была крепкая партийная организация, в каждом танковом экипаже имелись коммуни-

сты. Забегая вперед, хочу сказать, что батальон отважно сражался против немецко-фашистских захватчиков.

Итоги проверки боевой и политической подготовки обсуждались на Военном совете армии, где присутствовал член Военного совета Дальневосточного фронта корпусной комиссар А. С. Желтов. В своем выступлении он заострил внимание командиров и политработников на важности отличного выполнения задач боевой и политической подготовки в летний период обучения и обеспечении постоянной боевой готовности всех частей.

В мае к нам переместились штаб 18-го стрелкового корпуса и корпусные части. Корпусом командовал генерал-майор В. А. Зайцев, а заместителем по политчасти — начальником отдела политической пропаганды был полковой комиссар А. М. Игнатьев. Корпусу придали кроме понтонного батальона мощный понтонный полк. В состав корпуса вошли наша 35-я Сибирская и 78-я стрелковые дивизии. Дивизией командовал полковник А. П. Белобородов, впоследствии известный советский военачальник.

На рассвете 22 июня началась Великая Отечественная война против гитлеровских захватчиков, война за свободу и независимость социалистической Родины, за защиту завоеваний Великого Октября.

Разбойничье нападение фашистской Германии на Советский Союз было вероломным и внезапным.

Все мы чувствовали приближение войны, активно готовились к отражению агрессии, но не предполагали, что все это произойдет так быстро.

Весть о нападении фашистской Германии на нашу Родину всколыхнула дальневосточные гарнизоны, города, села и поселки, вызвала, как и во всей стране, священный гнев. На многочисленных митингах, прошедших во всех гарнизонах, в том числе и в нашей дивизии, воины-дальневосточники единодушно заявили: наш долг — быть готовыми в любую минуту дать отпор врагу и разгромить его. На митингах выступили политработники А. А. Виноградов, С. И. Сурков, А. И. Груздев и многие другие.

Начавшаяся война резко осложнила военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. Японские милитаристы нагло, открыто стали готовиться к большой войне против Советского Союза. В течение двух месяцев Квантунская армия увеличилась в два раза. На границе стало тревожно. Участи-

лись провокации, случаи нарушения наших воздушных границ, в наш тыл засылались японские шпионы и диверсанты. Опасность нападения империалистической Японии была вполне реальной. В создавшейся военно-политической обстановке Коммунистическая партия и Советское правительство поставили перед Дальневосточным фронтом задачу: сделать Дальний Восток неприступной крепостью, дать решительный отпор любой военной провокации японских империалистов. И в то же время оказывать всестороннюю помощь войскам Красной Армии, сражающимся на советско-германском фронте.

Военный совет Дальневосточного фронта в конце июня 1941 года потребовал приведения соединений и частей в полную боевую готовность, с выходом их в приграничную полосу для создания прочной обороны сухопутной государственной границы и морского побережья.

В соответствии с этим 35-я стрелковая дивизия с приданными ей корпусным артиллерийским полком и двумя бронепоездами в первых числах июля заняла оборону на фронте 200 километров с задачей не допустить форсирования японцами реки Уссури. Все части дивизии сразу же приступили к оборудованию глубокой обороны с окопами, траншеями полного профиля, площадок для стрельбы из ручных и станковых пулеметов, минометов, артиллерийских орудий для стрельбы прямой наводкой, основных и запасных артиллерийских позиций. Одновременно оборудовались основные и запасные командные пункты штаба дивизии, полков, батальонов, а также наблюдательные пункты для всех частей и подразделений. Большая работа проводилась по устройству лесных завалов и их минированию. Штаб и политотдел дивизии расположились в землянках на сопках.

Государственный Комитет Обороны последовательно продолжал укреплять дальневосточные границы. В первые дни войны на базе штаба 18-го стрелкового корпуса развернулась 35-я армия, в состав которой вошли 35, 66, 78-я стрелковые дивизии, танковая бригада и части усиления.

Командующим 35-й армией был назначен генерал-майор В. А. Зайцев, членом Военного совета — бригадный комиссар Ф. Б. Чубунов, начальником политического отдела — полковой комиссар А. М. Игнатьев.

В дивизию часто приезжали работники штаба и политотдела армии. Они оказывали нам практическую помощь по всем вопросам. Кроме того, приезжали руководящие работники фронта. В первых числах июля к нам приехал член Военного совета корпусной комиссар А. С. Желтов.

Он внимательно ознакомился с ходом оборонительных работ, поговорил с коммунистами и комсомольцами, провел беседы с красноармейцами ряда подразделений. Через несколько дней прибыл командующий артиллерией фронта генерал В. Г. Корнилов-Другов. Он детально разобрался с размещением огневых позиций дивизионной артиллерии и приданного корпусного артполка.

Беседуя со мной, спросил:

— На каком расстоянии от переднего края расположились пушкари?

— В десяти километрах.

— Конечно, можно стрелять и на таком расстоянии, но это равносильно тому, что из ружья попасть мухе в глаз.

Он посоветовал передвинуть огневые позиции артиллеристов ближе к переднему краю обороны. Мы вместе зашли к командиру дивизии, высказали свое мнение по этому вопросу. Он вызвал начальника артиллерии дивизии и дал соответствующие распоряжения. Огневые позиции переместили ближе к реке Уссури, и боевые возможности полка увеличились.

Вообще в эти дни начальство нас навещало часто. В штабе дивизии и одном стрелковом полку побывал командующий Дальневосточным фронтом генерал армии И. Р. Апанасенко, несколько позже приезжал начальник политического управления фронта дивизионный комиссар Ф. П. Яковлев. Фома Павлович внимательно ознакомился с работой политотдела и политработников частей, партийных и комсомольских организаций, поинтересовался ростом партии и комсомола, укреплением ротных и батарейных партийных и комсомольских организаций. Мы с ним ознакомились с оборудованием фланга обороны дивизии в районе населенного пункта Шереметьевка. Фома Павлович побывал в окопах, беседовал с бойцами, интересовался, как они знают свою боевую задачу, каков их боевой настрой.

Помню, подошли мы с ним к группе бойцов. Увидев высокое начальство, молодые красноармейцы вытянулись. Сержант Нестеров доложил, что отделение занимается оборудованием окопа полного профиля. Начальник политуправления поздоровался с бойцами за руку, спустился в окоп, взял у бойца винтовку, проверил, удобно ли вести огонь по противнику.

— Ну что ж, молодцы, все хорошо, — похвалил дивизионный комиссар.

Завязался разговор. Красноармейцы осмелели, стали задавать вопросы о положении на советско-германском фрон-

те, о международной обстановке. Фома Павлович на каждый вопрос давал исчерпывающий ответ, о многом расспрашивал сам: как доводятся до бойцов сводки Совинформбюро и другие оперативные информации, как доставляются в подразделения газеты, как организовано питание. После беседы зашли в просторную землянку, оборудованную под кухню и столовую. Повар тут же предложил нам попробовать наваристый борщ, кашу и мясо. Мы с удовольствием пообедали, а потом Фома Павлович поинтересовался у бойцов, нет ли жалоб.

— У нас отменный повар, — в один голос ответили они. — Кормят хорошо.

После обеда Яковлев продолжил работу. Не было такого вопроса жизни личного состава, который его не волновал бы. Он рекомендовал благоустроить землянки, ускорить окончание оборонительных работ, уделять больше внимания организации службы в ночное время, держать постоянно в поле зрения быт личного состава.

После знакомства с батальоном заехали в штаб полка. Военком полка батальонный комиссар И. С. Житков и секретарь партийного бюро политрук С. И. Силин доложили о состоянии полка, партийно-политической и комсомольской работе с личным составом. Особых замечаний не было, но одолевали просьбами. По пути в штаб дивизии Фома Павлович как раз и пожурил меня за то, что многие политработники (в том числе и я) просили направить их на фронт.

— У нас тоже фронт, но только он отличается от западного тем, что пока не действует и не упоминается в сводках Совинформбюро. Тем большая ответственность стоит перед нами, — разъяснил начальник политуправления.

Деятельность Ф. П. Яковлева явилась для нас хорошим примером того, как надо изучать жизнь и решать вопросы, когда бываешь в частях и подразделениях.

В начале Великой Отечественной войны наша партия сочла необходимым возвратиться к испытанному в период гражданской войны и в довоенное время институту военных комиссаров. 16 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В соответствии с Указом управления и отделы политической пропаганды были преобразованы в политические управления и отделы. В частях вводились военные комиссары, а в ротах и батареях — политруки. Я стал военным комиссаром дивизии, а полковой комиссар А. А. Виноградов — начальником полит-

отдела. Военные комиссары были введены во всех батальонах, дивизионах и равных им подразделениях. По решению ЦК ВКП(б) институт секретарей партийных организаций был заменен институтом парторгов, назначаемых политорганами.

Эта реорганизация еще выше подняла роль партийно-политических работников и повысила их ответственность за политико-моральное состояние войск. В первый период войны вся партийно-политическая работа в нашей дивизии была направлена на разъяснение хода военных действий на фронте, воспитание у личного состава веры в нашу победу и готовность отразить любое нападение японцев. Мы разъясняли личному составу, что отбить нападение противника можно, лишь организовав оборону вверенных нам рубежей.

Ежедневно через газету, листовки и устно информировали весь личный состав о ходе боев на советско-германском фронте, рассказывали о стойкости и мужестве защитников героической обороны Брестской крепости, Одессы, Киева, Севастополя и других городов. С большой радостью встречали наши воины успехи Красной Армии в борьбе против гитлеровцев.

Уже в первые дни войны усилилось стремление передовых бойцов и командиров вступить в партию. Мы всемерно поддерживали это стремление, строго соблюдая требование Устава партии об индивидуальном отборе. В первые дни войны в дивизии ежемесячно принималось в партию 200—300 человек.

Укреплялись и численно росли ротные партийные организации, повысились их активность, боевитость и влияние на всю жизнь подразделений. Более активными стали комсомольские организации, молодежь тянулась в комсомол.

Мы знали, что трудности предстоят немалые. Необходимо было, не прекращая занятий по боевой и политической подготовке, не снижая боевой готовности, закончить оборудование оборонительных позиций, а также обеспечить личный состав сносным жильем. К началу ноября эти задачи удалось выполнить.

В тяжелый период борьбы против немецко-фашистских войск под Москвой лучшие соединения дальневосточников направлялись на важнейшие участки фронта. Так, в октябре 1941 года из состава 35-й армии убыла на запад 78-я стрел-

ковая дивизия под командованием полковника А. П. Белобородова.

Ее полоса обороны временно перешла к нашей дивизии, а задача оставалась прежней: не дать японцам форсировать реку Уссури. Чтобы обеспечить ее выполнение, необходимо было пересмотреть всю систему обороны: пришлось, к примеру, вывести 196-й стрелковый полк (командир — полковник Д. М. Пискунов, военком — батальонный комиссар И. В. Ванин) из боевых порядков обороны дивизии и переместить на новое место. Все это происходило в условиях дождя, размокшей почвы, начавшихся морозов.

Правильно говорил Ф. П. Яковлев, что хотя в сводках Совинформбюро Дальневосточный фронт не упоминался до 1945 года, но это был фронт. В 1941—1945 годах, в период постоянной угрозы нападения империалистической Японии, соединения и части первого эшелона, а это полностью относится и к 35-й стрелковой дивизии, постоянно занимали свои районы обороны.

Семьи эвакуировались в Иркутскую область и в Красноярский край. Весь командно-политический состав находился в войсках.

Воины-дальневосточники несли боевую службу с полной отдачей сил, как на войне. На наблюдательных пунктах осуществлялось круглосуточное дежурство, в ночное время в окопах и на огневых позициях дежурило 50% личного состава, артиллерийские батареи и зенитные орудия всегда находились в готовности к открытию огня.

Днем и ночью, в метель и дождь тысячи стрелков, автоматчиков и других военных специалистов вслушивались в пограничную тишину, готовые немедленно вступить в бой с агрессором. В дивизии, как и во всех войсках Дальневосточного фронта, шла напряженная боевая учеба. Защищая дальневосточные рубежи, мы готовили помощь войскам, сражавшимся на советско-германском фронте.

В декабре 1941 года было отобрано и отправлено на фронт из частей дивизии четыре тысячи лучших стрелков, пулеметчиков и минометчиков. В составе маршевых рот ушли на фронт многие сержанты и старшины, коммунисты и комсомольцы. Все они были одеты в теплые полушубки, ватные брюки и валенки. Уезжавших на фронт тепло провожали однополчане, с напутствием перед ними выступили командир дивизии генерал-майор Ф. З. Борисов и я.

Вполне понятно, что отправка на фронт большого количества бойцов и командиров несколько ослабила стрелковые полки, сказывалась на состоянии ротных партийных и

комсомольских организаций. Мы потребовали от командиров и политработников после прибытия нового пополнения провести определенную перестановку личного состава внутри рот, чтобы сохранить партийные организации. Рекомендовали закрепить ручные и станковые пулеметы, а также противотанковые ружья за более опытными бойцами, сохранив тем самым высокую боеготовность расчетов.

Эта задача решалась быстро, но имелись свои особенности и трудности. На место убывших на фронт прибыли многие бойцы из Узбекистана и Киргизии. Некоторые из них плохо владели русским языком, и почти все тяжело переносили дальневосточные морозы. Потребовались дополнительные занятия по изучению русского языка. Нелегко было осуществлять закалку новобранцев.

Поскольку части дивизии были рассредоточены на больших расстояниях по государственной границе, собирать вместе командиров и политработников было затруднительно. Мы отказались от практики вызова руководящих работников частей к себе, перенесли центр организаторской и политической работы штаба и политотдела непосредственно в части, на места. В результате, во-первых, не отрывались на длительное время командиры и политработники от частей, а во-вторых, работники штаба и политотдела дивизии, чаще находясь на местах, глубоко и всесторонне изучали положение дел, вскрывали недостатки в боевой и политической подготовке, несении службы и на месте помогали в организации учебы и службы.

Как военком дивизии, я считал своим долгом встречаться с политработниками не в кабинете, а на занятиях, в подразделениях. Когда наступал вечер, темнело на дворе и на переднем крае можно было свободно передвигаться (в дневное время передвижение не допускалось), я беседовал с бойцами о положении на фронтах Великой Отечественной войны, выслушивал их мнения и просьбы.

Во время дружеских, задушевных бесед бойцы открывали сердца. Они рассказывали, как жили до войны, какие большие изменения произошли в городах и селах, радовались нашим успехам на фронте и очень тяжело переживали сообщения Совинформбюро об оставлении нашими войсками городов и сел.

В частях дивизии служили красноармейцы, которые не получали писем от родных и близких. Мы не оставляли их без внимания. Устанавливались связи с райкомами комсомола, откуда юноши призывались в армию, а если местность была временно оккупирована врагом, то обращались в Ха-

баровский крайком комсомола, сообщали адреса воинов, не получающих писем, и просили через гражданские комсомольские организации установить переписку с этими воинами. Это приносило свои положительные результаты. Весточка из родных мест или от добрых друзей подкрепляла морально, делала бойцов бодрыми и жизнерадостными.

В трудные для нашей Родины дни, когда немецко-фашистские войска рвались к столице нашей Родины — Москве, японская пропаганда на Дальнем Востоке пыталась сеять панику среди местного населения. Распространялись слухи о том, что дни Советской власти сочтены, что немцы стоят у ворот столицы и Гитлер назначил парад своих войск на Красной площади на 7 ноября 1941 года. Трудно сказать, по каким каналам, но эта враждебная пропаганда просачивалась и в войска. И мы принимали меры для разоблачения идеологических диверсий врага.

Невозможно в кратком изложении передать ту безмерную радость, с которой встретили все дальневосточники весть о том, что 6 ноября в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября — парад войск на Красной площади, на котором с напутственной речью к войскам, идущим на поля сражений, выступил Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. В частях и подразделениях прошли митинги, проводились беседы и лекции. Бойцы говорили, что Москву — столицу Родины наш народ не оставит в беде, что она стоит и будет стоять прочно. Это еще больше вселяло веру в нашу победу.

Никогда не забуду, с какой радостью и ликованием встретили воины сообщение о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой, переходе в контрнаступление советских войск и освобождении ими большой территории, временно оккупированной врагом. Разгром врага под Москвой вселил в сердца всех советских людей, воинов армии и флота еще большую веру в нашу победу над злейшим врагом человечества — германским фашизмом.

Зимой 1941/42 года в частях дивизии произошли большие изменения в кадрах. Многие командиры и политработники выдвигались на более ответственные должности. Командиры полков Г. А. Латышёв и Д. М. Пискунов стали командирами дивизий, новые назначения с повышением получили военкомы полков Н. В. Ванин, П. А. Ключеров, В. С. Пушменков и другие.

Командир дивизии генерал-майор Ф. З. Борисов был назначен заместителем командующего 35-й армией. Вместо

него командовать дивизией стал полковник Г. А. Василевич, до 1938 года командовавший Петропавловским полком дивизии. Встреча для нас обоих была приятной. А добрые наши отношения помогли лучше работать.

Весной 1942 года наша дивизия участвовала сначала в армейских командно-штабных учениях, а затем в учениях, в ходе которых войска форсировали реку.

Высокие результаты, показанные частями и подразделениями, были замечены командованием, а вскоре мы с командиром дивизии были выдвинуты на вышестоящие должности.

Тепло простился я с командирами и политработниками, с добрыми моими помощниками и друзьями в штабе и политотделе дивизии, с которыми прошел хорошую школу жизни, вместе разделял радости успехов и преодолевал различные невзгоды и трудности.

В первых числах июня 1942 года меня назначили военным комиссаром 5-го стрелкового корпуса 1-й Краснознаменной армии.

Итак, простившись с прежним местом службы, я оказался в Приморье, в 1-й Краснознаменной армии. Командовал армией генерал-лейтенант В. П. Васильев, членом Военного совета был бригадный комиссар А. А. Романенко.

Прежде чем приступить к работе в корпусе, заехал в штаб армии. Командующий армией генерал В. П. Васильев встретил меня доброжелательно, подробно рассказал о составе корпуса и его боевой задаче по обороне государственной границы, проходившей в 10—12 километрах от железной дороги Хабаровск — Владивосток. Части корпуса должны были в случае нападения противника не допустить форсирования им реки и выхода к железной дороге. Вместе с командующим внимательно рассмотрели всю линию обороны по карте, которая лежала на столе. Да, задача действительно боевая и исключительно ответственная!

Затем встретился с членом Военного совета А. А. Романенко, и он рассказал мне о задачах партийно-политической работы среди личного состава, подробно познакомил с боевыми традициями армии, ее составом и сказал, что корпус от остальных частей армии отделен озером Ханко и на него возлагаются самостоятельные задачи.

Побывал я и у начальника штаба генерал-майора Г. А. Шелахова, к слову сказать, очень внимательного и отзывчивого человека. Познакомился с другими начальни-

ками отделов и управлений армии, с которыми пришлось поддерживать тесный контакт в работе. Считаю, что моя поездка в штаб и политотдел армии была весьма полезной. Теперь можно было приниматься за работу.

Исполняющим обязанности командира корпуса был назначен полковник А. Я. Хвостов, начальником штаба — полковник Т. А. Кудин, начальником политического отдела — старший батальонный комиссар С. В. Сердюк. С ними мне предстояло решать задачи формирования управления корпуса и приведения его в боевую готовность.

В состав корпуса вначале входили три стрелковые бригады, два артиллерийских полка и части корпусного подчинения.

Вскоре одна бригада в полном составе убыла под Сталинград, где шли ожесточенные бои против немецко-фашистских захватчиков. Пришлось срочно принимать меры к тому, чтобы не ослабла наша оборона.

Уже в сентябре 1942 года для проверки готовности армии к выполнению боевых задач было проведено командно-штабное учение. В штабе нашего 5-го корпуса в течение пяти суток присутствовал на учении начальник штаба фронта генерал-полковник Иван Васильевич Смородинов. Он глубоко вникал в работу руководства корпуса, внимательно присматривался к деятельности командира корпуса и начальника штаба, многому научил нас, придавая особое значение ведению боевых действий на широком фронте. Все это очень пригодилось в дальнейшей работе.

Следует отметить, что большую роль в повышении ответственности всех командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций за политико-моральное состояние личного состава и боевую готовность частей и подразделений, за укрепление воинской дисциплины и стойкости войск сыграл приказ Народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 года. В нем говорилось, что главным призывом и железным законом для войск должно быть: «Ни шагу назад!» Это требование приказа легло в основу партийно-политической работы и в войсках Дальнего Востока. Командиры, политработники разъясняли, что дальневосточные войска занимают оборону государственной границы на широком фронте и от их стойкости, железной дисциплины и боевой готовности зависит безопасность дальневосточных рубежей.

Большую часть времени я всегда находился в частях и подразделениях, постоянно беседовал с личным составом, разъясняя им требования приказа. Стремился узнать наст-

роения, запросы, нужды бойцов и командиров. И здесь, в корпусе, требовал от комиссаров частей проведения конкретной, целенаправленной политико-воспитательной работы с людьми, личного ознакомления с каждым бойцом. Чтобы наглядно показать другим политработникам, как надо работать с людьми, мы вместе с военкомом батальона К. А. Теличко и парторгом батальона политруком В. С. Касимовым пересмотрели расстановку коммунистов и комсомольцев, особое внимание обращая на тех бойцов, кому вручено более мощное оружие — станковые и ручные пулеметы, противотанковые ружья, минометы. Спланировали партийно-политическую работу на определенный период, а затем этот опыт передали всем политработникам и всем частям корпуса.

Одним из важнейших мероприятий в области военного строительства явилось введение в Советских Вооруженных Силах полного единоначалия. 9 октября 1942 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии».

В соответствии с этим указом все военные комиссары и политруки стали заместителями командиров по политчасти. Для политического и командного состава устанавливались общие воинские звания и знаки различия. Мне было присвоено воинское звание «полковник».

В это время шли ожесточенные бои на советско-германском фронте у стен Сталинграда, на берегу великой русской реки Волги. Все мы, воины-дальневосточники, с большим вниманием следили за ходом сражения на Волге. Вести о переходе наших войск в контрнаступление, а затем и об окружении и разгроме 330-тысячной группировки фашистских войск придали новые силы. Мы были горды тем, что в битве под Сталинградом героически сражались и восемь дивизий дальневосточников.

Для изучения опыта партийно-политической работы и практической стажировки в условиях боевых действий в декабре 1942 года группа политработников-дальневосточников во главе с членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом Ф. П. Яковлевым выезжала в действующую армию. Такая честь выпала и на мою долю.

В Москве, в Главном политическом управлении Советской Армии, генерал-лейтенант И. В. Пупышев ознакомил нас с общей обстановкой на фронте, а затем разбил всех прибывших на две группы. Группа во главе с генерал-майором А. А. Романенко выехала на Воронежский фронт, а

наша, возглавляемая генерал-лейтенантом Ф. П. Яковлевым, направилась на Волховский фронт, который совместно с войсками Ленинградского фронта вел ожесточенные бои по прорыву блокады колыбели пролетарской революции — Ленинграда.

Из Москвы мы выехали поздним вечером по Савеловской железной дороге до станции Войбокало. Едва отъехали от города, как над поездом появился немецкий бомбардировщик. Правда, сброшенные им бомбы не попали в цель, но мы чувствовали себя неважно, ведь, по существу, были еще необстрелянными. Глядя на нас, проводница вагона, которая вела себя как ни в чем не бывало, утешала: ничего, мол, опасного нет, фашистам еще ни разу не удавалось поразить цель.

До Войбокало добрались благополучно. Поезд остановился, мы вышли на платформу и вместо станции увидели на щитке название, а кругом — развалины. Комендант станции размещался в маленькой землянке. От станции Войбокало шла ветка к Ладожскому озеру, откуда начиналась знаменитая Дорога жизни к Ленинграду.

На Волховский фронт мы прибыли в январе 1943 года, когда войска 2-й ударной армии Волховского фронта совместно с войсками 67-й армии Ленинградского фронта, прорвав блокаду Ленинграда, соединились в Рабочих поселках № 1 и № 5 и вели ожесточенные бои за расширение прорыва, закреплялись на захваченных рубежах. Особенно тяжелые и упорные бои продолжались за Синявино. Перед поселком была сильно укрепленная высотка, которая господствовала над местностью. Без захвата ее нашими войсками нельзя было двигаться дальше. Здесь разгорелся воздушный бой, который довелось наблюдать и нам. В бою участвовало около двадцати самолетов с обеих сторон. Началась страшная карусель — игра нервов, самолеты кружили друг за другом. Но вот один самолет вспыхнул ярким пламенем, устремился вниз с черным шлейфом дыма, за ним — второй, а затем и третий. Стоял страшный шум, беспрерывный треск пулеметов. В конце боя обе группы самолетов улетели на свои базы. Потом выяснилось, что в этой смертельной схватке советские истребители сбили два вражеских самолета, но потеряли и один свой.

Сначала мы побывали в политическом управлении фронта, где генерал-майор К. Ф. Калашников в общих чертах ознакомил нас с организацией партийно-политической работы в обороне и при подготовке к наступательной операции по прорыву блокады Ленинграда.

Местом стажировки и изучения опыта для группы определили 2-ю ударную армию, которой командовал генерал-лейтенант В. З. Романовский, а членами Военного совета были секретарь Ленинградского горкома партии генерал-майор А. А. Кузнецов, генералы В. Т. Писклюков и К. Г. Рябчий.

Начальник политотдела армии полковник Ф. А. Шаманин и другие работники политотдела приняли дальневосточников приветливо, ввели в курс боевой обстановки, поделились опытом работы. Они рассказали, что в период подготовки и в ходе проведения наступательной операции по прорыву вражеской блокады политработники расставили коммунистов на самые ответственные места, укрепили партийные организации, а в ходе военных действий оперативно пропагандировали героические примеры боевых действий отдельных бойцов, младших командиров подразделений и частей через армейскую газету и многочисленные листовки. Этот опыт для нас был ценным и поучительным.

Ознакомившись с работой политотдела армии, мы с А. М. Игнатьевым выехали в 327-ю стрелковую дивизию, которая вела тяжелые бои с врагом, окруженным в районе рощи «Круглая». Этой дивизией командовал полковник Н. А. Поляков, а его заместителем по политчасти был полковник Е. Ф. Дурнов. Они подробно ознакомили нас с партийно-политической работой в частях и подразделениях, исходя из задач наступательной операции, а затем и в ходе тяжелых боев. Главное внимание их, как и нас, обращалось на расстановку коммунистов.

После ознакомления со всеми сторонами жизни и партийно-политической работы 2-й ударной армии и 327-й стрелковой дивизии во время боевых действий мы выехали в соседнюю 8-ю армию.

В этой армии мы изучили опыт одной стрелковой дивизии и морской стрелковой бригады. Ночью побывали на переднем крае обороны.

Нас интересовало, как в условиях оборонительных действий организованы несение боевой службы ночью, быт личного состава, питание бойцов, доставка горячей пищи на передний край, помывка личного состава в бане и смена белья. Короче говоря, нас интересовали все вопросы жизни, быта и отдыха личного состава на войне.

Завершая фронтовую стажировку, еще раз встретились с начальником политуправления Волховского фронта К. Ф. Калашниковым и другими работниками, поделились

впечатлениями. Полезными были встречи с фронтовыми политработниками, они ответили на интересовавшие нас вопросы.

Вооружившись боевым опытом партийно-политической работы в условиях активных наступательных действий во 2-й ударной армии, и в обороне, в частях и соединениях 8-й армии, получив конкретные советы от руководящих работников Главного политического управления Красной Армии, мы отбыли на Дальний Восток.

О боевых действиях на фронте и полученном опыте партийно-политической работы я рассказал всем политработникам, парторгам и комсоргам полков, батальонов, рот и батарей. Подробно проинформировал работников политотдела о том, как политорганы и партийные организации проводят в боевых условиях прием в партию отличившихся воинов и заботятся, чтобы в каждой роте и батальоне была активно действующая партийная организация. Мы взяли на вооружение опыт работы с пополнением, организации устной и печатной пропаганды подвигов отличившихся бойцов. По примеру фронтовых политработников мы стали широко практиковать посылку писем на родину примерных воинов.

В этот же период, зимой 1943 года, командующий Дальневосточным фронтом И. Р. Апанасенко и его штаб провели большое учение войск 1-й и 25-й армий на очень важном направлении. Учение прошло успешно. Вскоре после этого И. Р. Апанасенко был назначен заместителем командующего Воронежским фронтом. Он погиб под Белгородом.

Командующим Дальневосточным фронтом стал генерал-полковник Максим Алексеевич Пуркаев. Войну против немецко-фашистских захватчиков он встретил в должности начальника штаба Юго-Западного фронта, затем командовал 3-й ударной армией и Калининским фронтом. Талантливый военачальник и умелый организатор, много сделавший для повышения боевой готовности и внедрения опыта войны в практику боевой и политической подготовки, он настойчиво учил командиров, политработников и войска тому, что необходимо было для ведения активных и решительных боевых действий.

У нас в корпусе произошли изменения. Вместо исполняющего обязанности командира корпуса полковника А. Я. Хвостова командиром корпуса был назначен генерал-майор И. З. Пашков.

В мае 1943 года должности заместителей командиров корпусов, дивизий и бригад и начальников политотделов были объединены. Я стал одновременно заместителем ко-

мандира корпуса по политической части и начальником политического отдела.

В этом же месяце упразднились должности заместителей командиров рот по политчасти. Много политработников перешло на командную работу.

Большую роль в жизни политорганов, партийных и комсомольских организаций сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет».

В постановлении говорилось, что в связи с упразднением института заместителей командиров рот, батарей, эскадрилий и эскадронов по политической части, а также в целях оживления партийной работы и повышения роли партийных и комсомольских организаций в воспитании личного состава Красной Армии устанавливается следующая структура партийных организаций: в полку — партийное бюро полка во главе с парторгом; в батальоне — первичная партийная организация батальона во главе с парторгом; в роте — ротная партийная организация во главе с парторгом.

Было определено, что парторг роты назначается парторгом полка, парторг батальона назначается начальником политотдела дивизии, парторг полка подбирается начальником политотдела дивизии и утверждается начальником политотдела армии.

Такая же структура устанавливалась и в комсомольских организациях.

Перестройка структуры партийных и комсомольских организаций потребовала от политорганов большого напряжения сил, пересмотра кадров и правильной их расстановки. Значительно повышалась роль дивизионных, армейских газет.

От оперативности освещения в них партийно-политической работы в связи с новой структурой политорганов и низовых партийных и комсомольских организаций во многом зависел успех всего дела. Но эти вопросы мне пришлось решать уже на новом месте.

6 августа 1943 года я прибыл на должность начальника политотдела 25-й армии Дальневосточного фронта, которой командовал генерал-майор А. М. Максимов. Членом Военного совета со дня формирования армии был опытный политработник, член КПСС с 1920 года генерал-майор

Н. Г. Лебедев. Ранее он служил комиссаром штаба Киевского Особого военного округа, принимал активное участие в освободительном походе Красной Армии в западные области Украины и в советско-финляндской войне. Этот грамотный, тактичный, принципиальный политработник пользовался большим авторитетом в войсках. С Николаем Георгиевичем мы дружно работали вместе четыре года, добрые отношения сохранились и в последующие годы. Н. Г. Лебедев вместе с генерал-майором И. М. Смоликовым, на смену которому я прибыл (он был назначен членом Военного совета 1-й Краснознаменной армии), познакомили меня с коллективом политотдела, с руководящими работниками штаба, командирами соединений и начальниками политотделов.

25-я была самой южной и самой большой по численности войск армией Дальневосточного фронта. Все трудные годы Великой Отечественной войны она обеспечивала безопасность сухопутных границ.

Военный совет и политотдел армии поддерживали тесные взаимосвязи и взаимодействие с пограничными отрядами и Тихоокеанским флотом. Непосредственно безопасность границы обеспечивали стрелковые части, которые вместе с пограничными отрядами и заставами находились в постоянной боевой готовности.

В состав армии входили три стрелковых корпуса, три танковые бригады, армейские пушечная артиллерийская и инженерная бригады, а также полк ПВО. На политическом обслуживании политотдела армии состояли многочисленные тыловые части, в том числе госпитали, различные базы, склады, отдел военной торговли, автомобильные части, а кроме того, Владивостокское и Шкотовское пехотные военные училища, Приморский краевой военный комиссариат и 42-я механизированная бригада.

До апреля 1945 года перед армией стояла сложная и ответственная задача — активной обороной обеспечить безопасность дальневосточной границы на большой протяженности, быть в готовности во взаимодействии с соседней 1-й Краснознаменной армией и пограничными отрядами отразить любое нападение японских войск и совместно с Тихоокеанским флотом обеспечить безопасность значительной части морского побережья.

Вся партийно-политическая работа подчинялась решению главной задачи — воспитанию личного состава в духе беззаветной преданности Коммунистической партии и своей социалистической Родине, стойкости в обороне, готовности

в любое время отразить нападение японских войск и разгромить агрессора.

Накануне войны с милитаристской Японией партийно-комсомольская прослойка в войсках Дальнего Востока достигла более 50 процентов. В составе войск армии было свыше 40 тысяч членов и кандидатов в члены партии и более 50 тысяч комсомольцев. На эту многотысячную армию коммунистов и комсомольцев опирались в работе политотдел армии и политорганы соединений.

Широко пропагандировала передовой опыт бойцов переднего края, работу ротных партийных и комсомольских организаций армейская газета «Красное знамя».

Личный состав жил полнокровной жизнью. Мы заботились о бесперебойном питании воинов, кроме получаемого централизованным порядком продовольствия использовали дары природы. Всегда находились инициаторы охоты в тайге на диких коз, кабанов и медведей. На побережье океана ловили рыбу. Это давало весомую прибавку к пайку. Поощряли тех командиров батальонов и рот, которые устраивали огороды и выращивали на них картофель и овощи.

Для сохранения здоровья личного состава и во избежание заболеваний цингой во всех батальонах в обязательном порядке летом заготавливались черемша, лимонник, молодые листья дикого винограда. Все это восполняло недостаток витаминов, особенно в зимнее время.

В условиях Дальнего Востока сложные задачи бытового устройства, питания и вещевого снабжения войск армии успешно решали коммунисты тыла, политотдел, возглавляемый Я. С. Бакалюком, начальник тыла армии генерал-майор М. С. Куклин. Забота о здоровье воинов, обеспечение их положенным довольствием были всегда главными во всей многогранной деятельности политотдела. В армии высоко ценили добросовестный труд военных медиков во главе с полковником медицинской службы И. С. Трофимовым.

Партийно-политическая работа, проводимая в частях и подразделениях, обеспечивала высокое политико-моральное состояние личного состава, крепкую воинскую дисциплину.

В 1943 году наш политотдел активно включился в работу с кадрами всех специальностей, в выполнение всех мероприятий, проводимых Военным советом, штабом армии по повышению уровня боевой и политической подготовки командиров соединений и частей, а также других категорий командного состава.

Тщательно готовились и проводились каждый квартал семинары-совещания с начальниками политотделов соединений. На них анализировался опыт работы политорганов, читались лекции на теоретические темы, делались обзоры боевых действий на советско-германском фронте, политико-экономического состояния Японии и ее вооруженных сил.

На семинарах-совещаниях регулярно выступал член Военного совета армии Н. Г. Лебедев. Он знал состояние боевой и политической подготовки всех соединений и частей, был хорошо осведомлен о работе каждого начальника политотдела, выводы, предложения и рекомендации его были четкими и аргументированными. Командующий армией А. М. Максимов остро ставил вопросы боевой готовности войск. На эти совещания-семинары неоднократно приезжал начальник политуправления фронта генерал-майор П. Т. Лукашин — опытный, волевой, принципиальный политработник, оказывавший большое влияние на всех командиров и политработников. С интересом слушали коммунисты выступления члена Военного совета Приморской группы войск генерал-майора А. А. Романенко и высоко эрудированного начальника политотдела Приморской группы, кандидата философских наук полковника А. А. Юданова.

Не реже двух раз в год мы проводили семинары с заместителями командиров полков и отдельных батальонов по политической части, с пропагандистами и агитаторами полков и отдельных батальонов.

Работники политического отдела армии большую часть служебного времени проводили в войсках, оказывали на местах действенную помощь командирам, политорганам, партийно-политическим работникам, партийным и комсомольским организациям.

Первым и главным, если можно так выразиться, моим помощником был заместитель начальника политотдела полковник Михаил Осипович Каневский. Подготовленный, авторитетный политработник, он с полной отдачей сил выполнял свои служебные обязанности. С ним вместе мы проработали четыре года. Работали дружно. Очень жаль, что рано, в 1950 году, он ушел из жизни. Память о нем, верном товарище, сохранилась навсегда.

Боевым, оперативным в политотделе было отделение организационно-инструкторской работы, которое возглавлял майор Иван Иванович Емелин, а затем — полковник Василий Афанасьевич Зотов. Инспекторами здесь работали подполковник В. И. Кучумов, майоры Б. И. Сереженкин, Н. В. Плоских, И. С. Колесов, Г. А. Лозинский и другие.

Это были авторитетные, опытные, инициативные и принципиальные политработники. Отделение тщательно планировало деятельность политического отдела армии, систематически изучало и обобщало опыт политорганов соединений, политработников частей, партийных организаций. С исключительным вниманием изучались вопросы роста партии, индивидуального отбора в ее ряды передовиков боевой и политической подготовки, укрепления батальонных и ротных партийных организаций и улучшения их работы.

Работники отделения готовили и организованно обеспечивали проведение семинаров с начальниками политотделов соединений, инструкторами политорганов по организационно-партийной работе и секретарями партийных комиссий соединений, с заместителями командиров полков, отдельных батальонов и дивизионов по политической части, парторгами полков и отдельных батальонов. Когда претворялось в жизнь Постановление ЦК ВКП(б) о реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии, работники отделения помогли политорганам подобрать парторгов полков и представить их на утверждение в политотдел армии.

Тесно взаимодействовала с организационно-инструкторским отделением армейская партийная комиссия, которую все годы моей работы начпоармом возглавлял майор Ф. П. Глушков. Партийная комиссия строго следила за соблюдением парторганизациями и коммунистами норм партийной жизни и ленинских принципов партийного руководства, проводила профилактическую работу и принимала меры партийного воздействия к тем, кто допускал нарушения Устава партии.

Начальник отделения организационно-инструкторской работы В. А. Зотов, вместе с инспекторами обобщая обширную информацию, поступавшую в политотдел, неоднократно выдвигал очень важные вопросы, которые выносились на обсуждение Военного совета армии.

Опыт, приобретенный в политотделе 25-й армии, многие работники этого отделения использовали в своей последующей службе. Полковник В. А. Зотов после Великой Отечественной войны стал заместителем начальника политотдела корпуса. Б. И. Сереженкин, впоследствии генерал-майор, служил членом Военного совета армии, заместителем начальника политуправления сначала ГСВГ, а затем — Белорусского военного округа. И. С. Колесов уволился в запас в звании полковника с должности секретаря партийной комиссии Прибалтийского военного округа. После увольне-

вия в запас 12 лет работал председателем партийной комиссии городского комитета партии города Риги.

Весьма немногочисленным было отделение по работе среди комсомольцев. В нем было всего три человека: майор Борис Александрович Окунев, капитаны Василий Михеевич Корнеев и Василий Сергеевич Рябов. Люди с горячими сердцами и полные творческой инициативы и энергии, как и подобает комсомольским активистам, они почти все время проводили в частях и подразделениях. Знали работу и жизнь всех комсомольских организаций, помогали политработникам частей воспитывать кадры комсомольских вожаков, заботились о росте рядов комсомола, усилении его влияния на несоюзную молодежь, обеспечении передовой роли комсомольцев в боевой и политической подготовке, воинской дисциплине и несении службы. Днем и ночью, в любую погоду их можно было встретить в частях и подразделениях, непосредственно на границе. На них можно было всегда положиться. Комсомольцы отделения прошли в политическом отделе армии хорошую школу жизни, которая успешно сопутствовала им в дальнейшей службе.

Если отделение оргинструкторской работы являлось центром организаторской деятельности политического отдела, то отделение пропаганды и агитации — центром идеологической деятельности по идейно-политической закалке и марксистско-ленинскому воспитанию личного состава армии. Отделение возглавлял опытный, высокоэрудированный пропагандист подполковник Николай Семенович Ермилов. Он часто выступал с актуальными и содержательными лекциями перед командирами соединений и частей, начальниками политотделов, политработниками и всем личным составом. Отличались хорошей подготовкой лекторы отделения капитаны А. М. Кузовников, П. Г. Беликов, агитаторы кандидат биологических наук капитан С. И. Глуздаков, капитан М. Н. Власов, старшие лейтенанты А. П. Базанова, И. С. Неумейко, К. В. Виноградов, инструктор по печати Г. Н. Мокренко и другие. Все они пламенным большевистским словом воспитывали у воинов беззаветную преданность Коммунистической партии и социалистической Родине, призывали к высокой политической бдительности, готовности отразить любое нападение врага и разгромить его.

В политотделе тщательно продумывалась и разрабатывалась тематика агитационно-пропагандистских мероприятий. Главными темами лекций, докладов и бесед были: «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор советского народа в борьбе против немецко-фашистских за-

хватчиков», «Обзор военных действий на фронтах Великой Отечественной войны», «Героизм и мужество советских воинов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» и многие другие, воспитывающие мужество, стойкость, патриотизм.

На конкретных примерах и фактах лекторы разоблачали агрессивный курс милитаристской Японии, раскрывали истинное лицо японских захватчиков на примере их действий на Дальнем Востоке во время гражданской войны, в период боев у озера Хасан и реки Халхин-Гол. Воины знали о непрекращающихся провокациях японцев на наших границах во время войны с фашистской Германией, о том, что враг ждет удобного момента для нападения на нашу Родину.

Лекторы и агитаторы докладывали мне, что во время встреч с ними воины задавали много вопросов о международном и внутреннем положении нашей страны, о том, почему наши союзники — США и Англия затягивают открытие второго фронта против гитлеровской Германии, о боевых действиях наших войск на фронте, новинках боевой техники, о японской Квантунской армии и ее вооружении. Ставились и вопросы, связанные со службой на Дальнем Востоке, с помощью семьям красноармейцев, и другие. Мы тщательно анализировали их, выясняли настроение военнослужащих, принимали конкретные меры.

Начальник отделения Н. С. Ермилов и инструктор по печати Г. Н. Мокренко внимательно изучали содержание армейской газеты «Красное знамя» и дивизионных газет и на семинарах журналистов обсуждали задачи, вытекающие из Постановления ЦК ВКП(б) об усилении роли печати. Н. С. Ермилов сам неоднократно публиковал в газете «Красное знамя» интересные материалы, которые использовались пропагандистами соединений и частей в практической работе.

Многие наши пропагандисты и после Великой Отечественной войны продолжали службу в Советской Армии. В частности, Н. С. Ермилов работал заместителем начальника отдела пропаганды и агитации Прибалтийского военного округа. Уволился в запас в звании полковника и до сих пор активно участвует в общественно-политической и агитационно-пропагандистской работе в городе Риге.

Лектор А. М. Кузовников впоследствии стал начальником лекторской группы Главного политического управления, удостоен звания генерал-майора.

Лектор П. Г. Беликов долгое время служил в политотделе, занимался вопросами идеологической работы, а уволив-

шись в запас, стал лектором областного общества «Знание» в городе Гродно. В 1980 году Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры БССР».

Агитатор С. И. Глуздаков возвратился на научную работу в Сибирское отделение Академии наук в городе Новосибирске. Все, кто с ним работал, с большим уважением вспоминают его лекции для командиров, политработников и бойцов на научно-популярные темы.

На педагогическую работу в Ленинград возвратились после войны агитаторы М. Н. Власов и А. П. Базанова.

Большую работу по изучению, подбору и расстановке кадров, в тесном взаимодействии с другими отделениями политического отдела армии проводило отделение кадров во главе с подполковником А. А. Полудницыным.

В дружной боевой семье работников политотдела выделялся своей душевностью и трудолюбием Константин Павлович Шидловский. Он работал со мной в корпусе, а затем в армии в целом около пяти лет. Сначала Константин Павлович был водителем, а после окончания курсов политсостава в Хабаровске — офицером для поручений. Мы исколесили с ним тысячи километров изведанных и неизведанных дорог, особенно во время войны с Японией и в Северной Корее. В какие только ситуации мы с ним не попадали! Но всегда находчивость, смелость, которые проявлял Костя, помогали выходить из самых критических положений.

Боевым органом Военного совета и политического отдела являлась армейская газета «Красное знамя», которую редактировал полковник Г. Я. Дулькин. В редакции работал хороший, слаженный коллектив журналистов. Секретарем был опытный работник А. М. Ткаченко (позже собкор «Правды» в Северной Корее). Хорошими специалистами своего дела показали себя М. Белов, В. Потемкин, А. Журавский, И. Бушуев, Ф. Шистер и другие. Ценным работником был Борис Иванович Бурсов, впоследствии профессор Ленинградского университета, доктор филологических наук. Систематически, из номера в номер, газета пропагандировала героические подвиги советских воинов на фронте и тружеников тыла, обеспечивающих Вооруженные Силы всем необходимым для разгрома врага. В каждом выпуске газета помещала материалы, в которых широко освещались успехи воинов нашей армии в боевой и политической подготовке, несении службы на передовых рубежах.

Газета воспитывала у воинов безграничную преданность делу Коммунистической партии, любовь к своей социали-

стической Родине, ненависть к ее врагам — германским фашистам и японским милитаристам, готовность в любую минуту отразить нападение врага. На страницах газеты много внимания уделялось воспитанию и укреплению братской дружбы воинов различных национальностей и боевому содружеству различных родов войск.

Журналисты армейской и дивизионных газет «Красный снайпер», «Боевая тревога», «На страже Родины» оперативно ставили вопросы учебы и жизни воинов, поддерживали инициативу по овладению оружием и боевой техникой, достижению взаимозаменяемости в расчетах и экипажах.

Армейскую газету бойцы любили, ждали ее в подразделениях, с интересом читали и обсуждали напечатанные материалы о жизни страны, военных действиях на фронтах, боевых буднях личного состава армии.

Как бы трудно ни приходилось солдатам и офицерам, мы всегда помнили, что, как поется в песне, «после боя сердце просит музыки вдвойне». И всегда думали о культурном обслуживании личного состава, организации досуга. Хорошо работал армейский Дом Красной Армии, который возглавлял майор М. Я. Чертков. На территории армии было еще шесть гарнизонных Домов Красной Армии, культбригады которых часто выезжали в части, выступали перед бойцами, особенно переднего края.

В армии был свой драматический театр. Руководил им артист В. Я. Ларский. Театр пользовался заслуженным успехом у командиров, политработников и их семей, его культбригады тепло встречались в частях. В репертуаре театра имелись произведения русских и советских драматургов, особенно большим успехом пользовались пьесы «Гибель эскадры», «Шельменко-денщик», «Давным-давно» и другие. Навещали нас и артисты многих городов страны.

Если обобщить и кратко охарактеризовать работу политотдела армии в тот сложный период, то можно сказать, что она была боевой, оперативной, по-ленински деловой и обеспечила высокий моральный дух и боевую стойкость коммунистов, комсомольцев, всех воинов армии. Я лично чувствовал себя в политотделе как в родном доме и всегда находился в окружении верных товарищей, пламенных пропагандистов ленинских идей, самоотверженных коммунистов, честных тружеников и мужественных борцов за дело нашей Коммунистической партии. Это большое счастье, что каждое твое слово и решение принималось к исполнению с чистым сердцем и все делалось по-партийному, принципиально, последовательно и неустанно для обеспечения главной цели:

держать армию всегда начеку, в постоянной готовности выполнить любой приказ Коммунистической партии и любимой Родины.

НАКАНУНЕ

Завершив освобождение советской земли от фашистской нечисти, наша армия в 1944 году приступила к выполнению своей интернациональной миссии — освобождению народов Юго-Восточной Европы. Весной 1945 года шли ожесточенные, кровопролитные бои на территории Германии. Близился час полного разгрома врага в его собственной берлоге, час возмездия за все зло, содеянное фашистскими извергами на нашей земле.

В то время как на западе война подходила к концу, в странах Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана она продолжала бушевать, унося тысячи человеческих жизней. Правительства США и Великобритании, оценивая военно-политическую обстановку, сознавали, что война с Японией потребует от них много сил, времени и жертв, что без Советского Союза добиться скорой победы невозможно. Решая вопросы устройства послевоенной Европы, президент США и премьер-министр Великобритании настойчиво добивались согласия Советского правительства на вступление СССР в войну с Японией. Советское правительство дало свое согласие. Такая договоренность была достигнута на Ялтинской конференции.

В подписанном 11 февраля 1945 года соглашении отмечалось, что «руководители Трех Великих Держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии...» [1].

Это соглашение диктовалось как союзническими обязательствами, так и необходимостью обеспечения безопасности советских дальневосточных границ, ибо в течение длительного времени Япония проводила антисоветскую, агрессивную политику и неоднократно совершала разбойничьи нападения на нашу Родину. В период второй мировой войны она грубо нарушала заключенный в 1941 году пакт о нейтралитете, неоднократно прощупывала наши морские и

---

[1] Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1980, т. 11, с. 5.

сухопутные границы и воздушное пространство, препятствовала морскому судоходству в нейтральных и советских территориальных водах. О подготовке Японией войны против СССР свидетельствовало и то, что к нашим границам и границам Монгольской Народной Республики вплотную придвинулась находящаяся в полной боевой готовности Квантунская армия. На территории Маньчжурии и Внутренней Монголии японцы создали 17 укрепленных районов.

«Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая реальную опасность агрессии со стороны империалистической Японии, в течение почти всей войны была вынуждена держать на Дальнем Востоке от 32 до 59... дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий и до 6 дивизий и 4 бригад Войск ПВО страны общей численностью свыше 1 миллиона солдат и офицеров, 8—16 тысяч орудий и минометов, свыше 2 тысяч танков и САУ, от 3 до 4 тысяч боевых самолетов и более 100 боевых кораблей основных классов. В общей сложности это составляло в разные периоды войны от 15 до 30 процентов боевых сил и средств всех Советских Вооруженных Сил» [1].

5 апреля 1945 года Советское правительство денонсировало (объявило утратившим силу) советско-японский пакт о нейтралитете. Это отвечало гуманным целям скорейшего окончания войны и достижения всеобщего мира.

Ставка Верховного Главнокомандования СССР разработала конкретный план разгрома японских войск на Дальнем Востоке. Чтобы осуществить стратегическую цель — разгромить Квантунскую армию в Северо-Восточном Китае и Корее, а также японские войска на Южном Сахалине и Курильских островах и ускорить капитуляцию Японии, на Дальнем Востоке проводились крупные организационные изменения.

В марте 1945 года из Дальневосточного фронта была выведена Приморская группа, в состав которой включились войска, располагающиеся вдоль границы от Губерово до Северной Кореи. В Приморскую группу прибыла с запада 5-я армия под командованием генерал-полковника Н. И. Крылова. 5 августа 1945 года Ставка Верховного Главнокомандования переименовала Приморскую группу в 1-й Дальневосточный фронт, а ранее уже существовавший Дальневосточный фронт — во 2-й Дальневосточный фронт.

Таким образом, на Дальнем Востоке развертываются три

---

[1] Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945, т. 11, с. 183.

фронта — Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные. Им во взаимодействии с Тихоокеанским флотом и Краснознаменной Амурской военной флотилией предстояло выполнить задачи, стоящие перед Советскими Вооруженными Силами на Дальнем Востоке.

Вследствие большой удаленности Дальневосточного театра 30 июля 1945 года Ставка Верховного Главнокомандования создала Главное командование советских войск на Дальнем Востоке. Главнокомандующим был назначен Маршал Советского Союза А. М. Василевский, членом Военного совета — генерал-полковник И. В. Шикин, начальником штаба — генерал-полковник С. П. Иванов.

Координация действий Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии с наземными войсками возлагалась на главнокомандующего Военно-Морскими Силами адмирала флота Н. Г. Кузнецова. Руководство авиацией должен был осуществлять командующий Военно-Воздушными Силами главный маршал авиации А. А. Новиков. Была создана оперативная группа тыла во главе с заместителем начальника Тыла Красной Армии генералом В. И. Виноградовым.

Авторитет войск Дальнего Востока во время войны был высок. Они не только выполняли свою основную задачу — прикрывали рубежи СССР, но и внесли достойный вклад в разгром фашистской Германии, являясь существенным источником пополнения фронтовых соединений. Теперь им на помощь шли войска с запада. Наращивался боевой и численный состав дальневосточной группировки. Артиллерийские, танковые и авиационные части пополнялись вооружением и машинами новых типов. Только в нашей армии дополнительно были сформированы 9 артиллерийских и минометных бригад.

Во всех танковых бригадах первые батальоны вооружались танками Т-34. Улучшалось материально-техническое обеспечение войск.

Чтобы усилить фронты опытными кадрами командиров и политработников, Ставка откомандировала на Дальний Восток маршалов, генералов и офицеров, прошедших суровую школу войны с фашистской Германией. Они получили назначения на должности командующих фронтами и армиями, членов военных советов, командиров корпусов, дивизий и отдельных частей. Большинство дальневосточников, ранее работавших на этих должностях, становились их заместителями.

В апреле 1945 года в Уссурийск прибыл штаб бывшего Карельского фронта во главе с Маршалом Советского Сою-

за К. А. Мерецковым, членами Военного совета генерал-полковником Т. Ф. Штыковым и генерал-майором К. С. Грушевым, начальником штаба генерал-лейтенантом А. Н. Крутиковым и начальником политуправления генерал-майором К. Ф. Калашниковым.

Весть о победе над фашистской Германией я встретил, находясь в отдельном 30-м пулеметном батальоне. Был яркий, солнечный день 9 мая. Благоухала всеми цветами радуги дальневосточная природа, пели птицы. Утром вместе с замполитом батальона капитаном М. В. Бойцовым мы побывали в нескольких дотах, беседовали с бойцами, ответили на их многочисленные вопросы о боях на берлинском направлении и... вдруг слышим один выстрел, другой, началась стрельба из всех видов оружия.

«В чем дело? Кто приказал открыть огонь?» — молнией пронеслось в голове. Я смотрел на замполита, а он на меня, не понимая, что происходит. И тут все выяснилось. Со всех концов неслось радостное: «Победа! Победа! Ура-а!»

На противоположной стороне у японцев слышали стрельбу. Она вызвала у них сильное беспокойство, но, увидев, что выстрелы ущерба не приносят, там успокоились.

Радость и ликование охватили личный состав армии, как и весь наш народ. Слишком большую цену заплатили мы за эту победу! Вместе с этим мы, дальневосточники, поняли: пришла наша очередь, пора покончить с угрозой, которая на протяжении многих лет нависала над нашим Дальневосточным краем.

В конце июня к нам прибыли многие работники штаба 6-й гвардейской армии во главе с командующим, моим старым знакомым по 275-му стрелковому полку, теперь уже Героем Советского Союза генерал-полковником Иваном Михайловичем Чистяковым. В числе их были начальник штаба генерал-лейтенант Валентин Антонович Пеньковский, член Военного совета генерал-майор И. С. Фурсов, заместитель командующего генерал-лейтенант П. Ф. Лагутин, командующий артиллерией генерал-майор Г. А. Макаров, начальник тыла генерал-майор В. С. Черепков, начальник связи генерал-майор Н. П. Боровягин и другие.

Все начальники основных отделов 25-й армии стали заместителями генералов и офицеров 6-й гвардейской армии, которые теперь возглавили эти отделы нашей армии. На своих должностях остались член Военного совета генерал-майор Н. Г. Лебедев и я — начальник политического отдела.

Началась большая, напряженная, кропотливая работа по подготовке войск к наступательным действиям. Задача за-

ключалась в том, чтобы психологически подготовить личный состав к переходу от обороны к наступлению с целью разгрома сильного и коварного врага — японских милитаристов на занимаемой ими территории Маньчжурии и Кореи. Должен сказать, что этот вопрос решался значительно быстрее, чем можно было предполагать. Солдаты и офицеры рвались в бой, чтобы сокрушить оборонительные сооружения и разгромить врага. В этих условиях увеличился поток заявлений с просьбами о приеме в партию и комсомол. «Прошу принять меня в ряды ленинской партии, — писал боец 116-го пулеметно-артиллерийского батальона Василий Нечипуренко, — я с честью оправдаю звание коммуниста, буду биться с ненавистным врагом до последней капли крови, не щадя своей жизни».

Пулеметчик 253-го пулеметного батальона Алексей Ковалев в заявлении написал: «Прошу принять меня в Коммунистическую партию. Доверие партии оправдаю в боях с японскими самураями».

Под руководством командующего фронтом Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, который имел псевдоним генерал-полковник А. М. Максимов, скрытно, при строжайшем соблюдении маскировки, в тылу на полигоне проводились учения по прорыву укрепленных районов «противника» с боевыми стрельбами из всех видов оружия.

В июне — июле 1945 года развернулись работы по оборудованию исходного положения для наступления. Только в полосе нашей 25-й армии было отрыто большое количество траншей и ходов сообщения, подготовлены площадки для ручных и станковых пулеметов, минометов, огневых позиций для артиллерийских орудий, укрытия для танков и личного состава, построены дороги для выхода войск с техникой к границе.

В соответствии с требованиями приказа командующего и директивы Военного совета фронта строили свою деятельность и политработники нашей армии. Начался новый этап в боевой и политической подготовке личного состава. Наметились и настойчиво проводились в жизнь меры по превращению войск армии в силу, способную сокрушить врага. Политотдел армии активно осуществлял все мероприятия Военного совета по подготовке войск.

Во второй половине мая был создан в тылу учебный центр группы войск, в котором проводились сборы командиров и политработников от батальонного звена и выше.

В первой половине июня в армии провели десятидневные

сборы командиров стрелковых и пулеметных рот и отдельно — командиров артиллерийских батарей.

При стрелковых корпусах провели сборы командиров взводов. Шла подготовка всех категорий командного и политического состава, включая командиров отделений, расчетов и танковых экипажей. Все это сыграло большую роль в улучшении боевой и политической подготовки на основе опыта Великой Отечественной войны.

С апреля 1945 года войска Дальнего Востока перевели на первую норму питания. Улучшилось снабжение горючим, транспортом, обмундированием. Поступили на вооружение новые танки, стрелковое оружие, инженерные средства.

Многие работники политотдела армии постоянно находились в частях и соединениях и на месте помогали в боевой учебе личного состава. Правилом для каждого было — на 2—3 дня приехать в политотдел армии, отчитаться за проведенную работу, получить новое задание — и вновь в войска. Работая в частях, обращали большое внимание на укрепление ротных и батарейных партийных и комсомольских организаций, на расстановку коммунистов, чтобы, как правило, в отделении, экипаже имелись коммунисты и оказывали положительное влияние на весь личный состав.

Военный совет фронта поставил задачу: до 20 июня офицерскому составу до командира батальона включительно освоить все вооружение полка: и стрелковое оружие, и минометы, и 45-мм противотанковые пушки.

По указанию командующего армией была организована выставка советского и японского оружия и боевой техники. На выставке наглядно демонстрировалось превосходство нашего оружия над оружием противника.

Для оказания помощи офицерам в сдаче зачетов по оружию политотдел 386-й стрелковой дивизии, возглавляемый полковником И. Ф. Конюховым, подготовил схемы и плакаты по тактико-техническим данным оружия и новой техники Красной Армии, которые ярко показывали их превосходство над японским вооружением; с офицерами были проведены собеседования о характере японских укрепрайонов на маньчжурско-приморском плацдарме.

Политотделом и штабом армии были образованы из числа офицеров — участников боев с гитлеровской Германией группы, которые отправились в войска для оказания помощи командирам и политработникам.

В июне — июле политотдел армии провел двухдневные сборы старших инструкторов политорганов и секретарей партийных комиссий, отдельно — помощников начальников

политотделов по комсомолу и старших инструкторов по пропаганде и агитации. На совещании начальников политотделов соединений выступил И. М. Чистяков, который нацелил политорганы на подготовку к решению новых задач, стоящих перед армией.

Руководящие работники штаба армии рассказали собравшимся о противостоящей группировке врага.

Что же она собой представляла?

Вдоль границ Приморья был развернут 1-й Восточно-Маньчжурский фронт в составе десяти пехотных дивизий и одной пехотной бригады.

Непосредственно перед нашей армией находились войска 3-й японской армии, имевшие четыре укрепленных района, каждый из которых занимал по фронту 50—100 километров и в глубину 50 километров. В тылу укрепленных районов располагалась основная группировка полевых войск. Японские солдаты и офицеры были обучены и идеологически обработаны в духе фанатической преданности императору. Имелись специальные подразделения смертников. Одним словом, враг был достаточно сильным.

Войска нашего 1-го Дальневосточного фронта под командованием маршала К. А. Мерецкова в своем составе имели 1-ю Краснознаменную, 5, 25 и 35-ю общевойсковые армии, Чугуевскую оперативную группу, 10-й механизированный корпус и 9-ю воздушную армию. На территории фронта дислоцировались войска Приморской армии ПВО территории страны.

Фронт получил боевую задачу силами двух общевойсковых армий (1-й Краснознаменной и 5-й), одного механизированного корпуса и кавалерийской дивизии прорвать систему приграничных укреплений и выйти на рубеж Боли, Муданьцзян, Ванцин.

Вспомогательный удар предписывалось нанести силами 35-й армии из района Лесозаводска в общем направлении на Мишань с целью обеспечения правого фланга ударной группировки фронта.

В связи с этим 25-я армия получила задачу, действуя из-за левого фланга главной ударной группировки фронта, развивать наступление в общем направлении на Ванцин.

Вспомогательный удар наносили и соединения левого фланга армии. Их задачей было прорвать противостоящий укрепленный район и развивать успех в направлении Тумынь, Яньцзы, с тем чтобы отрезать пути отхода японских войск в Северную Корею.

Кроме того, командующий армией потребовал оборонять

линию государственной границы на 285-километровом фронте. Осложняло дело то, что перед началом боевых действий из состава армии 17-й стрелковый корпус был передан в 5-ю армию, а 88-й стрелковый корпус выведен в резерв фронта. Учитывая все эти изменения, видно, что перед 25-й армией стояли большие и сложные задачи.

По решению командующего фронтом в армии артиллерийская подготовка не планировалась, поскольку переход в наступление осуществлялся ночью, в условиях плохой видимости.

В армии создали 13 сводных передовых отрядов из бойцов и офицеров, хорошо знавших оборону противника, расположение его дотов, порядок несения службы противником. Передовые отряды формировались за счет коммунистов и комсомольцев, которые составляли большинство личного состава частей. В формировании передовых отрядов активное участие принимали начальники политотделов С. И. Авдеев, В. Д. Зеленин, М. Д. Резников, А. Ф. Рябкин, П. Н. Солодкий, И. Х. Шевлохов, Я. И. Украинец. Возглавили передовые отряды командиры, заместители по политической части и парторги батальонов.

Во всех ротах передовых отрядов мы создали полнокровные партийные и комсомольские организации, позаботились, чтобы в состав всех отделений и расчетов обязательно входили коммунисты. Все бойцы передовых отрядов были вооружены автоматами, ручными гранатами, финскими ножами и ножницами для резки проходов в проволочных заграждениях.

Полоса наступления нашей армии проходила по скалам и сопкам, покрытым лесом или кустарником, в которых немало было энцефалитных клещей. Укус клеща грозил большой опасностью для жизни солдат и офицеров. Поэтому командиры и политработники широко разъясняли солдатам, как вести себя на такой местности, дали указания строго следить друг за другом, не допуская случаев поражения бойцов клещом.

По указанию командующего армией были подготовлены специальные полигоны с дотами и двориками при них, точно так, как и у японцев. Днем и ночью на этих полигонах шла напряженная работа по подготовке передовых отрядов к боевым действиям.

Политотдел армии издал массовым тиражом памятки, в которых доходчиво и ярко рассказывалось бойцам, как надо действовать при блокировании и овладении укрепленными пунктами в горно-лесистой местности, преодолении горных

речек, как вести борьбу со смертниками, которые могли быть оставлены японцами при отходе. Были выпущены брошюры «Вооруженные силы врага в Маньчжурии», «Плацдарм японской военщины в Маньчжурии», а также разговорники на японском и корейском языках.

Части армии усиливались инженерными войсками, которые многое сделали в подготовке исходного положения для перехода войск в наступление и для преодоления многочисленных препятствий на пути продвижения частей во время боев.

Хорошо помогли в изучении противостоящего противника пограничники. Они непосредственно сопровождали части при выходе к границе. Пограничники принимали активное участие в боевых действиях совместно с передовыми отрядами армии.

7 августа 1945 года в 16 часов 30 минут Ставка Верховного Главнокомандования передала точное время начала военных действий. Приказ Ставки был доведен до командиров соединений, частей и начальников политорганов, а затем и до всех политработников, парторгов, комсоргов и красноармейцев.

Перед началом военных действий все наши воины были ознакомлены с обращением главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке к китайскому народу. В нем говорилось:

«Красная Армия, армия великого советского народа, идет на помощь союзному Китаю и дружественному китайскому народу. Она и здесь, на Дальнем Востоке, поднимает свои боевые знамена как армия — освободительница народов Китая, Маньчжурии, Кореи от японского гнета и рабства» [1].

Политотдел армии до начала военных действий получил от политического управления фронта большое количество листовок и плакатов на китайском и корейском языках, которые мы немедленно доставили в соединения и части.

8 августа был объявлен приказ командующего фронтом:

«Перейти государственную границу, нанести сокрушительный удар, разгромить вражеские войска на территории Маньчжурии и навсегда обеспечить безопасность наших границ на Дальнем Востоке.

В стремительных наступательных боях проявлять храбрость и отвагу, мужество и героизм. Умножать ряды героев

---

[1] Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945, т. 11, с. 322.

Хасана и Халхин-Гола, множить славу советского оружия. Разить и беспощадно уничтожать зарвавшегося врага.

Крепить дисциплину в войсках. Беспрекословно и быстро выполнять приказы командиров и грудью защищать их в бою.

Находясь за рубежом родной земли, будьте особо бдительны. По-прежнему высоко держите честь и достоинство советского воина.

Будьте достойны героев Великой Отечественной войны, отстоявших государственные интересы Советского Союза, освободивших народы Европы от немецко-фашистского ига и обеспечивших безопасность наших границ на западе...»[1]

В соответствии с этим приказом политотдел армии разработал план по обеспечению его выполнения и одновременно подготовил обращение Военного совета к войскам армии, которое в ночь на 9 августа было отпечатано большим тиражом, а утром доставлено во все части и подразделения.

8 августа оперативные работники политотдела направились в части 39-го стрелкового корпуса, 386-й и 393-й стрелковой дивизий для оказания помощи командирам и политработникам в доведении и выполнении приказа командующего.

В частях и подразделениях состоялись митинги, на которых бойцы дали клятву с честью выполнить свой долг перед Родиной, разгромить и уничтожить врага. Многие беспартийные воины стремились идти в бой коммунистами и комсомольцами. «Нам, воинам-дальневосточникам, — писал в своем заявлении в партию после митинга красноармеец Лобанов, — выпала великая миссия — разбить японских самураев и обеспечить границы нашей Родины на Дальнем Востоке. Я хочу идти в бой за великую цель коммунистом»[2].

Таким образом, подготовка к активным наступательным действиям закончилась. Для дальневосточных войск наступил новый период — непосредственно боевых действий по сокрушительному разгрому врага.

ТРЕВОЖНЫЙ АВГУСТ

Наступило ответственное, тревожное время.

Вечером 8 августа 1945 года Советское правительство через японского посла в Москве передало заявление япон-

---

[1] Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦАМО), ф. 32, оп. 44026, д. 92, л. 269.

[2] ЦАМО, ф. 504, оп. 166505, д. 2, л. 2.

скому правительству о том, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией.

Заявление Советского Союза прозвучало на весь мир и нашло горячий отклик в сердцах и умах многих миллионов обездоленных и униженных японскими милитаристами, тех, кто долгие годы лелеял мечты об освобождении.

10 августа Малый хурал и правительство МНР торжественно объявили священную войну против Японии и заявили о полном присоединении к заявлению Советского правительства.

Советский народ и его Вооруженные Силы приступили к ликвидации опасного врага на Дальнем Востоке, к восстановлению мира и справедливости и в этой части планеты.

8 августа в 23. 30 передовые отряды армии вышли на исходные позиции. Строго соблюдая меры маскировки, саперы проделали проходы в проволочных заграждениях и сняли мины. Все отряды вместе с пограничниками вышли к государственной границе. Выполняя приказ, в 00.10 9 августа войска армии перешли границу и приступили к выполнению боевой задачи.

Нашему справедливому делу сопутствовала и погода. Вечером 8 августа на небе появились отдельные облачка, начал накрапывать дождик. Но к ночи облака слились в огромную черную тучу, сверкнула молния, ударил гром. И как из ведра полил проливной дождь.

С командующим находилась группа оперативных работников, генералы, офицеры, в том числе и я. Иван Михайлович Чистяков нахмурил брови, посмотрел на небо и сказал:

— Этого еще недоставало! — А затем добавил о другом: — Нужно же, чтобы в это время разболелась голова!

Подошел врач, померил давление, с беспокойством сказал:

— Товарищ командующий! У вас 220 на 110. Надо немедленно в госпиталь!

— Таблетка есть? — спросил врача Иван Михайлович. — Давай!

Взял, проглотил, запил холодной водой и решительно махнул рукой, как бы давая этим понять: какой, мол, тут госпиталь!

В это время раздался новый раскат грома. Командующий артиллерией генерал Макаров подмигнул:

— Вот дает, словно артподготовка.

— Это хорошо, — как-то уже довольно сказал Иван Михайлович. — И природа с нами.

Медленно и томительно тянулись минуты. На стороне противника мертвая тишина — ни ракет, ни выстрелов. Только шел дождь. Сообщений от командиров передовых отрядов долго не было. Мы стояли, перебрасывались между собой ничего не значащими фразами, а у самих нервы как натянутая струна.

К двум часам ночи начальник штаба армии генерал-лейтенант В. А. Пеньковский доложил командующему о том, что к часу ночи все передовые отряды перешли государственную границу, блокировали огневые точки противника, уничтожили или пленили гарнизоны, которые оказывали сопротивление, нарушили линии связи.

И. М. Чистяков немедленно доложил Маршалу Советского Союза К. А. Мерецкову об успешных действиях передовых отрядов. Кирилл Афанасьевич похвалил и попросил передать всему личному составу отрядов благодарность, а особо отличившихся в бою представить к наградам.

Примерно в три часа ночи бойцы из отряда майора П. П. Константинова привели первых пленных японских солдат. Японцы были совершенно голые, дрожали от страха и холода.

Иван Михайлович с удивлением спросил:

— Что это значит?

Наши конвоиры внесли ясность. Оказалось, что в тот момент, когда они подошли к проходам в проволочных заграждениях противника, ливень усилился. Промокли насквозь. За шумом дождя японцы ничего не слышали и не заметили приближения наших подразделений. Красноармейцы ворвались в казармы, блокировали пирамиды с оружием и подали команду «Руки вверх!». Солдаты противника онемели от страха и удивления. Один пленный рассказал на допросе, что, когда он услыхал команду «Руки вверх!», решил, что это сон. Открыл глаза и себе не поверил: перед ним стоял русский солдат с направленным на него автоматом. «Из нас никто не мог и подумать, что советские солдаты пойдут под таким проливным дождем», — добавил он.

К утру 9 августа большинство передовых отрядов углубились во вражеские укрепленные районы на 4—6 километров. Сопротивление противника усиливалось. Начались тяжелые бои за каждую сопку, каждый дот. Воины передовых отрядов проявляли величайшее мужество и отвагу, смело и решительно громили врага. Политработники армии горди-

лись этим успехом, так как в этом героизме был немалый и их труд.

Утром 9 августа во всех частях и подразделениях были зачитаны обращения военных советов фронта и армии, в которых содержались призывы решительными действиями уничтожать врага. В обращении Военного совета 1-го Дальневосточного фронта, в частности, говорилось: «Воин Красной Армии! Тебя знают на Западе как освободителя. Таким тебя должны знать и на Востоке — в Китае, Маньчжурии и Корее» [1].

Обращения вызвали у всех воинов высокий наступательный порыв. Они дали клятву с честью выполнить поставленные перед ними задачи — завершить разгром империалистической Японии и положить конец второй мировой войне.

К 12 часам дня 9 августа передовые отряды вышли в тыл опорных пунктов противника, полностью нарушили его систему связи и управления войсками. Это способствовало введению в бой на правом фланге частей 39-го стрелкового корпуса, усиленного 259-й танковой бригадой, в обход укрепленного района через падь Сенную в направлении города Дунина.

В этот день мы вместе с Чистяковым выехали в передовой отряд 218-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, а затем в 98-й пулеметный батальон. Во время встречи с бойцами Иван Михайлович спросил:

— Ну как, товарищи, страшно было идти в незнакомый укрепленный район?

Бойцы переглянулись, помолчали, а потом один ответил за всех:

— Страшновато, товарищ генерал, но надо же было показать самураям, на что способны дальневосточники!

Враг сопротивлялся яростно, но ничто не могло остановить наступательного порыва наших войск. Во время штурма Дунинского укрепленного района японцев путь бойцам 98-го отдельного пулеметного батальона преградил вражеский дот, прикрывавший вход в узкую лощину. Только уничтожив его, можно было двигаться вперед. Сначала решили ползком подобраться к доту, но под прицельным огнем к нему не доползти. Тогда солдат-автоматчик Г. Е. Попов, самый старший по возрасту и опытный из бойцов, дал слово уничтожить вражескую огневую точку. Очевидцы рассказывали мне, что Попову удалось довольно близко по-

---

[1] Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945, т. 11, с. 323.

добраться к доту. Японский пулеметчик, заметив это, перенес на него огонь. Однако наш боец приподнялся и метнул одну за другой две гранаты. Раздались взрывы, все заволокло дымом. Японский пулемет умолк. Однако еще не полностью рассеялся дым, как он застрочил с еще большим ожесточением. Наши бойцы, поднявшиеся в атаку, залегли, голову было поднять невозможно. И в это время Попов вскочил и ринулся прямо к черной пасти дота. Не добежав несколько метров до амбразуры, он упал, сбитый японской пулей. И опять поднялся! Обливаясь кровью, раскинув руки, медленно, но уверенно пошел вперед и закрыл своим телом амбразуру... Бойцы поднялись в атаку и полностью уничтожили гарнизон дота. Ни на минуту не останавливаясь, они продолжали бой с новой силой. Беззаветная храбрость старшего товарища-героя вдохновила их на подвиги. Высоту взяли с небольшими потерями.

Г. Е. Попов, уроженец села Городище Тамбовской области, был беспартийным, но его подвиг равен подвигу человека с сердцем коммуниста. Его пример вдохновлял многих.

К утру 10 августа танкисты с десантом на броне на больших скоростях ворвались в город Дуннин, крепость и мощный узел железных и шоссейных дорог, а также овладели несколькими небольшими населенными пунктами. Разгромленные части японских войск с боями стали отходить.

В первые дни боев особенно отличились бойцы, сержанты и офицеры 384-й стрелковой дивизии, командиром которой был генерал-майор П. И. Мамаев, а начальником политотдела — подполковник П. С. Шилыковский. Дивизия с боями прошла от Дуннина до Дуньхуа. За геройские подвиги многим солдатам и офицерам дивизии прямо на поле боя были вручены ордена и медали.

На весь фронт прославился комсомолец Александр Фирсов, уроженец села Поляны Путятинского района Рязанской области. Во время штурма вражеского дота рота залегла под прицельным огнем противника, атака срывалась. Тогда А. Фирсов стремительно подполз к японскому доту и дал несколько очередей из ручного пулемета. Однако японский дот продолжал огрызаться, атака задерживалась. Боеприпасы у Фирсова закончились, и тогда он бросился на амбразуру, закрыв ее своим телом. Над полем боя прокатилось громкое «ура», и ничто уже не могло остановить решительный порыв наших бойцов.

Александр Фирсов на деле осуществил то, о чем говорил на митинге перед боем: «Клянусь тебе, Родина, пока

руки мои будут держать пулемет, а глаза видеть, я буду беспощадно биться с врагом...»

Указом Президиума Верховного Совета СССР Г. Е. Попову и А. Я. Фирсову посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Между тем сопротивление противника все усиливалось. Бои принимали ожесточенный характер. В этих боях воины совершили много героических подвигов.

В 40-й стрелковой дивизии рота разведчиков во главе с командиром старшим лейтенантом Н. И. Бельским и парторгом старшиной Я. В. Серых при подходе к одному населенному пункту попала под сильный ружейно-пулеметный огонь противника. Командир роты и два разведчика погибли. Рота залегла. Особенно сильный огонь вел пулемет из дзота.

— Разрешите мне уничтожить этот пулемет, — обратился комсомолец рядовой Н. В. Дроздов к командиру взвода и под прикрытием огня автоматчиков ползком, незаметно для противника, подобрался к дзоту. Бросок противотанковой гранаты, затем другой. Раздались сильные взрывы. Пулемет замолчал. Разведчики ворвались в населенный пункт и выбили из него врага. В этом бою отличился младший сержант И. И. Книга. В рукопашной схватке он уничтожил трех самураев, а двух, спрятавшихся на чердаке, взял в плен.

Минометный расчет сержанта Е. Л. Бойко в этот день уничтожил три пулеметные точки, две машины и более двадцати солдат и офицеров противника. Героизм и отвагу проявили старший сержант Винокуров, снайпер Соловьев, пулеметчик Кудашкин, стрелки Зубов, Курмаев и многие другие.

Впереди шли коммунисты и комсомольцы. Своим примером, смелостью, отвагой они увлекали товарищей на боевые подвиги. Сержант Г. А. Румянцев и рядовой А. В. Шевардин, вступившие в партию накануне наступления, отличились в первые часы боя. Во время атаки одной высоты А. В. Шевардин первым ворвался на нее и уничтожил пулемет противника, чем обеспечил продвижение взвода. Отделение сержанта Г. А. Румянцева в первый день боев уничтожило 18 солдат противника, а 8 захватило в плен.

Завязался бой за небольшой городок. Каждую улицу, каждый дом приходилось брать штурмом. Храбро действовали парторг 3-й роты сержант Н. И. Синицын, пулеметчик

Власенко, автоматчик Зубов, рядовой Минаев, сержант В. М. Бородулин и многие другие.

Вечером, после боя, командир дивизии полковник С. Г. Цыпленков вручил отличившимся в боях воинам ордена и медали. Орденом Славы III степени, первым в дивизии, был награжден рядовой Н. В. Дроздов.

Тяжелые бои пришлось вести войскам 40-й стрелковой дивизии за освобождение города Тумынь. Во время атаки артиллерия противника открыла сильный огонь по боевым порядкам 3-го полка. Неся потери, полк вынужден был залечь. Нужно было уничтожить вражескую артиллерию. Но как это сделать? Огонь нашей артиллерии оказался неэффективным. Танками в сопках тоже ничего не сделаешь. Выход нашел командир полка С. Н. Абрамов, прошедший по дорогам войны от Подмосковья до Берлина, награжденный многими правительственными наградами.

— Через час артиллерия противника будет уничтожена и полк продолжит наступление, — уверенно доложил он полковнику С. Г. Цыпленкову.

И действительно, ровно через час послышались сильные взрывы гранат и стрельба в расположении противника. Через несколько минут командир полка доложил:

— Артиллерия противника уничтожена, полк продолжает продвижение вперед.

Это произошло так. Роте автоматчиков со взводом саперов поставили задачу прорваться в расположение противника и уничтожить его артиллерию. Проводником пошел пожилой кореец. Таежными тропами он вывел роту в тыл вражеским огневым позициям. Бойцы внезапно атаковали противника. Они уничтожили восемь орудий, большую группу солдат и офицеров, захватили четыре орудия и более тридцати пленных.

Многие воины шли на правый бой коммунистами и комсомольцами. Только за время боев с 9 по 20 августа в 40-й дивизии принято в партию 253 и в комсомол 210 воинов.

За период боевых действий более полутора тысяч солдат, сержантов и офицеров 40-й дивизии были награждены орденами и медалями Советского Союза, а на Знамени дивизии к ордену Ленина за разгром японских самураев у озера Хасан прибавился орден Суворова 2-й степени.

Ранним утром 10 августа мы вместе с работниками политотдела армии подполковником Н. Ермиловым и майором А. Вигалоком выехали в части 39-го стрелкового корпуса, которые были уже в Дуннине. На сопках продолжались бои по уничтожению дотов. Выбрали момент затишья, проско-

чили мост через речушку и успешно добрались до высот за городом Дуннин, где закреплялись части 40-й, 384-й стрелковых дивизий и 259-й танковой бригады. С большой радостью встретили нас бойцы, командиры и политработники. Здесь в боевых порядках находились наши политотдельцы — Б. П. Сереженкин и П. Г. Беликов. Вскоре в Дуннин прибыли командующий армией И. М. Чистяков, член Военного совета Н. Г. Лебедев и группа офицеров штаба армии.

В этом первом освобожденном нами городе на территории Маньчжурии сразу бросились в глаза последствия японской оккупации. До сих пор помню, какой жалкий вид имели жители. Изможденные, голодные, одетые в какие-то рубища. Видно, тяжело им жилось под японским игом.

На площадь выехала наша агитмашина, вся обклеенная плакатами на китайском языке. На одном из них было написано: «Мы пришли к вам, чтобы избавить вас от японских угнетателей». Через усилитель агитмашины рассказывалось о целях и задачах нашей армии. Площадь тут же заполнилась народом. Слушая наших товарищей, китайцы радостно улыбались, подымали большой палец правой руки и скандировали: «Шибко шенго! Шибко шенго!» («Очень хорошо! Очень хорошо!»). На руках у китайцев появились красные повязки, на стенах домов — красные куски материи, а на дверях — надписи «Дом гражданина китайца». Это уже, видимо, для того, чтобы советские воины не приняли их за дома японцев. На железнодорожной станции не было ни единого паровоза, ни единого вагона. Все дома, в которых раньше жили семьи японских офицеров и служащих, опустели. Теперь хозяевами в них стали китайцы. Скажу наперед, что по мере продвижения наших войск в Маньчжурии и освобождения большого числа населенных пунктов и городов мы видели, к каким тяжелым последствиям привело господство японских милитаристов на китайской земле. Население влачило жалкое существование, фанзы имели убогий вид. Царили массовые заболевания и смертность среди детей. Вполне понятной была радость китайцев, которых советские воины освобождали от японского рабства.

Мы приобрели первый опыт работы среди местного населения в освобожденных населенных пунктах. В дальнейшем он нам очень пригодился.

Когда из Дуннина изгнали японцев, мы установили, что они не успели увезти или уничтожить склады с продовольствием, вооружением и даже горючим. Все это немедленно

взяли под охрану. По приказу командующего созданная в городе комендатура обеспечила охрану всех складов, оказывала помощь местному населению в наведении порядка, налаживании мирной жизни, а также вылавливала оставшихся, переодетых в гражданскую одежду японских солдат и офицеров.

На первом этапе фронтовой операции 25-я армия большей частью своих сил действовала на левом фланге главной ударной группировки фронта. Ближайшей ее задачей являлось овладение Дуннинским укрепленным районом. Однако события под Муданьцзяном — первым крупным городом на пути ударной группировки 1-го Дальневосточного фронта — изменили прежний план командования. Это объяснялось тем, что в связи с возросшим сопротивлением противника, а также с наводнением, вызванным ливневыми дождями, наступление советских войск замедлялось. Учитывая это, командующий 1-м Дальневосточным фронтом Маршал Советского Союза К. А. Мерецков решил главные усилия по разгрому японцев перенести в полосу наступления 25-й армии. 11 августа ей были переданы: из 5-й армии — 17-й стрелковый корпус, 72-я танковая и 219-я корпусная артиллерийская бригады, а из резерва фронта— 88-й стрелковый корпус, 209-я танковая бригада. Кроме того, в полосе наступления армии вводился в бой 10-й механизированный корпус.

Армии была поставлена задача овладеть районами Ванцин, Яньцзы, Тумынь, перерезать коммуникации, идущие из портов Северной Кореи в Центральную и Восточную Маньчжурию. В дальнейшем, с вводом в сражение 10-го механизированного корпуса, наступать на Гирин, отрезать пути отхода японским войскам на юг и юго-запад и во взаимодействии с 5-й и 1-й Краснознаменной армиями окружить и уничтожить их.

Для установления связи с политорганами переданных нам соединений политотдел направил в 17-й стрелковый корпус инспектора оргинструкторского отделения майора Н. В. Плоских и агитатора С. И. Глуздакова, в 10-й механизированный корпус инспектора майора Б. И. Сереженкина и агитатора К. В. Виноградова, в 88-й стрелковый корпус отбыли мой заместитель полковник М. О. Каневский и капитан В. М. Корнеев.

Учитывая, что движение основных войск шло по одной дороге, всю оперативную работу и связь с политотделами 17-го стрелкового и 10-го механизированного корпусов я взял на себя.

Для того чтобы быстрее добраться в части механизированного корпуса, инспектор политотдела армии майор Б. И. Сереженкин был направлен на самолете связи По-2, но во время полета самолет сбили. К счастью, он упал в расположении наших войск на деревья, и так удачно, что летчик и Б. И. Сереженкин, отделавшись незначительными ушибами и царапинами, быстро вошли в строй. Работники политотдела шутили: «Наш Борис — мастер пикирования, а самолет По-2 — самый безопасный самолет».

* *
*

При освобождении городов и крупных населенных пунктов создавались военные комендатуры, которые на китайском языке публиковали приказы, разъяснявшие, что советское командование стремится нормализовать жизнь, не вмешиваясь в дела самоуправления, предпринимателей и служителей культа.

Офицеры, знающие китайский язык, разъясняли приказы и другие распоряжения советских военных комендатур на освобожденной от японских войск китайской территории.

Политорганы, опираясь на местные прогрессивные силы, оказывали помощь в деятельности создаваемых местных органов власти.

В те дни память снова и снова возвращала меня в тот памятный день 5 мая 1920 года, когда я слушал напутствие Ленина красноармейцам, отправляющимся на польский фронт.

«Вы знаете, что польские помещики и капиталисты, подстрекаемые Антантой, навязали нам новую войну, — говорил Владимир Ильич. — Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем... Пусть ваше поведение по отношению к полякам там докажет, что вы — солдаты рабоче-крестьянской республики, что вы идете к ним не как угнетатели, а как освободители» [1].

Как снова актуальны были эти слова теперь, когда наша армия шла освободительным походом по порабощенной японскими милитаристами китайской земле!

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 110.

С началом военных действий политорганы распространяли среди японских войск текст Заявления Советского правительства о вступлении в войну с Японией, обращение Маршала Советского Союза А. М. Василевского «К японской армии! К японскому народу!» и листовки политорганов. Тексты передавались по громкоговорящим установкам, а также вручались пленным солдатам и офицерам, которых мы в этих случаях отпускали.

Для выполнения поставленной задачи и обеспечения беспрерывного движения главных сил механизированного корпуса было создано два передовых отряда. Отряду № 1, состоявшему из 76-й механизированной бригады, 1419-го самоходно-артиллерийского полка и 2-го гвардейского минометного дивизиона, предстояло к утру 14 августа захватить перевал Лимояо и наступать на Гирин. Отряд № 2, включавший 72-ю танковую бригаду и 2-й гвардейский мотоциклетный полк, должен был овладеть городом Ванцин и развивать наступление на Яньцзы, Дуньхуа, Гирин.

Эти задачи решались успешно. 12 августа войска армии заняли свыше 100 населенных пунктов, в том числе крупный узел японской обороны город Ляохэйшань. Под натиском наших войск разрозненные группы противника отходили в горы, обстреливая дороги и устраивая засады. Однако их быстро уничтожали наши бойцы.

13 августа соединения 17-го и 39-го стрелковых корпусов продолжали движение в направлении города Ванцин, обеспечивая действия основной группировки с юга.

К этому времени 17-й стрелковый корпус частями 366-й стрелковой дивизии обошел по тайге противника с юга и во взаимодействии со 187-й стрелковой дивизией разгромил японские части, оборонявшие подходы к перевалу. Преодолев Тайпинский перевал, части и соединения армии продолжали громить противника.

В один из таких дней к нам в политотдел прибыл кинооператор капитан А. Фролов. Он выглядел как-то совсем не по-военному, однако настроен был по-боевому, рвался на передовую, поясняя, что должен срочно отснять наиболее яркие и интересные боевые эпизоды для кинохроники.

Я попросил выделить в его распоряжение автомашину «додж» и двух автоматчиков для охраны. Он был очень благодарен и хотел тут же ехать.

— А вы хоть карту читать умеете? — спросил я. — Местность-то незнакомая, горы...

— Доберусь, — отмахнулся Фролов.

И все-таки я беспокоился за него: заблудится, попадет в лапы врага. Тут кто-то из политотдельцев напомнил мне, что в части 39-го стрелкового корпуса как раз направляется наш комсомольский работник капитан В. С. Рябов. Ему-то я и поручил проводить нашего гостя. Василий Сергеевич потом рассказал, что добрались они благополучно, кинооператор быстро отснял все, что было можно, но возвращаться не собирался, захотел ехать дальше, к Гирину, чтобы продолжить съемку. Пришлось пойти навстречу.

На пути к городу машина с «кинодесантом» перегнала передовой отряд. Жара была страшная. В поисках воды водитель свернул с шоссе в лощину, поросшую кустарником. И тут машину обступили японцы. Оказалось, что в кустарнике командный пункт японской дивизии. К счастью, к этому месту подошла еще одна машина. Из нее выскочил подполковник Беда.

— Где командир дивизии? — властно спросил он, подозвав японского переводчика.

— Его здесь нет, есть начальник штаба, — последовал ответ.

— Позовите начальника штаба, — потребовал подполковник.

Через несколько минут из кустарника вышел моложавый офицер в форме полковника японской армии.

— Где командир дивизии? — повторил свой вопрос Беда.

— Он разговаривает с... императором.

Видя, что японцы хитрят и тянут время, подполковник Беда приказал находившемуся с ним офицеру выйти на шоссе, встретить передовую колонну наших войск и направить в лощину несколько танков. Когда японцы услышали шум приближающихся наших танков, из кустарника выскочил генерал — командир японской дивизии — и с притворной улыбкой через переводчика обратился к подполковнику:

— Что нужно русским?

— Капитуляции, сдачи в плен всей дивизии, — ответил Беда.

Гул танков нарастал. Улыбка исчезла с лица японского генерала. Он вынужден был приказать сложить оружие. Когда его отправили в тыл, капитан Фролов навел кинокамеру, но японец успел закрыть лицо руками.

Уже много позже в документальном фильме «Победа на Востоке» я увидел эти кинокадры.

После тяжелых и безуспешных для японской армии боев ее разрозненные, потерявшие управление соединения и части были настолько деморализованы мощью ударов Красной Армии, что нередко без боя сдавались в плен нашим частям.

259-я танковая бригада и подвижная группа фронта — 10-й механизированный корпус — вечером 15 августа ворвались в Ванцин и в течение следующего дня полностью очистили его от противника. 88-й стрелковый корпус форсировал реку Тумыньцзян (Туманган), его передовые отряды завязали бой за город Ондзио (Онсон) на территории Северной Кореи, в 10 километрах восточнее Тумынь. 17 августа был освобожден город Тумынь, крупный узел железных и шоссейных дорог близ границы с Кореей. Утром 20 августа передовой отряд 10-го механизированного корпуса вступил в Гирин, а войска 17-го стрелкового корпуса заняли город Дуньхуа, где соединились с частями 10-го мехкорпуса.

18 августа японские войска на многих участках фронта начали сдаваться в плен. Однако отдельные части продолжали упорное сопротивление, особенно в Дуннинском укрепленном районе. Только к 26 августа капитулировали последние опорные пункты противника.

Для нанесения вспомогательного удара на левом фланге в направлении Кореи была создана группа войск под руководством заместителя начальника штаба армии генерала Г. И. Шанина. В состав группы вошли 386-я стрелковая дивизия (командир полковник С. А. Туголупов, начальник политотдела полковник И. Ф. Конюхов) и 393-я стрелковая дивизия (командир полковник Ф. А. Исаков, начальник политотдела полковник В. П. Москаленко).

Группа имела задачу прорвать Дунсинчжэньский укрепленный район и развивать успех в направлении Тумынь, Яньцзы, с тем чтобы отрезать пути отхода японских войск в Северную Корею. 8 и 9 августа в составе группы находились член Военного совета генерал Н. Г. Лебедев и работники политотдела армии — инспектор В. И. Кучумов, агитатор М. А. Тепляков и инструктор комсомольского отделения В. М. Корнеев. 10 августа генерал Н. Г. Лебедев возвратился в штаб армии, а в южную группу выехал заместитель начальника политотдела полковник М. О. Каневский.

Как же развивались боевые действия группы войск генерала Г. И. Шанина?

Передовые отряды 212-го и 253-го пулеметных батальонов совместно с пограничниками овладели Кэнхинским уз-

лом сопротивления на границе Северной Кореи. Атаковав гарнизон, охранявший железобетонный мост через реку Туманган, отряды захватили мост в исправном состоянии. В этом бою отличился взвод лейтенанта А. И. Парамыги, который под сильным пулеметным огнем противника ворвался на мост и вступил в рукопашную схватку с его охраной. Герои-пулеметчики, обезвредив охрану, не дали взорвать мост.

Передовые отряды перерезали железную дорогу Тумынь — Наджин и автомобильную дорогу Кёнхын — Унги. К 12 часам 9 августа сводные передовые отряды успешно выполнили поставленные задачи — захватили опорные пункты в укрепленных районах и нарушили систему тактической обороны противника.

Части 386-й стрелковой дивизии, развивая наступление, 11 августа овладели важным опорным пунктом противника городом Хуньчунь, форсировали реки Хуньчуньхе и Тумыньцзян и заняли в Северной Корее город Кейко.

9 и 10 августа авиация Тихоокеанского флота нанесла массированные удары по портам Северной Кореи — Унги, Наджину и Чхонджину. Одновременно удары по портам наносили торпедные катера флота.

Вечером 11 августа в густом тумане с торпедных катеров был высажен в порту Унги десант моряков. Десантники быстро овладели портом и военно-морской базой. Захват Унги позволил подошедшим частям 393-й стрелковой дивизии, не задерживаясь, преследовать отступавшего противника.

Части дивизии и сводные отряды под командованием майора А. Л. Кантемирова действовали вдоль побережья. В авангарде дивизии наступал 505-й стрелковый полк под командованием майора А. А. Серкова. В бою за перевал перед городом Наджин (Расин) отличилось отделение ротных пулеметов под командованием сержанта Михаила Копылова. Выбрав выгодную позицию, пулеметчики уничтожили огневые точки противника, чем обеспечили успешное продвижение одной из рот полка. Будучи раненым, Копылов продолжал командовать отделением; позже он скончался от большой потери крови.

Утром 12 августа отряд военных кораблей высадил в порту Наджин передовой отряд десанта в составе двух групп автоматчиков во главе со старшим лейтенантом Поповым. К полудню десантники захватили плацдарм для высадки основных сил десанта. 13 августа сопротивление японцев было сломлено, десант полностью овладел портом и го-

родом Наджин. Вскоре в город вступили части 393-й стрелковой дивизии и соединились с морским десантом.

Захват Унги и Наджина создал благоприятные условия для овладения военно-морской базой и городом Чхонджин (Сейсин), через который осуществлялось снабжение японских войск. Он также являлся важным железнодорожным узлом.

Для овладения Чхончжином привлекались корабли флота, 13-я отдельная бригада морской пехоты и другие части флота, а также 335-я стрелковая дивизия нашей армии (командир — полковник А. А. Волков, начальник политотдела — полковник П. И. Демин).

В авангарде дивизии действовал 205-й стрелковый полк дивизии (командир — полковник Н. Я. Загрузин, заместитель по политчасти — майор И. С. Колесов). Полк совершил 70-километровый марш до города Владивостока. Там погрузился на десантные баржи и в сопровождении боевых кораблей высадился в порту Чхончжин, понеся при этом незначительные потери. Одновременно в Чхончжин вступили передовые части 393-й стрелковой дивизии, наступавшие вдоль побережья. Командовал высадкой войск капитан I ранга А. Ф. Студеничников, возглавил десант генерал-майор В. П. Трушин.

В боях за Чхончжин отличился 505-й стрелковый полк. Особенно дерзко и решительно действовали 1-я рота капитана Тараканова, 4-я рота капитана Стаценко, 1-я рота автоматчиков капитана Остоушко, минометная рота капитана Протасова. Командир взвода минометчиков из этой роты лейтенант О. Коломийцев, получив ранение, продолжал руководить взводом, поддерживая наступление 6-й роты. Второе ранение оказалось смертельным.

Когда наши войска очистили от противника город, он оказался пустым и будто вымершим. Все население, напуганное японцами, ушло в леса и горы. Остались только японские смертники, которые внезапно, исподтишка нападали на бойцов и командиров. Только через несколько часов в город постепенно стали возвращаться жители.

Несмотря на успешное продвижение наших войск и начавшуюся капитуляцию противника, на побережье часть его войск продолжала упорно сопротивляться. Так, тяжелые бои вел 205-й стрелковый полк за освобождение от противника населенных пунктов на пути от Чхончжина (Сейсина) к Хамхыну (Канко).

Освобождение Кореи от японских колонизаторов проходило в жестоких боях и, выполняя свой интернациональ-

ный долг, советские воины проявляли смелость, мужество, находчивость, боевую доблесть и героизм. Эти подвиги мы стремились делать достоянием всего личного состава.

Помню, в политинформациях и беседах политработники рассказывали о подвиге старшины Д. С. Федоренко. Взвод под его командованием, действуя десантом на самоходных установках, вклинился в оборону врага. На одном из участков противник перекопал дорогу между сопок и заминировал все подходы. Самоходки остановились.

Японцы тут же обрушили на них шквал огня. Взвод быстро рассредоточился и начал выбивать противника с господствующей высоты.

Высота была опоясана тремя линиями траншей, в промежутках залегли замаскировавшиеся снайперы. С возгласом «За Родину! Вперед!», расстреливая врага в упор, взвод бросился в атаку. Завязалась рукопашная схватка. Первая траншея была очищена от противника. Бойцы ворвались во вторую траншею, сломив сопротивление противника. Старшина подсчитал своих бойцов, их оказалось всего семь. Но время упускать нельзя. До вершины высоты оставалось метров 30—40. Старшина встал во весь рост и крикнул: «За мной! Вперед!» Все бойцы поднялись за ним и захватили высоту. В это время еще четырех солдат ранило. Со старшиной осталось всего три человека. Федоренко решил удержать высоту до подхода своих. Между тем японцы опомнились и перешли в контратаку. Старшина приказал открыть огонь из ручного пулемета. Атака захлебнулась.

Федоренко остался один на высоте и решил сражаться до конца. Он собрал у раненых гранаты и патроны. Пять раз японцы поднимались в атаку, но метко брошенные гранаты и автоматные очереди заставляли их скатываться обратно. У старшины кончились боеприпасы. Тогда он собрал японские гранаты и пустил их в ход. Вражеская контратака захлебнулась, но Федоренко был ранен и потерял сознание. Когда же пришел в себя, заметил, что японцы в панике убегали. С радостью он увидел взвод наших автоматчиков, двигавшийся ему на помощь. За этот подвиг старшина Д. С. Федоренко был награжден орденом Красного Знамени.

Заняв Чхончжин, 393-я стрелковая дивизия продолжала наступление на Нанам. Мост на шоссе был взорван, а железнодорожный японцы не успели взорвать. Полковник Ф. А. Исаков принял решение организовать переправу дивизии по железнодорожному мосту. Сделали настил. Сначала переправляли танки и самоходно-артиллерийские установки, а затем пехоту и артиллерию.

По данным разведки, чтобы задержать продвижение советских войск, японцы заняли высоты северо-западнее Нанама. Весь день шел ожесточенный бой с нанамской пехотной дивизией противника. В бою особенно отличились 1-й и 2-й батальоны 505-го стрелкового полка, которым командовал заместитель командира полка майор Хабиров. За успешное руководство боем он был награжден орденом Красного Знамени. После ожесточенного боя наши войска заняли Нанам. В это же время 621-й стрелковый и 519-й артиллерийский полки завязали бои на подступах к городу Кенсону и овладели им.

Позже стало известно, что в бою за Чхончжин едва не погиб командир 393-й стрелковой дивизии полковник Ф. А. Исаков. Во время одной из контратак японцы прорвались к его наблюдательному пункту. Только благодаря мужественным действиям разведывательной роты удалось пробиться и выйти из-под обстрела. В этой схватке отличились командир отделения разведки Петр Рябоштанов, уничтоживший в штыковом бою двух японцев, и разведчик Павел Кулагин, который огнем из автомата сразил трех японских солдат и принудил контратакующего противника залечь. Оба эти разведчика награждены орденом Красной Звезды.

Командир отделения 1-й роты 621-го стрелкового полка Д. И. Балашов из автомата уничтожил трех японских солдат и обратил в бегство контратакующую группу. Он и командир отделения 1-го батальона И. А. Кириллов за то, что огнем из автомата подавили две огневые точки противника и отразили две контратакующие группы, а также снайпер этого же полка А. А. Козлов, уничтоживший наблюдателя и пулеметный расчет, награждены орденом Славы.

Мужественно действовали медицинские работники. Фельдшер 2-го стрелкового батальона 505-го стрелкового полка лейтенант медицинской службы П. С. Самардак совместно с санитарами перевязывал и выносил на себе с поля боя раненых солдат и офицеров. Даже получив ранение, он продолжал оказывать воинам медицинскую помощь. За проявленную храбрость и самоотверженность П. С. Самардак награжден орденом Красной Звезды.

Героически действовали и наши девушки — медицинские работники. Медалью «За боевые заслуги» были награждены санинструктор санитарной роты 621-го стрелкового полка сержант А. В. Гареева, которая под сильным огнем противника вынесла с поля боя трех раненых, санинструктор роты автоматчиков 62-го стрелкового полка старший сержант Э. И. Корэ, вынесшая с поля боя четырех

тяжело раненных солдат. Санинструктор А. И. Сафяникова под сильным огнем вынесла четырех раненых и спасла им жизнь.

Медалью «За отвагу» были награждены медицинская сестра операционно-перевязочного взвода 351-го медико-санитарного батальона 393-й стрелковой дивизии старший сержант А. И. Прокудина за самоотверженную работу при оперировании раненых во время боев за Нанам, санинструктор 519-го артполка старший сержант А. И. Черкашина, которая в боях за Нанам вынесла двух раненых с поля боя.

После овладения Чхончжином и Нанамом (Ранамом) войска армии, выполняя приказ командующего фронтом, быстро продвигались вдоль побережья на юг, чтобы выйти на 38-ю параллель и разоружить японские войска в Корее.

21 августа был высажен морской десант в Гензане (Вонсане). Советские войска в ожесточенных боях с японскими колонизаторами освободили и этот город Северной Кореи.

После освобождения Яньцзы штаб и политотдел армии переместились в этот город, где раньше находился штаб японской 3-й армии. Были приняты все меры для установления связи с частями. Разоружались японские гарнизоны, принимались под охрану многочисленные склады Квантунской армии, а также горы трофейного оружия. Из частей стали возвращаться работники политотдела, чтобы доложить о проделанной работе.

Завершив активные боевые действия на территории Маньчжурии, войска трех фронтов после 20 августа продолжали выход в намеченные районы. К концу августа вся территория Маньчжурии была полностью освобождена от японских захватчиков. Советские комендатуры в городах и важных населенных пунктах оказывали помощь создаваемым народным комитетам в восстановлении нормальной жизни в городах и селах, в организации производства, уборке урожая и обеспечении населения продовольствием. Комендатуры являлись первыми представителями военной и гражданской власти в освобожденных районах.

Находясь в Яньцзы 24 августа, мы получили тревожное сообщение о положении раненых в городе Тумыни. Утром 25 августа вместе с начальником медслужбы армии полковником медицинской службы И. С. Трофимовым на автомашине выехали в Тумынь по левому берегу реки Тумыньцзян. В горах шла стрельба. Бойцы передовых отрядов продолжали уничтожать мелкие группы японцев. Мост через

И. М. Чистяков

Н. Г. Лебедев

В. А. Зотов

П. А. Ключеров

Н. С. Ермилов

И. С. Колесов

Г. Е. Попов

А. Я. Фирсов

И. С. Фурсов и А. А. Романенко

М. О. Каневский

А. А. Полудницын

А. Г. Громов с комсомольскими работниками 25-й армии

В. М. Корнеев

Б. И. Сереженкин

В. В. Володко

Командующий войсками Таврического военного округа генерал-полковник М. М. Попов и начальник политуправления округа полковник А. Г. Громов с комсомольскими работниками

М. И. Анисимов

П. Ф. Николаев

И. В. Березюк

Н. П. Гуцев

А. М. Никитин

В. И. Чуйков

П. К. Кошевой

И. И. Якубовский

И. А. Герасимов

Н. М. Александров

В. Я. Головкин

А. А. Епишев, И. С. Медников и А. Г. Громов (слева направо)

С. П. Иванов

В. М. Крамар

В. П. Соловьев

А. М. Авдеев

А. Ф. Черкасов

А. Г. Громов во время встречи с пионерами

реку был взорван. На лодке переправились на правый берег. На улицах Тумыни бродило много японских солдат без оружия. В центре города находился батальон 231-го стрелкового полка, который принимал оружие от войск японского гарнизона. Мы предложили командиру батальона повысить бдительность, быстрее собрать японских солдат в отведенное место и установить надлежащую охрану. Вместе с командиром батальона и его заместителем по политической части осмотрели раненых в госпитале и приняли меры к улучшению их размещения. Затем на лошадях вброд переправились через широкую реку и вечером возвратились в Яньцзы.

За время боевых действий на территории Маньчжурии войска армии прошли от 260 до 300 километров. Штаб армии и управления сменили пять командных пунктов. Можно представить себе, сколько труда потребовалось нашим связистам, чтобы обеспечить устойчивую телефонную и телеграфную связь с корпусами, дивизиями, тыловыми учреждениями и частями. За образцовое выполнение заданий командования многие солдаты, сержанты и офицеры 54-го отдельного полка связи были награждены орденами и медалями.

Выполняя основную задачу по обеспечению бесперебойной связи, воины полка при необходимости смело брались за оружие и вступали в бой с противником. Вот один из примеров. Колонна в составе девяти специальных машин и одной бронемашины следовала по дороге из Ляохэйшаня в Кинган. Ночь выдалась темная. Узкая дорога вилась среди сопок. Колонну вел помощник командира полка по технической части капитан А. П. Сарычев. За рулем находился опытный водитель ефрейтор Митин.

В 15 километрах от Кингана дорога стала еще хуже. Этот участок и выбрали для нападения на колонну японские смертники. В головную машину они бросили гранату, а затем еще несколько гранат разорвалось за головной машиной. С сопок застрочили два японских пулемета, раздались винтовочные выстрелы. Личный состав колонны по команде капитана Сарычева быстро спешился и открыл ответный огонь. В разгоревшемся бою связисты разгромили группу. Мужество проявили и наши девушки. Одна из них, Вера Коваленко, была убита осколком гранаты. На ее могиле в Кингане воины поклялись отомстить за смерть боевой подруги. Сержант В. И. Коваленко посмертно награждена орденом Отечественной войны II степени.

Выполняя освободительную миссию и интернациональ-

ный долг, советские войска шаг за шагом освобождали Корею. Чтобы ускорить этот процесс, 24 августа были высажены воздушные десанты от 384-й стрелковой дивизии в Канко (Хапхын) и Хэйдзио (Пхеньян). Подразделения советских войск начали принимать капитуляцию японских войск этих гарнизонов.

Соединения и части 25-й армии продвигались на юг, разоружая японские войска, жандармерию и полицию. К концу августа вся Северная Корея до 38-й параллели была освобождена.

Думаю, настало время подвести некоторые итоги боевых действий армии.

Бывший начальник политического управления 1-го Дальневосточного фронта генерал-лейтенант Константин Федорович Калашников о 25-й армии пишет:

«Армия справилась... с задачами, чему способствовала правильно поставленная партийно-политическая работа, организаторами которой были опытные политработники, не один год прослужившие на Дальнем Востоке и хорошо знавшие свои войска... Политический отдел армии был укомплектован энергичными и знающими офицерами, превосходными организаторами»[1].

Дорогой ценой досталась нам победа над японским милитаризмом. За время боев армия потеряла свыше 4700 человек, из которых около 1500 убитыми. Потери понесли также части и соединения морской пехоты, летный состав и экипажи кораблей Тихоокеанского флота[2].

2 сентября 1945 года в Токийской бухте на линкоре «Миссури» состоялось подписание странами-победительницами акта о безоговорочной капитуляции Японии. Завершилась Великая Отечественная и вторая мировая война.

Помню, как позже в политотделе те работники, которые следовали в боевых порядках соединений и частей, рассказывали, с каким ликованием советские воины отмечали каждый успешный шаг в борьбе с японцами. Особенно при взятии крупных городов и морских портов в Корее. Во всех трудных, ожесточенных сражениях воинов не покидали оптимизм, уверенность в скорой победе. Большинство солдат вспоминали песню гражданской войны и даже в период боевого накала с радостью за успех и с ненавистью к японским захватчикам напевали:

И на Тихом океане
Свой закончили поход!

---

[1] Калашников К. Ф. Право вести за собой. М., 1981, с. 216.
[2] См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 11, с. 282.

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

Свыше 35 лет томился корейский народ под гнетом японского милитаризма. Положение его было очень тяжелым. Народное хозяйство развивалось однобоко. Японцы превратили Корею в свою продовольственную и сырьевую базу. Во всех сферах деятельности ведущие места занимали японские специалисты. Трудящиеся корейцы влачили жалкое существование. Неграмотность, забитость, болезни, высокая смертность, особенно среди детей, — вот что принесли сюда японцы.

И вот наконец для населения Северной Кореи пришло избавление. В результате сокрушительного разгрома Красной Армией японской Квантунской армии народы Северо-Восточного Китая, Северной Кореи навсегда приобрели свободу, избавились от гнета и уничтожения. 15 августа 1945 года было официально объявлено о капитуляции японской армии. Этот день стал для Кореи национальным праздником — Днем освобождения.

Красная Армия пришла в Северную Корею как освободительница, друг и союзник корейского народа. Штаб и политотдел нашего гарнизона разместились в Пхеньяне. Этот второй по величине город Кореи, один из древнейших в мире, уже в те времена являлся крупнейшим экономическим и культурным центром северной части страны. Пхеньян, расположенный у подножия горы Моранбон — красивой и величественной, стал центром революционной борьбы не только Северной, но и всей Кореи.

Днем 28 августа я прибыл в Пхеньян. Вечером И. М. Чистяков, прилетевший на два дня раньше, рассказал об условиях капитуляции, предъявленных начальнику японского гарнизона, о встрече с представителями только что созданного народного комитета Пхёнан-Намдо, которые высказали немало просьб по неотложным вопросам устройства мирной жизни. Перед нами встало много сложных задач, требующих незамедлительного решения.

И. М. Чистяков поручил своему заместителю генералу П. Ф. Лагутину заняться непосредственно войсками, а генералу И. С. Фурсову — учетом и организацией хранения вооружения и всего трофейного имущества. Вместе с начальником тыла генералом В. С. Черенковым они провели учет всех складов, особенно продовольственных.

Распределяя обязанности командования в условиях перехода от военных действий к мирной жизни, Иван Михайлович сказал:

— Подумайте о расквартировании наших войск на зиму, а также о том, как быть с женами и детьми японских офицеров, которых в Северной Корее не одна тысяча.

Лично И. М. Чистяков со штабом занялся вопросами приема капитуляции японских войск, размещения пленных и организации службы на 38-й параллели. Должен отметить, что к тому времени американские войска еще не высадились в Южной Корее, поэтому японские части могли свободно эвакуироваться морем в Японию. И. М. Чистяков принял решение выделить усиленные отряды, перейти 38-ю параллель и разоружить отступающие части 17-го фронта японской армии. Командующий 1-м Дальневосточным фронтом маршал К. А. Мерецков дал согласие на эту операцию.

С генералом Н. Г. Лебедевым мы уточнили задачи политотдела, обратив главное внимание на постановку партийно-политической работы среди личного состава в новых условиях и работу среди местного корейского населения по разъяснению нашей освободительной миссии, а также по оказанию прогрессивным патриотическим силам помощи в решении важных вопросов послевоенного устройства.

29 августа Н. Г. Лебедев принял представителей народного комитета и беседовал с ними о необходимости как можно быстрее наладить нормальную жизнь в городе, возобновить работу промышленных предприятий и торговли. На беседе присутствовала видная общественная и политическая деятельница Кореи Пак Дэнай. В годы японского господства она работала в подполье, не один раз попадала в тюрьмы. Пак Дэнай хорошо знала русский язык и оказала большую помощь переводчикам в беседе.

Странно вел себя на этой беседе председатель народного комитета Пхёнан-Намдо Чо Мансик. Он сидел в кресле неподвижно, с закрытыми глазами. Лишь изредка молча, еле заметно, кивком головы проявлял согласие или покачиванием направо-налево отвергал предложенное. Позже нам стало известно, что Чо Мансик был реакционером, в условиях военного времени сумевшим пробраться к власти.

Николай Георгиевич Лебедев, обобщая содержание беседы, в заключение сказал:

— Японское господство уничтожено навсегда, и корейский народ может спокойно строить новую жизнь.

С передовыми частями группы генерала Г. И. Шанина в Пхеньян прибыл заместитель начальника политотдела полковник М. О. Каневский. Мы с ним поселились в одной комнате и, как говорят, в домашней обстановке ежедневно обменивались мнениями по всем неотложным вопросам.

А честно говоря, трудно было разделить, где начиналась и где кончалась служебная обстановка, да и была ли вообще домашняя? Жизнь и в Пхеньяне носила напряженный характер.

По моему поручению Михаил Осипович занялся подбором помещений для политотдела и Дома офицеров. На его плечи легла забота о приеме многочисленных делегаций и ходоков корейского населения.

Произошли изменения в руководстве политпропаганды. Начальник отделения майор А. Вигалок, прекрасно владевший китайским языком, остался в Маньчжурии. На его место прибыл майор Н. И. Ковыженко — отличный политработник, хорошо владеющий японским языком. Под его руководством все отделение переключилось на работу с местным корейским населением.

Перед политотделом встала задача обеспечить четкое руководство партийно-политической работой в частях и соединениях, дислоцирующихся в Северной Корее. Эту важную, ответственную работу требовалось провести оперативно.

Обеспечивая многогранные вопросы налаживания связи с местными органами управления корейского населения, оказывая им повседневную помощь советом и практически, политический отдел главное внимание уделял работе среди личного состава, задачи которого коренным образом изменились после окончания войны.

Работники политического отдела, в том числе и я, постоянно находились в войсках. В один из дней вместе с подполковником Н. С. Ермиловым и другими товарищами выехали в части, вышедшие на 38-ю параллель, ставшую разграничительной зоной между Северной и Южной Кореей. Мы обратили внимание командиров, политработников и бойцов на необходимость повышения политической бдительности, соблюдения строгой дисциплины в несении службы, подтвердили указание ни под каким предлогом и ни при каких обстоятельствах не переходить через параллель на юг, хотя в этот период еще не было каких-либо разграничительных знаков, их установили позже. И установленный порядок неукоснительно соблюдался.

По возвращении из поездки мы обсудили в политотделе результаты проверки, выработали рекомендации по партийно-политической работе в частях, несущих службу на 38-й параллели. Учитывая, что перед частями здесь не было наших пограничников, акцентировали внимание на изучении и применении опыта пограничников по охране государст-

военной границы. О результатах поездки на 38-ю параллель и мероприятиях политотдела я доложил И. М. Чистякову и Н. Г. Лебедеву.

Повседневная практическая жизнь в освобожденной Северной Корее выдвигала много новых задач, важнейшей из которых для политического отдела и всех его работников стала работа с местным населением. Признаюсь откровенно, что в этом деле все мы столкнулись с серьезными трудностями.

Коренным вопросом революционного преобразования общества, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, является вопрос о политической власти. В Северной Корее этот вопрос решался в условиях победоносного разгрома японской армии советскими войсками. Аппарат колониального угнетения японцев был разрушен. Встала задача установления власти самого корейского народа. Корейская национальная буржуазия, скомпрометировавшая себя в глазах народа связями с японским империализмом, не могла претендовать на политическую власть в Северной Корее. Это значительно облегчило борьбу трудящихся во главе с рабочим классом за установление народной власти в форме народных комитетов, которые создавались революционным творчеством народных масс. На первом этапе народные комитеты являлись органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и трудового крестьянства.

Сложность революционной борьбы состояла в том, что в результате жесточайших репрессий со стороны японских колонизаторов Коммунистическая партия Кореи еще в 1928 году распалась на отдельные группы. Многие коммунисты находились в тюрьмах, продолжали борьбу в глубоком подполье, в партизанских отрядах в Маньчжурии и Корее.

В своей деятельности народные комитеты находили полную поддержку у советского командования. При активном участии политотдела был подготовлен приказ командующего армией генерал-полковника И. М. Чистякова, который мы обнародовали в первые дни вступления армии в Северную Корею. В нем четко и ясно излагались цели Красной Армии и наше отношение к корейскому народу.

В приказе говорилось:

«Красная Армия вступила в Северную Корею с целью разгрома японских захватчиков. Она не преследует цели введения своих порядков в Корее и приобретения корейской территории. Частная и общественная собственность в Северной Корее находится под защитой советских военных

властей. Советское командование разрешило на территории Северной Кореи образование и деятельность всех антияпонских демократических партий, ставящих своей целью окончательное искоренение остатков японского империализма и укрепление начал демократических и гражданских свобод»[1].

В сентябре в Пхеньян с большой группой партизан прибыл Ким Ир Сен. Он внимательно изучил положение в Северной Корее, установил деловую связь с политотделом.

10 октября 1945 года в Пхеньяне было создано оргбюро Коммунистической партии Северной Кореи во главе с Ким Ир Сеном. Эта дата стала днем рождения Коммунистической партии Северной Кореи. 14 октября в Пхеньяне состоялся стотысячный митинг, посвященный освобождению страны от японских захватчиков и началу строительства новой, демократической Кореи.

«В самые мрачные годы японского господства, — говорил тогда на митинге Ким Ир Сен, — мы с надеждой обращали свои взоры на страну социализма, и эта надежда сбылась. В августе 1945 года могущественная Красная Армия разгромила Квантунскую армию и освободила Корею. Мы в столетиях сохраним благодарность Советскому Союзу — нашему освободителю»[2].

Влияние Коммунистической партии быстро росло. Под ее руководством стали создаваться массовые демократические организации: профессиональные союзы, крестьянский союз, демократический союз молодежи, демократический женский союз и другие.

Надо отметить, что в Северной Корее создавались и другие политические партии.

Каждая партия и общественная организация вырабатывали программу своей деятельности, но всех их объединяло общее желание видеть свой народ свободным и счастливым.

Вместе с корейскими товарищами большую политическую работу проводили подполковник Н. И. Ковыженко, капитан В. Пак и другие, хорошо знавшие японский и корейский языки. Населению Северной Кореи разъясняли цели освободительной миссии Советской Армии, рассказывали об успехах первой страны социализма — СССР, о жизни трудящихся нашей Советской страны.

При активном участии наших товарищей проходила организация различных курсов, Центральной школы Времен-

---

[1] ЦАМО, ф. 334, оп. 3213, д. 324, л. 163.
[2] Новая Корея, 1950, № 1, с. 17.

ного народного комитета Северной Кореи с трехмесячным сроком обучения. Основным предметом изучения в школе был опыт политического руководства массами.

Политотдел создал девятимесячные курсы, на которых 200 наших воинов обучались корейскому языку.

Под руководством политотдела издавалась ежедневная газета «Советская Армия» на корейском языке.

Ее редактировал подполковник П. А. Будыкин. На страницах газеты в доходчивой, популярной форме освещались социально-политические преобразования в Северной Корее, работа народных комитетов, Коммунистической партии и вновь созданных других партий и общественных организаций. Публиковались очерки о патриотах, боровшихся против японских угнетателей в подполье, партизанских отрядах, о людях, активно участвующих в возрождении новой Кореи.

Необходимо отметить также, что активную помощь нам оказывали многие патриоты, и прежде всего видная общественная и политическая деятельница Пак Дэнай. Важнейшие мероприятия по переустройству жизни корейского народа, оценка политических качеств тех или иных корейских работников проводились при ее непосредственном участии.

В первые же дни работы в Северной Корее возникли многие проблемы, сложные и необычные, и решать их надо было, не откладывая ни на один день. Так, во время военных действий из Маньчжурии в Северную Корею выехало много японских гражданских лиц. Они оказались главным образом в Пхеньяне и других крупных городах. Здесь же остались семьи японских офицеров, взятых нами в лагеря военнопленных. Руководствуясь гуманными целями, в Пхеньяне и других городах мы подобрали для японских женщин и детей удобные для жилья помещения, выделили продовольствие и организовали медицинское обслуживание. Впоследствии всех, изъявивших желание, отправили в Японию.

Постоянно обращались к нам за советом и помощью народные комитеты. Во всей их многообразной деятельности возникало немало неясных вопросов. Кроме того, на волне революционных событий в народные комитеты наряду с истинными патриотами проникли реакционные элементы, тормозившие дело демократического обновления Северной Кореи. Работники политотдела с большим вниманием относились к каждой просьбе корейских товарищей и всемерно помогали им.

Корейский народ с благодарностью принял эту помощь.

«В истории человечества, — писал председатель общества культурных связей Кореи с Советским Союзом известный писатель Ли Ги Ен, — не было еще случая, чтобы воины строили дома, заводы, шахты и домны, чтобы они не разрушали, а создавали» [1].

Отмечая заслуги советских войск в воспитательной работе, товарищ Ким Ир Сен в первую годовщину Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР писал: «Великая Советская Армия, находившаяся в северной части республики, протянула корейскому народу руку бескорыстной помощи в деле восстановления заводских предприятий, железнодорожного транспорта, рудников и шахт. Бойцы и командиры Советской Армии во всех уголках северной части республики с энтузиазмом трудились рядом с нашими рабочими и специалистами и оставили нам ценные плоды своего самоотверженного труда» [2].

В ноябре 1945 года в Северной Корее были образованы первые органы управления хозяйством: департаменты промышленности, транспорта, связи, земли и леса, финансов, торговли, просвещения, здравоохранения и милиции. Консультантами в департаменты приглашались советские специалисты.

Большие трудности испытывали корейские товарищи в связи с отсутствием национальных кадров. Так, например, совершенно прекратилось движение на многих участках железных дорог. Пришлось направить советских военнослужащих и железнодорожников, чтобы обеспечить работу железнодорожного транспорта.

Всемерное содействие местным народным комитетам в налаживании нормальной хозяйственной и культурной жизни оказывали советники провинций, представлявшие советское военное командование, а также комендатуры провинций и уездов, созданные сразу же после освобождения Северной Кореи.

В декабре 1945 года в Москве состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, которое обсудило ряд актуальных проблем послевоенного времени, в том числе и корейский вопрос.

Советский Союз выдвинул проект, который предусмат-

---

[1] Новая Корея, 1950, № 1, с. 47.

[2] Минджу Чосон (Демократическая Корея), 1950, 17 марта (на корейском яз.)

ривал в качестве неотложной задачи образование общекорейского Временного демократического правительства для восстановления Кореи как независимого государства. Предлагалась всесторонняя помощь корейскому народу, его демократическим силам в создании единого, централизованного правительства. Совещание приняло соглашение, которым предусматривалось образование советско-американской комиссии. Ей поручалось разработать с участием общекорейского Временного демократического правительства и корейских демократических организаций меры помощи и содействия политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости страны.

Решение Московского совещания по корейскому вопросу было воспринято в Северной Корее демократическими партиями и общественными организациями с большим удовлетворением. Коммунистическая партия Северной Кореи выдвинула своей первоочередной задачей создание централизованного органа власти в Северной Корее. Однако против решения Московского совещания выступил председатель народного комитета провинции Пхёнан-Намдо (Пхеньян) Чо Мансик и его сторонники, в ходе развернувшихся событий оставшиеся в незначительном меньшинстве.

Необходимо подчеркнуть, что на первом этапе революции, борясь за решение антиимпериалистических, антифеодальных, общедемократических задач, Коммунистическая партия большое внимание уделяла образованию единого фронта всех патриотических сил, включая мелкую национальную буржуазию. К концу 1945 года такой фронт был создан, а в июле 1946 года он организационно оформился в Единый демократический национальный фронт (ЕДНФ) во главе с Коммунистической партией — боевым вождем демократических сил страны.

«В ЕДНФ помимо Коммунистической партии Кореи вошли: Новая народная партия, Демократическая партия, партия молодых друзей (Чхонудан), Народно-республиканская партия, а также 12 массовых общественных организаций — Крестьянский союз, Демократический союз женщин, Демократический союз молодежи, Ассоциация работников литературы и искусства и другие. Программа ЕДНФ, горячо поддержанная населением всей Кореи, провозглашала в качестве одной из важнейших ее задач укрепление и развитие дружбы корейского народа с Советским Союзом,

К концу 1946 года ЕДНФ объединял около 5 млн. человек»[1].

Общественно-политическая жизнь в Северной Корее развивалась бурно. В феврале 1946 года при активном участии всех политических партий, при ведущей роли Коммунистической партии, представителей общественных организаций и народных комитетов был создан Временный народный комитет Северной Кореи — высший орган государственной власти во главе с председателем Ким Ир Сеном. Это означало государственно-правовое оформление и закрепление единой системы органов народной власти.

Постепенно жизнь населения Северной Кореи входила в нормальное русло. В северной, более промышленной части страны заработали предприятия, стал нормально функционировать железнодорожный транспорт, открылись школы и больницы, появились афиши о культурных мероприятиях.

Первым шагом своей деятельности Временный народный комитет определил решение аграрного вопроса. Своеобразием хозяйства Кореи было ее сельскохозяйственное направление. Из 30 миллионов человек населения Кореи 80 процентов составляли крестьяне, вечной мечтой которых была земля, находившаяся в руках японских и корейских владельцев.

Временный народный комитет Северной Кореи при активном участии советских специалистов подготовил для обсуждения проект Закона о земле. Враждебные элементы широко развернули антинародную пропаганду против принятия этого закона, выдвигая требование передать землю крестьянам за выкуп, который должен составить «два урожая». В условиях разгоревшейся острой дискуссионной борьбы наши политработники, которые в простой и доступной крестьянам форме рассказывали об опыте решения вопроса о земле в Советском Союзе, убедительно раскрывали преимущества кооперативной формы обработки земли с большой выгодой для крестьян и государства.

В феврале 1946 года в Пхеньяне свободно собрался съезд крестьянских депутатов для обсуждения вопроса о земле. Крестьяне приезжали на съезд в приподнятом духе, нарядно одетые, вместе с тем важные и сосредоточенные. Еще бы, им было доверено решать крестьянскую судьбу!

После всестороннего обсуждения проект Закона о земле был одобрен съездом. Земля закреплялась за теми, кто ее

---

[1] Освобождение Кореи. М., 1976, с. 309.

обрабатывал, без права передачи другим лицам или сдачи в аренду. Ирригационная система для полива рисовых полей и большие сады оставались в ведении народных комитетов.

Враги корейского народа не сложили оружия. Пребывая в лютой злобе на демократические преобразования в Северной Корее, они продолжали запугивать крестьян, расправлялись с активистами, дошли до прямого террора против народной власти.

Навсегда запомнил я 1 марта 1946 года. В этот день в Пхеньян съехались крестьяне, рабочие, домохозяйки и дети со всей страны. Состоялась многотысячная демонстрация, посвященная всенародному восстанию 1 марта 1919 года и поддержке народной власти в Северной Корее.

Во время демонстрации из колонны кто-то бросил гранату. Стоявший около трибуны младший лейтенант Я. Т. Новиченко, увидев ее, поймал на лету, а поскольку кругом находились люди и ее нельзя было отбросить, прижал к себе. Раздался взрыв. Новиченко оторвало правую руку и кисть левой руки, сильно ранило лицо и грудь. Дорогой ценой заплатил Новиченко за спасение людей. Ни на трибуне, ни возле нее никто не пострадал.

Не могу не сказать несколько слов о герое. Яков Тихонович Новиченко родился в 1914 году в селе Травное Доволенского района Новосибирской области. Долго пролежал в госпитале. К нему приходили тысячи людей, чтобы передать свою благодарность и выразить признательность за смелость и мужество. За этот подвиг Указом Президиума Народного собрания КНДР Я. Т. Новиченко награжден орденом Государственного Знамени. Ему присвоено звание Героя Труда КНДР и вручена золотая медаль «Серп и молот».

5 марта 1946 года Временный народный комитет Северной Кореи принял Закон о земельной реформе.

Закон раскрепостил крестьян, уничтожил помещичье землевладение. Свыше 724 тысяч батраков, безземельных и малоземельных крестьян получили землю. Аграрная реформа активизировала крестьянство. Особое значение имели многочисленные крестьянские комитеты. В их состав вошли безземельные и малоземельные крестьяне, представители рабочих. Коммунисты были душой, главной организующей силой комитетов.

Вторым крупным социальным преобразованием в Северной Корее явилась национализация ключевых отраслей на-

родного хозяйства. 10 августа 1946 года Временный народный комитет принял Закон о национализации всей бывшей японской промышленности, железнодорожного и водного транспорта, средств связи и банков, а также о конфискации и национализации предприятий, принадлежавших предателям корейского народа. Основные материальные богатства страны стали достоянием народа.

В июле 1946 года Законом о труде был установлен 8-часовой рабочий день, введены социальное страхование и охрана труда рабочих и служащих.

В июле 1946 года впервые в истории стран Азии был принят исключительной исторической важности Закон о равноправии женщин. Хотел бы обратить внимание читателя, что подготовить основные положения этого закона представляло большую трудность. Надо было хорошо знать историю развития, нравы и обычаи в отношении женщин в Стране утренней свежести. А традиции этой страны устанавливали: муж — властелин, господин, жена — рабыня, немая, беспрекословная исполнительница воли своего повелителя.

Учитывая эти особенности национального права и быта, необходимо было составить закон так, чтобы он полностью освобождал женщин от домашнего и семейного рабства, помог им активно включиться в общественно-политическую жизнь общества. В этом вопросе уже известная нам Пак Дэнай оказалась на высоте положения. Исходя из опыта решения женского вопроса в нашей стране, при помощи агитатора политотдела Александры Павловны Базановой она справилась с поставленной перед ней задачей. Женщины Северной Кореи получили равные права с мужчинами во всех сферах общественно-политической, экономической и культурной деятельности.

Народная власть осуществила реформу народного образования. В результате к концу 1946 года число учебных заведений увеличилось вчетверо. В Пхеньяне был открыт университет, на восьми факультетах которого началось обучение корейских граждан.

Быстрая демократизация всех сторон социально-экономической жизни страны поставила перед Коммунистической партией неотложную задачу дальнейшего укрепления союза рабочего класса с крестьянством, превращения партии в более массовую организацию трудящихся. Путь решения этой задачи лежал через объединение с Новой народной партией. В августе 1946 года Коммунистическая партия и Новая народная партия Северной Кореи объединились на

основе идеологических и организационных принципов марксизма-ленинизма и стали именоваться Трудовой партией.

В ноябре 1946 года состоялись первые всенародные выборы в сельские, городские, уездные и провинциальные (областные) народные комитеты Северной Кореи. Помню, как трудно было корейским товарищам первый раз проводить такую сложную и большую по объему работы политическую кампанию. Не было не только опыта, но и достаточной документации. Наши политработники, военные комендатуры и политические советники оказывали большую помощь народным комитетам.

Выборы прошли везде при исключительно высокой активности избирателей, организованно, на высоком идейно-политическом уровне. Абсолютное большинство кандидатов в народные комитеты были избраны при высоком проценте поданных за них голосов. Выборы убедительно продемонстрировали силу и нерушимость блока всех демократических политических партий и общественных организаций Северной Кореи.

На 1-м съезде народных комитетов нового состава в феврале 1947 года был избран высший орган законодательной власти Северной Кореи — Народное собрание, которое на своей первой сессии сформировало Народный комитет под председательством Ким Ир Сена. Сессия наделила Народный комитет функциями «высшего исполнительного органа народной власти Северной Кореи — Временного демократического правительства»[1].

Таким образом, к началу 1947 года в Северной Корее усилиями народной власти были в основном решены общедемократические задачи революции, приняты важные меры по созданию государственного аппарата, отражающего волю трудового народа, упрочению демократических основ народной власти. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства постепенно превращалась в социалистическую диктатуру пролетариата и крестьянства, основной задачей которой стало создание фундамента социалистического способа производства. В дальнейшем, в мае 1948 года, в результате всеобщих выборов был создан высший законодательный орган — Верховное народное собрание Кореи, 1-я сессия которого провозгласила создание Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и приняла первую в истории Кореи конституцию.

---

[1] Освобождение Кореи, с. 308.

Создание народно-демократического государства на территории Кореи — один из наиболее показательных итогов освободительной миссии Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке.

Решение главных вопросов социально-экономической и политической жизни корейского народа не давало оснований для успокоения. Еще было немало острых проблем, которые требовали их неотложного решения. Нас и корейских товарищей беспокоило антисанитарное состояние городов и населенных пунктов сельской местности.

Можно понять, с какой тревогой за состоянием здоровья наших воинов и корейских граждан следили медики во главе с полковником медслужбы И. С. Трофимовым. На первом плане была профилактическая работа по предупреждению заболеваний, оказание неотложной и действенной помощи больным. С этой целью в Северной Корее было создано 18 больниц, укомплектованных советскими медицинскими кадрами и оснащенных советским оборудованием, в которых лечили корейских граждан. В дальнейшем больницы вместе с оборудованием были переданы в дар корейскому народу. До сих пор помню, сколько энтузиазма, сил и энергии отдали наши медицинские работники для оказания помощи корейскому населению в профилактике и лечении инфекционных заболеваний.

Военный совет, политотдел войск, командиры и политработники частей очень многое сделали для корейских друзей. В то же время мы ни на минуту не ослабляли внимания к своим армейским делам. После поездки в части, несущие службу на 38-й параллели, мы продолжали работу в других гарнизонах. В октябре вместе с генералом А. А. Романенко и другими товарищами выехали в город Синыйчжу, на границу с Маньчжурией. Там проверили устройство частей, работу партийных организаций, а также аппарата советника и комендатуры, установили связь с народным комитетом провинций. Побывали на самой крупной гидроэлектростанции на реке Ялуцзян. На обратном пути в Пхеньян провели многочисленные встречи с корейцами и ответили на их вопросы.

В условиях всенародного подъема советские воины вместе с корейским населением отметили 28-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

После празднования я вылетел в политическое управление, где доложил генерал-лейтенанту К. Ф. Калашникову и его заместителю генерал-майору М. М. Вавилову о положении дел. Через день поездом выехал в Краскино, а от-

туда на машине доехал до корейского города Хайрен. Далее мой путь лежал по побережью Японского моря до Хамхына. Во время поездки я познакомился с жизнью и бытом корейского населения и природой страны.

В городе Нанам я ознакомился с размещением частей, с их жизнью, бытом, учебой и проводимой работой среди корейского населения. Ежедневно командиры и политработники выступали перед разными социальными группами корейцев, разъясняли благородные цели освободительной миссии Красной Армии, международное положение, рассказывали о Советском Союзе, его экономическом и социальном строе. Среди корейцев нашлись переводчики, которые работали с большим прилежанием и интересом. Местные партийно-политические работники с помощью переводчиков готовили на корейском языке плакаты-транспаранты и вывешивали их на видных местах. Распространяли листовки на корейском языке, изготовленные политическим управлением фронта. Особенно много корейцев приходило смотреть наши кинофильмы и выступления красноармейской художественной самодеятельности.

Не оставались в долгу перед воинами и корейские друзья. В городе Нанам работала небольшая труппа артистов, которые давали концерты для наших воинов. Нередко проходили совместные концерты. Часто можно было слышать на сцене песни «Катюша» и «Широка страна моя родная» в исполнении корейских артистов, а советские солдаты исполняли «Ариран» (песня о Корее) и другие песни, которые они выучили с помощью корейских товарищей. Это были подлинные вечера дружбы советских воинов и корейцев. Так в совместной работе налаживалась новая жизнь, крепло наше сотрудничество.

После Нанама направились в Хамхын. На пути от Чхончжина до Хамхына было 40 перевалов. Особенно запомнился перевал Мачхоллён, который дал ясное представление о тех огромных трудностях, что преодолели наши воины во время боевых действий. Представьте себе дорогу, выбитую в белых скалах и вьющуюся спиралью. Слева — дикие стены гор, справа — обрывы до 600 метров глубиной. Облака, что раньше, до перевала, клубились над нами, теперь плыли внизу, похожие на клочья белоснежной ваты. Мотор натужно выл. У шофера от волнения выступили на лбу капельки пота. С трудом поднялись мы на самую высокую точку перевала, прозванную «Хребтом лошади», и замерли, завороженные. С одной стороны далеко простирались долины, с другой — голубело море. Зрелище прекрас-

ное! Не менее сложно было преодолеть тяжелый и опасный спуск.

В Хамхыне встретился с давними своими знакомыми — генерал-майором А. М. Морозовым и полковником А. Д. Тартиным. В это время началось расформирование находившихся в Хамхыне частей. Я передал рекомендацию командующего, как лучше провести расформирование и проводы воинов, выступил перед солдатами и офицерами и поблагодарил их за верную службу.

Работа в частях была поучительной и полезной. С ее итогами подробно ознакомил всех работников политотдела и командующего.

В феврале 1946 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. По нашим избирательным округам в Совет Союза избирался член Военного совета Приморского военного округа Терентий Фомич Штыков, в Совет Национальностей — Герой Советского Союза генерал-полковник Иван Михайлович Чистяков.

Политотдел войск, политорганы соединений и политработники проводили в период подготовки к выборам большую партийно-политическую работу. Вместе с И. М. Чистяковым мы облетели на самолете и объездили на автомашинах многие гарнизоны, где состоялись встречи с воинами-избирателями. Во всех избирательных участках выборы прошли на высоком идейно-политическом уровне, организованно и торжественно, при высокой активности избирателей.

В апреле 1946 года мне посчастливилось побывать в Порт-Артуре — городе-крепости русской славы. Политуправление округа проводило там совещание начальников политотделов. На самолетах Ли-2 прибыли в город Дальний. Машинами добрались до Порт-Артура. Осмотрели исторические места и достопримечательности, связанные с обороной города-крепости во время русско-японской войны 1904—1905 годов, побывали на знаменитом Электрическом утесе, на фортах, а затем в городе Дальнем и его морском порту. Впечатление осталось незабываемое.

С содержательным докладом «Об организации партийно-политической работы в новых условиях» на совещании выступил начальник политуправления Приморского округа генерал-лейтенант К. Ф. Калашников.

В докладе и при его обсуждении обстоятельно говорилось о содержании, формах и методах партийно-политической работы с личным составом частей и соединений, находящихся за рубежом, об укреплении дружбы с корейским

населением и оказании практической помощи местным органам власти.

В конце февраля 1946 года в Пхеньян прибыл член Военного совета Приморского военного округа генерал-полковник Терентий Фомич Штыков. Опытный партийный работник, он пришел в армию из Ленинграда, где был секретарем обкома партии. В годы Великой Отечественной войны — член Военного совета Волховского, Карельского, а затем и 1-го Дальневосточного фронтов. Это был исключительно скромный, кристально честный, внимательный и душевный человек. Он постоянно интересовался нашими делами, помогал и советами, и в подборе кадров, всегда внимательно выслушивал мнение товарищей. Генерал Штыков возглавлял советскую делегацию на переговорах с американской делегацией о послевоенном устройстве Кореи.

Думается, что яркую характеристику Т. Ф. Штыкову дает в своем письме, присланном мне, полковник запаса Василий Михеевич Корнеев, работавший в политотделе войск, а затем офицером для поручений у Т. Ф. Штыкова во время переговоров в Сеуле.

Цитирую выдержку из этого письма:

«...Будучи очень скромным, Терентий Фомич уважал скромных, не терпел хвастунов и болтунов. Очень ценил людей самокритичных, работящих. Берег государственную копейку. Он знал и помнил, как в то время трудно жилось советскому народу, напоминал об этом нам...

Словом, мне очень повезло, что несколько месяцев я был рядом с этим человеком».

Это письмо напомнило мне одну нашу беседу с Терентием Фомичом.

Однажды, решая с ним сугубо армейские вопросы, я попросил его, чтобы для создаваемых частей корейской армии выделить политработников, которые помогли бы корейцам в проведении культурно-просветительной работы.

Он спросил:

— Сколько надо?

— Тридцать пять, — ответил я.

Терентий Фомич посмотрел на меня внимательно, а затем говорит:

— Ты же еще тридцать пять переводчиков попросишь?

— Конечно, — ответил я. — Ведь наши люди не знают корейского языка.

Долго и внимательно мы с ним обсуждали этот вопрос и пришли к заключению, что для помощи корейцам будет

достаточно 19 политработников и 19 переводчиков. Вместо 70 человек — 38.

Удивительный был это человек — начальник, умевший быть одновременно и начальником, и хорошим, добрым товарищем. Хотя недолго нам пришлось работать вместе, но его школа осталась для меня на всю жизнь.

После демобилизации Т. Ф. Штыков работал первым секретарем Приморского крайкома партии. Всего себя он отдавал великому делу нашей ленинской партии.

В конце 1946 года произошли изменения в руководстве политического управления округа. В Москву убыли генерал-лейтенант К. Ф. Калашников и генерал-майор М. М. Вавилов. Начальником политуправления стал генерал-лейтенант К. Л. Сорокин, а его заместителями — полковники К. В. Иванов и С. З. Паныпин.

В марте 1947 года проходили выборы в Верховный Совет РСФСР. По нашему избирательному округу кандидатом в депутаты был выдвинут начальник политического управления округа генерал-лейтенант Константин Леонтьевич Сорокин. В период предвыборной кампании я вместе с ним объехал многие гарнизоны, где состоялись встречи с избирателями. В результате проведенной партийно-политической работы выборы во всех избирательных участках прошли на высоком уровне, организованно и при большой активности избирателей.

В марте 1947 года Иван Михайлович Чистяков был переведен на другое место службы. Расставался он с нами тепло, был необычайно взволнован, вспоминал совместные боевые дела и мирные будни.

В мае 1947 года под руководством командующего Приморским округом проводились сборы, а затем поездка руководящего состава до командира дивизии включительно по Северной Корее. Политотдел позаботился о партийно-политическом обеспечении всего маршрута полевой поездки, чтобы руководящие командиры и политработники получили полное представление о службе воинов за рубежом. Посетив многие наши гарнизоны, участники сборов возвращались из Чхончжина во Владивосток на фрегате. Затем во Владивостоке осмотрели боевые корабли, побывали на крейсере «Калинин», миноносце, подводных лодках и торпедных катерах. После разбора, состоявшегося в Доме офицеров Тихоокеанского флота во Владивостоке, мы с командующим возвратились самолетом в Пхеньян.

В июле 1947 года Пхеньян посетили Маршалы Советского Союза Р. Я. Малиновский и К. А. Мерецков, новый командующий округом генерал-полковник С. С. Бирюзов, члены Военного совета генерал-полковник Т. Ф. Штыков и генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальник политуправления округа К. Л. Сорокин. Они проверили боевую готовность частей, заслушали командующего и его заместителей по различным вопросам боевой и политической подготовки, несения службы, жизни и быта войск.

А вскоре после этого мне была предложена должность в Белорусском военном округе. Я дал согласие на перевод.

Более 13 лет прослужил я на Дальнем Востоке. Прошел большую школу армейской жизни, хорошо изучил Приморье, Камчатку и Северную Корею и могу с полным убеждением сказать, что, если молодому или уже опытному офицеру предлагают службу на Дальнем Востоке, пусть они считают это за счастье и большое доверие. Суровый и прекрасный край, исконно русская наша земля, привлекает своим величием и славой, закаляет характер и волю. И если бы мне довелось снова пройти тот сложный путь, я сделал бы это с вдохновением и радостью.

БЕЛОРУССИЯ

И вот вновь мне предстоял путь на запад. Приказом Министра Вооруженных Сил СССР я был назначен в Белорусский военный округ.

В Москве, куда я заехал по пути к новому месту службы, со мной беседовал начальник Политического управления Сухопутных войск генерал-лейтенант Сергей Федорович Галаджев. Он принял меня доброжелательно, тепло, рассказал о том политическом органе, где мне предстояло работать.

24 августа я выехал к новому месту службы. Из окна вагона с болью в сердце смотрел на места, где проходили ожесточенные бои советских войск против немецко-фашистских захватчиков. До войны эти цветущие края радовали своей природной красотой, а теперь... Весь путь от Москвы до Минска — сплошные развалины, разрушения. Несмотря на то что уже многое возрождалось из пепла и руин, война смотрела на нас пепелищами сожженных деревень, развалинами городских зданий, остовами обгорелых деревьев. И вдоль пути тянулись землянки, землянки без конца.

Вечером 24 августа прибыл в Минск. На вокзале меня

встретил заместитель начальника политического управления округа генерал-майор Иван Алексеевич Гросулов, определил на ночлег в окружном Доме офицеров.

Весь следующий день провел в штабе и политуправлении округа. Как положено, представился начальнику политуправления генерал-майору Александру Ивановичу Зудову, которого знал по Дальнему Востоку. Затем меня представили командующему округом генерал-полковнику Сергею Георгиевичу Трофименко и начальнику штаба округа генерал-полковнику Семену Павловичу Иванову. Мне рассказали об округе, о его задачах. Начальник политуправления А. И. Зудов подробно охарактеризовал политических работников и командный состав. На душе было спокойно: мне предстояло работать в хорошем, сплоченном коллективе, с людьми, прошедшими большую и суровую школу Великой Отечественной войны.

Особенность местности, где мне часто приходилось бывать по долгу службы, состояла в том, что этот район длительное время находился под гнетом панской Польши. После освобождения в сентябре 1939 года Красной Армией и воссоединения с Белорусской ССР люди начали строить новую жизнь, но в 1941 году попали под фашистское иго, продолжавшееся до 1944 года. Только после разгрома немецко-фашистских войск на территории Белоруссии начался для населения этих областей новый период революционных преобразований и подлинного расцвета.

К середине 1947 года в основном завершилась послевоенная реорганизация Вооруженных Сил. Многие соединения и части были расформированы, а оставшиеся переведены на новые штаты, разработанные с учетом опыта войны, требований мирного времени и возможностей советской экономики.

Повышалась огневая мощь стрелковых войск, в их штаты были включены танки и самоходно-артиллерийские установки (САУ). На вооружение частей и подразделений поступили автоматы Калашникова и станковые пулеметы Горюнова, противотанковые гранатометы, орудия, минометы и другая новая боевая техника...

В войсках шла напряженная учеба. В основу обучения и воспитания был положен принцип — учить войска тому, что необходимо на войне. При этом учитывалось, что современная война потребует от каждого воина еще более высоких боевых и моральных качеств, хорошей выучки, большой физической выносливости. Днем и ночью, в летнюю жару и в зимнюю стужу воины настойчиво овладевали труд-

ной наукой побеждать. С большой настойчивостью они изучали оружие и боевую технику, учились применять их в бою.

Всю систему партийно-политической работы мы направили на воспитание личного состава в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, постоянной готовности выполнить любой приказ Родины.

В ходе боевой подготовки командирам и политработникам приходилось преодолевать значительные трудности. В военных городках все было разрушено: казармы, учебные и складские помещения, столовые, жилые дома офицеров, парки боевых и транспортных автомашин. Люди жили в полуразрушенных зданиях скученно, без всяких удобств. Не прекращая занятий по боевой и политической подготовке, воины своими силами восстанавливали казармы, столовые, строили жилые дома для офицеров, укрытия для техники, заново оборудовали стрельбища, полигоны, танкодромы.

1 декабря 1947 года начался учебный год. К этому времени удалось заметно улучшить материально-техническую базу, хотя мы далеко еще не завершили устройство войск.

В декабре 1947 — январе 1948 года состоялись отчетно-выборные собрания партийных организаций, а вскоре и отчетно-выборные собрания в комсомольских организациях. Наш партийно-политический аппарат принял активное участие в проведении этих важных мероприятий.

Прошел год со времени постановления Центрального Комитета партии, отменившего практику назначения парторгов и комсоргов и введшего порядок выборов секретарей партийных и комсомольских организаций тайным голосованием. Мы решили подвести итоги работы в новых условиях, обобщить все положительное, вскрыть недостатки и определить мероприятия по дальнейшему повышению боевитости партийных и комсомольских организаций.

Ход отчетов и выборов в партийных и комсомольских организациях неоднократно рассматривался нами. По обсуждаемым вопросам мы делали практические выводы. Итоги доводили до всех политработников. Предложения и критические замечания, высказанные коммунистами во время собраний, взяли на учет и приняли по каждому из них соответствующие решения.

Политическое управление округа придавало отчетно-выборным собраниям большое значение. В войсках на отчетно-выборных собраниях выступали его руководящие работники.

В деловой обстановке, организованно и целеустремленно

работала окружная партийная конференция. Армейских коммунистов горячо приветствовали руководители партии и правительства Белорусской ССР во главе с первым секретарем Центрального Комитета Компартии Белоруссии Н. И. Гусаровым и Председателем Совета Министров БССР П. К. Пономаренко.

На конференции остро критиковались политорганы, партийные и комсомольские организации, ослабившие организаторскую и политическую работу в войсках. Итоги прошедших отчетно-выборных собраний партийных организаций и конференций, обобщившие опыт работы командиров, политорганов и партийных организаций, показали возросшую активность коммунистов, их решимость с честью выполнить поставленные перед войсками задачи.

Сразу же после окружной партийной конференции состоялись комсомольские конференции, сыгравшие положительную роль в жизни войск округа. Усилилось внимание коммунистов и комсомольцев к вопросам боевой подготовки, поднялась активность солдат и командиров в борьбе за отличные показатели в учебе и дисциплине.

Руководство округа, командующий войсками С. Г. Трофименко большое внимание уделяли подготовке руководящих кадров. Весной 1948 года на базе одного из соединений были проведены учебные сборы командиров и политработников. На сборах была показана методика проведения занятий по тактической, огневой подготовке и другим предметам. Для участников сборов организовали выставку новых образцов боевой и специальной техники и оружия. Все офицеры и генералы сдали зачеты по уставам, материальной части оружия и стрельбе из автоматов и пистолетов. Подводя итоги сборов, командующий рекомендовал всем командирам и впредь тщательно готовиться к занятиям, умело планировать боевую подготовку, чтобы программа обучения выполнялась полностью и высококачественно.

Летом 1948 года на Украине был особенно хороший урожай. На его уборку в порядке шефской помощи в Николаевскую область мы направили большие группы военнослужащих и автомашины. Во всех подразделениях, выделенных на уборку урожая, создали партийные и комсомольские организации, помогли составить план их работы, подобрали и утвердили агитаторов, редколлегии стенгазет, обеспечили необходимым политпросветимуществом. Поработали наши воины на уборке урожая на славу. Поставленные задачи выполнили успешно.

Хочу остановиться на одной проблеме, порожденной войной, последствия которой проявились в послевоенный период.

Война не только внесла в каждый дом, в каждую семью горечь расставаний и невозвратимой утраты родных и близких, радость встреч и заботы о здоровье раненых и больных. Она разбросала людей, разрушила некоторые семьи. Много проблем в связи с этим пришлось решать нашим политорганам. Больше всего волновал вопрос о судьбах детей.

Однако случались и курьезы.

Однажды я задержался на службе и домой возвратился поздно. Позвонил. Дверь открыла жена. И сразу же мне:

— А у нас новость.

— Какая? — спрашиваю.

— К тебе приехала жена.

— Какая жена?! — удивился я. — Ты же знаешь, что у меня ты — жена!

— Другая, — серьезно ответила она.

Я рассердился:

— Хватит разыгрывать, рассказывай, в чем дело!

— С полчаса назад позвонили в дверь. Я открыла. Смотрю, женщина стоит с чемоданом. Спрашиваю: «Вы к кому?» А она мне в ответ: «К мужу!» Я немного растерялась, а потом спросила: «Как его фамилия?» — «Полковник Громов».

— Ничего не понимаю, — сказал я, вошел в комнату и увидел незнакомую мне женщину.

Разговорились. Оказалось, что у приехавшей женщины муж — тоже полковник Громов, правда, имя и отчество у него другие, а служит он в соседнем гарнизоне. Женщина извинилась за случайное недоразумение и, установив действительный адрес своего мужа, уехала к нему.

* *
*

К нам поступало много писем. Они носили различный характер. Мы их регистрировали, внимательно изучали, анализировали и старались своевременно на каждое реагировать. По письмам и заявлениям всегда делались обзоры и их содержание докладывалось командованию.

Для упорядочения работы с посетителями по личным вопросам мы установили дни и часы приема. Это не исключало приема и в другие дни, особенно для тех, кто приезжал из отдаленных гарнизонов. Нерушимым законом стало:

каждый обратившийся должен получить исчерпывающий ответ на волнующий его вопрос.

Большую часть служебного времени я проводил в войсках: посещал казармы, в неслужебное время беседовал с солдатами и сержантами, принимал офицеров по личным вопросам. Особое внимание уделял воинам, совершавшим дисциплинарные проступки. Меня интересовали причины такого их поведения. Чтобы выяснить это, старался откровенно беседовать с нарушителями. Не легко было вести подобные беседы. Но они приносили пользу и тем, с кем беседовал, и их начальникам. В откровенной, доверительной обстановке стремился расположить собеседника, в спокойном, товарищеском тоне разъяснить ему, почему нельзя нарушать дисциплину и как надо вести себя в дальнейшем. Твердо убежден: если бы мы твердо и последовательно разъясняли требования уставов и держали на учете каждого, кто склонен к нарушениям дисциплины, мы бы избежали этих проступков.

* *
*

Приказом начальника Главного политического управления я был зачислен слушателем курсов высшего и старшего политсостава при Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Занятия начинались 1 февраля 1949 года и продолжались до 15 марта 1950 года. Условия для учебы нам создали неплохие. На первом курсе было четыре группы. В двух обучались генералы, и в двух — старшие офицеры. Большое внимание уделялось самостоятельному изучению произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, решений съездов и пленумов ЦК партии. Для этого выделялось два полных дня в неделю.

Читали лекции и проводили семинарские занятия по изучению оружия и боевой техники родов и видов войск, по тактике и оперативному искусству преподаватели Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, а лекции и семинарские занятия по общественным дисциплинам — истории СССР, истории КПСС, марксистско-ленинской философии и политической экономии — преподаватели Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Много дала учеба и для общего развития. Факультативно проводились лекции по литературе, искусству и логике, два раза в месяц мы посещали театры Москвы. Было несколько встреч

с учеными. Большое впечатление оставила лекция академика Александра Ивановича Опарина о возникновении жизни на Земле.

Слушатели курсов с большим интересом следили за всеми событиями международной и внутренней жизни страны, изменениями в Вооруженных Силах СССР. С нами часто встречались работники Главного политического управления, мы же неоднократно выступали на промышленных предприятиях Москвы. На мою долю выпало выступить к годовщине Советской Армии в цехах автозавода имени И. А. Лихачева и в одном из сел Московской области.

После окончания курсов я был назначен начальником политического управления Таврического военного округа. Меня ждала новая работа, в новых условиях и с новым коллективом.

ТАВРИЧЕСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

Утро 16 апреля 1950 года выдалось прекрасным. Ярко светило солнце. На синем небе — ни единого облачка. С рассвета я стоял у окна, с любопытством разглядывал пробегающие мимо города, поселки, поля и перелески. Чем дальше поезд шел на юг, тем сильнее чувствовалось наступление весны. Проехали знаменитый Сиваш. Открылись степные просторы, вдали показались Крымские горы.

Я раньше никогда не бывал в Крыму, но хорошо знал его славную, героическую историю, читал А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, П. А. Павленко, С. Н. Сергеева-Ценского.

Во время Великой Отечественной войны советские воины, верные славным боевым традициям своих великих предков, проявили мужество и героизм при защите Крымского полуострова от немецко-фашистских захватчиков. Позже, когда я уже пожил в Крыму, узнал много удивительного для себя. Оказалось, что Крым — это не только прекрасный курорт с необыкновенной природой и прекрасным климатом, но и обширные сухие, безводные степи, опаленные зноем солнцем и продутые ветром. Теперь, когда рукотворный канал насыщает живительной днепровской влагой степные просторы, крымчане, может, и забыли о сухих травах и кустарниках, солончаках и трещинах на земле, казавшейся мертвой. А в те времена для областной партийной организации и местных органов Советской власти первостепенной была проблема подъема сельского хозяй-

ства степной зоны. Требовались рабочие руки. Надо было найти в центральных областях страны и перевезти сюда сотни людей, устроить их на новом месте...

Вот поезд Москва — Симферополь остановился у перрона вокзала, и я, подхватив свой походный чемоданчик, спустился на платформу. Сразу увидел коренастого усача с полковничьими погонами. Он шагнул мне навстречу, представился:

— Заместитель начальника политического управления Таврического военного округа полковник Володко.

— Здравствуй, дорогой Виталий Вячеславович! — воскликнул я.

Мы обнялись, расцеловались. Как тесен мир! Прошло семь лет с тех пор, как мы трудились с Володко в Приморье, в 1-й Краснознаменной армии. И вот новая встреча. Я был рад, что нам снова придется работать вместе.

На следующий день мне временно выделили комнатку в квартире офицера службы тыла. В первый же день столкнулся с неожиданностью. Прихожу после работы домой, а у моих соседей, не знаю по какому поводу, сабантуй. Тут же последовало приглашение:

— Заходите к нам, не гордитесь.

Почувствовал себя неловко. Этого мне только недоставало!

«Не с застолья надо начинать новую службу», — подумал я и, учтиво извинившись, ушел. Переночевал на диване в политуправлении, а затем устроился в гостинице.

На следующий день представился командующему. Командовал округом в то время генерал-полковник, а впоследствии генерал армии Маркиан Михайлович Попов — талантливый военачальник, Герой Советского Союза, член КПСС с 1920 года. В период Великой Отечественной войны находился в действующей армии на высоких командных и штабных должностях. Он участвовал в боях под Ленинградом, Москвой, в Сталинградской и Курской битвах, освобождал Прибалтику и Карелию. Маркиан Михайлович был награжден пятью орденами Ленина, тремя — Красного Знамени, двумя — Суворова I степени, двумя — Кутузова I степени и другими. Человек высокой культуры, внимательный и заботливый, он пользовался уважением и любовью солдат и офицеров.

Командующий ознакомил меня с расположением частей и соединений округа и его задачами.

Таврический военный округ организовался в 1946 году.

Войска округа размещались на территории трех областей: Крымской, Запорожской и Херсонской.

В июле 1950 года, после восстановления должностей членов военных советов, к нам на эту должность прибыл генерал-майор Николай Никифорович Савков. В годы Великой Отечественной войны он был членом Военного совета армии, а в послевоенные годы — начальником политического управления Киевского военного округа. Николай Никифорович показал себя принципиальным, требовательным к себе и к подчиненным политработником.

Своеобразие нашей службы состояло в том, что округ был создан недавно. До Великой Отечественной войны на территории Крыма дислоцировалась лишь одна дивизия. Во время войны ее городки были разрушены немецко-фашистскими захватчиками. В послевоенный период соответствующей материально-технической базы для размещения войск не имелось. Поэтому устройство войск проходило с большими трудностями. Казармы для личного состава отсутствовали. Не было хранилищ для боевого и хозяйственного имущества, укрытий для техники, квартир для офицеров и их семей, детских дошкольных учреждений. Все требовалось создавать. И в то же время поддерживать высокий уровень боевой готовности частей. Исходя из решаемых задач, строилась партийно-политическая работа.

Мне всегда везло на хороших помощников, в том числе и в политическом управлении Таврического военного округа. Моим заместителем все годы работы в округе был полковник Виталий Вячеславович Володко. Я знал его и раньше как принципиального, деятельного политработника, умеющего трудиться, требовательного к себе и подчиненным. С первых дней с Виталием Вячеславовичем установились деловые товарищеские отношения. Сделано было все необходимое, чтобы создать боевой, сплоченный коллектив политуправления, способный решать ответственные задачи по идейно-политическому воспитанию личного состава и положительно влиять на деятельность генералов и офицеров штаба и управлений, частей и соединений округа.

С большим оптимизмом и партийной ответственностью за выполнение возложенных на них обязанностей работали офицеры оргинструкторского отдела. Его возглавлял вначале полковник В. В. Крылов, а после его перевода полковник

Ф. Ф. Морозов. В отделе работали опытные инспекторы — А. Г. Прохорович, М. Н. Бондаренко и другие. Отдел активно участвовал в планировании работы политического управления, в подготовке семинаров-совещаний с начальниками политорганов, заместителями командиров полков и отдельных батальонов по политической части, секретарями партийных бюро и партийных комиссий. Он большое внимание уделял приему в ряды партии передовых воинов, укреплению ротных и батарейных организаций, воспитанию коммунистов и обеспечению их передовой роли в учебе и дисциплине.

Офицеры отделения информации подполковник Н. К. Барков и майор А. А. Стенин внимательно изучали поступавшие из войск материалы, обобщали наиболее важные вопросы, которые обсуждались в политическом управлении, а затем выносились на заседания Военного совета. Инспектор В. П. Котенко и инструктор А. А. Стенин обобщили опыт партийно-политической работы по достижению высоких результатов огневой подготовки в механизированном полку, опыт партийно-политической работы на тактических учениях в частях стрелковой дивизии и сделали это достоянием всего округа.

Неоценимую помощь оказывали нам офицеры отдела по работе среди комсомольцев. Они заботились о вовлечении передовой армейской молодежи в комсомол, об укреплении ротных и батарейных комсомольских организаций, обеспечении передовой роли комсомольцев в боевой и политической подготовке и воинской дисциплине.

Особо хотел бы отметить умение наших комсомольских работников находить связи и устанавливать дружбу с гражданскими комсомольскими организациями, активное участие в работе которых они принимали, участвовали в работе их руководящих органов.

В Доме офицеров, в клубах воинских частей, предприятий и учебных заведений проводились многие мероприятия, способствующие укреплению дружбы и сплоченности армейской и гражданской молодежи. Начальник отдела Иван Петрович Репин впоследствии стал видным политработником Вооруженных Сил. Он работал первым заместителем начальника Политического управления Сухопутных войск, членом Военного совета — начальником политуправления Ленинградского военного округа. В настоящее время генерал-полковник И. П. Репин является членом Военного совета — начальником политического управления Московского военного округа.

Политуправление использовало различные формы и методы идейно-политического воздействия на личный состав. Постоянное внимание мы уделяли углубленному изучению коммунистами и комсомольцами, прежде всего руководящими кадрами, марксистско-ленинской теории, формированию навыков применения в практической работе полученных знаний, активной жизненной позиции каждого воина — солдата, офицера, генерала.

Большую, многогранную и ответственную работу по выполнению этой задачи проводил отдел пропаганды и агитации, который последовательно возглавляли полковники К. Ф. Клушин и М. И. Анисимов. Они добивались высокого качества марксистско-ленинской подготовки офицерского состава всех категорий, организовывали учебу руководителей политических занятий, заботились о повышении качества устной и наглядной агитации, печати, лекционной пропаганды и культурно-просветительной работы.

Офицеры И. А. Головко, И. В. Березюк, А. М. Никитин, Л. И. Пилипенко выступали с высококвалифицированными лекциями и докладами перед воинами, на семинарах командиров соединений и частей, начальников политотделов, а также перед политработниками частей. Все они пользовались в войсках большим уважением и авторитетом.

Заслуживают доброго слова инструкторы, занимавшиеся агитационно-массовой работой, — Н. Н. Воробьев, А. М. Миляев, И. М. Сенин. С большой ответственностью к выполнению партийного и служебного долга относился старший инструктор по печати полковник Борис Васильевич Богданов. В его хозяйстве всегда был порядок. Он внимательно изучал содержание газет, стенной печати рот и батарей. В любое время мог дать обстоятельную справку о делах печати соединения или части.

В условиях послевоенного времени, когда в округе еще не были благоустроены военные городки, встречались трудности с организацией учебы, всей жизни и быта, не последнюю роль в повышении политико-морального состояния личного состава, офицеров и их семей играла хорошо налаженная культурно-просветительная работа. Этим вопросом занималось отделение культуры, возглавлявшееся большим энтузиастом, влюбленным в свою работу, подполковником Николаем Платоновичем Гуцевым.

Центром культурно-просветительной работы являлся окружной Дом офицеров в Симферополе, начальником которого продолжительное время работал подполковник А. М. Молдаванов. Это был хорошо подготовленный политработник,

под его руководством сложился крепкий, работоспособный коллектив. В ОДО проводилось много интересных мероприятий по политическому, воинскому и культурно-просветительному воспитанию офицеров и их семей. Часто читались лекции и доклады о внутренней и международной политике КПСС и Советского государства, об опыте Великой Отечественной войны. Работали вечерний университет марксизма-ленинизма, вечерняя средняя школа, курсы по подготовке в академию. Проводились встречи с писателями С. Михалковым, Э. Казакевичем, П. Вершигорой, П. Павленко. В ОДО нередко выступали председатель Крымского отделения Союза писателей, бывший редактор окружной газеты Е. Е. Поповкин, автор книги «В крымском подполье» И. Козлов и другие товарищи.

Любили слушать в округе ансамбль песни и пляски, начальником которого долгие годы был майор М. И. Бабенко, художественным руководителем — сначала Н. Н. Можайский, а затем Г. Н. Копосов. Этот творческий коллектив оказывал большую помощь в политическом и художественно-эстетическом воспитании воинов, в организации их досуга, умело пропагандировал солдатские песни, классическую, народную и советскую музыку, уделял внимание развитию солдатской художественной самодеятельности. Многие участники ансамбля песни и пляски стали заслуженными артистами РСФСР и УССР.

Вопрос подбора, воспитания и расстановки кадров политработников был предметом постоянной заботы политического управления. Отдел кадров возглавляли опытные кадровые работники полковники Павел Федорович Николаев и затем Николай Федорович Андрюхин. Они хорошо знали политические и деловые качества офицеров, своевременно реагировали на различные проявления их недостатков, постоянно заботились о поддержании высокого авторитета политработника в войсках.

Обеспечение частей и соединений культпросветимуществом проводил отдел снабжения во главе с подполковником В. В. Никоновым. Он провел трудоемкую работу: было взято на учет все культимущество, в том числе и трофейное, организована небольшая мастерская по его ремонту.

* *
*

Не могу не заметить, что воспитание чувства уважения человеческого достоинства для меня всегда стояло на первом плане. Нельзя допускать, чтобы генерал или офицер

в подчиненном видели лишь человека, обязанность которого состоит в том, чтобы слепо, бездумно выполнять приказы старшего начальника. Это не повышает авторитет начальника — скорее наоборот.

К нам в политическое управление мог зайти свободно каждый, кому нужен был добрый совет, кому требовалась помощь. Чтобы организованно принимать посетителей, были установлены день и часы приема у начальника политического управления и его заместителей. Но это, однако, не исключало приема и в другое время, если к этому вынуждала обстановка.

Большая заслуга в повышении авторитета и влияния политического управления в войсках принадлежит окружной газете «Боевая слава», редактором которой во время моей работы был опытный журналист полковник А. П. Кузнецов, начальником отдела армейской жизни — Иван Фотиевич Стаднюк, известный теперь писатель.

Газета была на деле коллективным пропагандистом, агитатором и организатором. На своих страницах она поддерживала патриотические начинания воинов, широко освещала опыт передовых бойцов, отделений, расчетов, экипажей, взводов, рот и батальонов, добивающихся отличных результатов в боевой и политической подготовке. Газета смело вскрывала и остро критиковала недостатки в обучении и воспитании личного состава, много внимания уделяла пропаганде революционных, боевых и трудовых традиций советского народа и его Вооруженных Сил, патриотическому и интернациональному воспитанию воинов, беззаветной преданности их Коммунистической партии и любимой Родине. Она воспитывала братскую дружбу между воинами различных национальностей и содружество всех родов и видов войск. Газета пользовалась большим авторитетом в войсках.

Важной своей задачей я считал установление крепких деловых связей с местными партийными, советскими и общественными организациями всех трех областей. Вскоре меня избрали членом Симферопольского городского комитета партии и членом бюро, а на областной партийной конференции — членом Крымского областного комитета партии...

Столь подробно характеризуя все отделы и отделения политуправления, я стремился подчеркнуть, что коллектив состоял из подготовленных политработников, многие из которых прошли войну и имели богатый опыт партийно-по-

литической работы не только в мирной, но и в боевой обстановке.

Немало внимания уделяли мы постоянному обучению и воспитанию кадров с учетом опыта Великой Отечественной войны. На семинарах и совещаниях заслушивали начальников политотделов соединений и политработников частей об опыте организации их работы с различными категориями офицерского состава, сержантами и солдатами всех родов войск. Мы с Н. Н. Савковым регулярно читали для всех категорий военнослужащих лекции и доклады, в которых широко освещали роль Коммунистической партии в руководстве социалистическим строительством и обеспечении победы советского народа в Великой Отечественной войне, показывали успехи тружеников тыла, героический труд советских людей по возрождению народного хозяйства в послевоенный период, раскрывали факты активных боевых действий партизан и подполья Крыма против немецко-фашистских оккупантов и их пособников.

Вся партийно-политическая работа направлялась на воспитание личного состава в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, постоянной готовности к защите Родины, беззаветной преданности и любви к Коммунистической партии — вдохновителю и организатору всех наших побед.

В послевоенный период, когда резко возросла агрессивность империалистических держав, особенно США, вопрос о высокой боевой выучке войск приобрел первостепенное значение. Лучшим временем для проверки, закрепления знаний и навыков по боевой подготовке являлся летний период обучения. Части и соединения выходили в лагеря, где были созданы неплохие условия для тактических занятий, проведения стрельб из всех видов оружия.

Всячески заботились мы и о таком важном деле, как укрепление дружбы между нашими солдатами и военными моряками Черноморского флота. Даже патрульную службу в крупных городах организовывали так, что несли ее вместе солдаты и матросы. Простое, казалось бы, дело, но это положительно отразилось на состоянии общественного порядка и воинской дисциплины в гарнизонах.

Как-то с группой офицеров политуправления мы решили проверить соединение, которым командовал Герой Советского Союза генерал-майор П. Ф. Берестов, а начальником

политотдела был полковник В. Д. Возжин. Выявили ряд недостатков. Установили случаи, когда старший по должности офицер, минуя младшего, накладывал дисциплинарное взыскание на сержантов или солдат. Провинился, скажем, солдат. Вместо того чтобы меры воздействия на него оказывал командир отделения, старшина или командир взвода, всё силы своей власти применяли к провинившемуся командиры рот и батальонов. Были выявлены и другие нарушения. Мы провели индивидуальные беседы со многими командирами рот и батарей, а затем с командирами частей и их заместителями по политической части, а также с секретарями партийных бюро. Результаты изучения состояния воинской дисциплины и дисциплинарной практики в частях с конкретными фактами и примерами были разобраны с офицерами штаба и политотдела, а затем обсуждены в политуправлении.

Сделали вывод, что на окружном совещании необходимо кому-то из руководящего состава выступить с докладом «Партийно-политическая работа и состояние воинской дисциплины и дисциплинарной практики». Наши выводы по этим вопросам приняли к исполнению все участники совещания.

Крым — всесоюзная здравница. Немало забот доставляли нам военные санатории. Мы осуществляли контроль за работой их партийных и профсоюзных организаций, учили обслуживающий персонал внимательному и чуткому отношению к приезжающим на лечение и отдых офицерам и членам их семей.

Большой популярностью, особенно в летний период, пользовались военные санатории «Гурзуф» и «Феодосийский», в которых сложились дружные подготовленные коллективы медицинских работников. Заместители начальников санаториев полковники С. А. Кораблев и Г. Г. Чирко пользовались авторитетом у сотрудников и отдыхающих, поддерживали тесную связь с Ялтинским и Феодосийским горкомами партии и своевременно получали от них необходимую помощь и поддержку.

Политическое управление большое внимание уделяло работе симферопольского госпиталя — одного из старейших в стране. Он был организован в 1805 году. В госпитале работали выдающиеся ученые Н. И. Пирогов и С. П. Боткин. В годы временной оккупации Крыма немецкими фашистами госпиталь был полностью разрушен, а оборудование унц-

чтожено или увезено фашистами. Коллектив госпиталя во главе с А. Р. Газаровым приложил огромные усилия, чтобы восстановить помещения и создать необходимые условия для лечения больных.

В декабре 1950 года состоялось совещание начальников политических управлений округов и флотов, на котором присутствовал Министр Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Обсуждались многие серьезные задачи, вставшие перед политорганами в период, когда Вооруженные Силы оснащались новой боевой техникой и оружием. Выступающие говорили о том, что всю работу надо направить на быстрейшее овладение личным составом всех родов и видов войск новыми способами и средствами вооруженной борьбы. На совещании обсуждались и другие вопросы учебы и политического воспитания воинов.

Выступая на совещании, я поставил вопрос об организации лечения и отдыха офицеров и членов их семей. Часто к нам в политуправление обращались отдыхающие, страдающие легочными заболеваниями. Они просили перевести их на лечение в специализированные санатории, но такие учреждения находились в центральном подчинении. Вот я и обратился на совещании к заместителю Министра Вооруженных Сил по тылу генералу армии А. В. Хрулеву с просьбой оказать округу содействие в открытии на Южном берегу Крыма специального госпиталя для больных с открытой формой туберкулеза.

Забегая вперед, скажу, что, хоть решение этого вопроса оказалось нелегким, через некоторое время госпиталь все же был открыт.

Известно, что крымская земля в результате кровопролитных боев против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны была не только изрезана осколками снарядов и бомб, но и, как слоеный пирог, начинена минами. Инженерно-саперные подразделения главным образом занимались разминированием территории Крыма, особенно Перекопского перешейка, Мекензиевых гор под Севастополем и Керченского полуострова. Это очень трудная, ответственная и опасная работа. Сложность состояла в том, что в инженерно-саперных подразделениях не было планов минных полей. Пришлось проверять каждый метр земли

щупами, а в Красноперекопском районе солдаты вспахали семь тысяч гектаров земли, чтобы отыскать мины.

Службу в Советской Армии я начинал сапером. Естественно, всегда пристально следил за работой инженерно-саперных подразделений, изучал их жизнь и быт, интересовался их нуждами, оказывал необходимую помощь. Мне неоднократно приходилось заниматься с солдатами и офицерами. Пригодились знания саперного и подрывного дела, полученные во время службы в саперном батальоне.

* *
*

В первой половине мая 1954 года политуправление проверило работу политотдела строительной части. Итоги проверки мы обсудили на Военном совете. Было принято решение оказать помощь руководству в выполнении поставленной задачи, в улучшении материально-бытовых условий личного состава. Эта проверка запомнилась мне в связи с еще одним обстоятельством. Я вдруг почувствовал сильную боль в глазах, впервые за время службы в Советской Армии с 1927 года вынужден был обратиться к врачам и был госпитализирован. В госпитале узнал я о том, что мне присвоено звание «генерал-майор», а вскоре выехал в Киев, к новому месту службы.

КИЕВСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

10 ноября 1954 года, после более чем двадцатилетнего перерыва, я вновь прибыл для прохождения службы на Украину, в столицу республики Киев — мать городов русских, современный промышленный, научный и культурный центр страны.

Командовал войсками округа В. И. Чуйков, прославленный военачальник, которого я знал только по рассказам тех, кто с ним служил.

Славная биография была у дважды Героя Советского Союза генерала армии Василия Ивановича Чуйкова. Член КПСС с 1919 года, участник подавления мятежа левых эсеров в Москве, герой гражданской войны. В двадцать с небольшим лет он командовал полком на Восточном и Западном фронтах и еще тогда был награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1925—1927 годах на восточном факультете Военно-академических курсов изучал

Дальний Восток и китайский язык, а затем работал военным советником в Китае. В годы Великой Отечественной войны 62-я армия под командованием Чуйкова героически обороняла Сталинград от немецко-фашистских войск. Затем, став 8-й гвардейской, она прошла славный победоносный путь борьбы, завершившийся в Берлине.

Утром 11 ноября я прибыл в политическое управление. Сначала встретился с генерал-майором Михаилом Харитоновичем Калашником, на смену которого приехал. Встреча была теплой, дружеской. Вместе прошли к члену Военного совета генерал-лейтенанту Николаю Михайловичу Александрову. Он расспросил меня о службе в Советской Армии, о Н. Н. Савкове, которого хорошо знал. Затем направились к командующему.

Когда вместе с Н. М. Александровым и М. Х. Калашником зашли в кабинет, Чуйков разбирался с делами строителей, был несколько расстроен недостаточно хорошей организацией их труда. Я доложил о прибытии для прохождения службы. Он вышел из-за стола, подал руку, пригласил всех садиться. Затем расспросил о моей службе в Вооруженных Силах, о последнем месте работы, кратко изложил задачи, решаемые округом.

Хорошо запомнилась встреча с заместителем командующего генерал-полковником Иваном Васильевичем Болдиным. Член КПСС с 1919 года, активный участник гражданской и Великой Отечественной войн, он отличался спокойным, уравновешенным характером. Обаятельный и доступный для офицеров всех рангов, он не возвышался над ними, к нему шли за советом и помощью. Иван Васильевич часто заходил в политуправление, как он подчеркивал, за «идейной» пищей. С первых дней у нас с ним установились деловые отношения по службе и добрые личные, которые поддерживались вплоть до его смерти в 1965 году.

В тот же день М. Х. Калашник собрал всех офицеров и служащих политуправления, представил меня коллективу. Я рассказал о себе, ответил на вопросы.

Из бесед было ясно, что Киевский округ значительно больше Таврического, работы будет много. Само географическое положение Киевского военного округа, наличие на его территории частей и соединений различных родов войск, военно-учебных заведений и подготовленных кадров способствовало проведению многих командно-штабных, опытных и показательных учений с войсками. Киевский военный

округ в освоении новых видов боевой техники и ее применения нередко превращался, если можно так выразиться, во всеармейский опытный полигон. Политическое управление и политорганы принимали непосредственное участие в подготовке и проведении этих учений. Все это способствовало росту командно-политического состава по службе.

Из десяти лет моей службы в округе пять с половиной прошли в совместном труде с В. И. Чуйковым. Время вполне достаточное, чтобы хорошо узнать любого человека. Ежедневно общаясь в Василием Ивановичем, я увидел, что это хорошо подготовленный, волевой, смелый и решительный командующий. Он отличался большим трудолюбием, не терпел лодырей. Серьезно относился к подготовке каждого занятия и требовал того же от генералов и офицеров. Василий Иванович не терпел показухи, решительно боролся с послаблениями в учебе, с очковтирательством. Мне думается, что не было таких вопросов жизни войск, которые бы его не волновали. Он болел душой за все: за боевую готовность и укрепление воинской дисциплины, за совершенствование материально-технической базы и улучшение быта личного состава, за обеспечение жильем семей офицеров и культурный досуг личного состава.

Василий Иванович Чуйков принимал активное участие в работе партийных и советских органов. Избирался членом ЦК КПСС, кандидатом в члены Президиума ЦК Компартии Украины, депутатом Верховных Советов СССР и УССР.

В своей работе постоянно опирался на партийно-политический аппарат. Не было случая, чтобы какая-либо директива ушла в войска без ведома политуправления. У меня на столе находился телефонный аппарат прямой связи с командующим. Часто он приглашал меня к себе, чтобы совместно принять то или иное решение.

•

С членом Военного совета Н. М. Александровым я проработал в округе более семи лет. Три года в должности начальника политического управления, а после объединения в 1957 году должностей члена Военного совета и начальника политуправления — первого заместителя начальника политуправления.

Н. М. Александров был энергичным, инициативным, трудолюбивым политработником. Он хорошо знал состояние боевой и политической подготовки, сильные и слабые стороны руководящих кадров, жизнь и быт частей и военно-учебных заведений, активно влиял на решение всех вопросов.

Избираясь членом ЦК КП Украины и депутатом Верховного Совета СССР, членом Киевского обкома и бюро обкома партии, он принимал активное участие в работе партийных и советских органов, в жизни партийных и советских учреждений.

По его инициативе к работе с личным составом были привлечены старые члены партии во главе с членом КПСС с 1918 года А. И. Ачкасовым. Они проводили большую работу по воспитанию личного состава на революционных традициях партии.

Должен подчеркнуть, что с начальниками штаба округа—генералами Г. Е. Стогнием, С. П. Ивановым и В. М. Крамаром политуправление работало дружно, согласованно, по-деловому, с пониманием решались многочисленные вопросы. Если и возникали некоторые недоразумения, то разрешались спокойно и разумно.

В послевоенный период политическое управление округа возглавляли такие опытные политработники, как генерал-майоры Н. Н. Савков, В. А. Дибров, М. Х. Калашник. Они приложили немало усилий к тому, чтобы политическое управление было сплоченным, авторитетным коллективом, оказывающим положительное влияние на все стороны жизни войск округа. Моя задача состояла в том, чтобы сохранить и приумножить все положительное в работе.

Моим заместителем был полковник Степан Захарович Паньшин. До Великой Отечественной войны он работал секретарем Пермского обкома партии по пропаганде. Любил свою специальность, был подготовленным, принципиальным, тактичным политработником, обладал чувством высокой ответственности и деловитости. В октябре 1955 года он решил уволиться из Советской Армии, поступить на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС и вернуться в родную область на партийную работу. Но его мечта не сбылась. Неудачно сделанная операция нарушила все его планы и преждевременно вывела из строя.

После С. З. Паньшина заместителями начальника политуправления последовательно работали Г. П. Якимов, Н. Е. Комаров, Д. С. Кравченко. Они были разными по характеру людьми, но всех отличало высокое чувство ответственности за порученное дело.

Ведущим отделом политуправления являлся организационно-инструкторский, который возглавляли полковники А. В. Дебалюк, А. Н. Шарабан, С. А. Бобылев, В. А. Буйницкий. Ныне генерал-полковник А. В. Дебалюк является членом Военного совета — начальником политуправления

Белорусского военного округа, а генерал-полковник С. А. Бобылев — членом Военного совета — начальником политуправления Войск ПВО.

Важные задачи в политуправлении решал отдел по работе среди комсомольцев. Помощниками начальника политуправления по работе среди комсомольцев при мне были П. Н. Тимошенко, М. А. Полторанин, В. К. Лужеренко и другие товарищи.

Важнейшие задачи идеологической работы решал отдел пропаганды и агитации. Его последовательно возглавляли полковники А. А. Александров, А. К. Токарь, кандидат философских наук К. С. Бочкарев, П. Н. Максимов. Все они отличались хорошей теоретической подготовкой, глубокими знаниями марксистско-ленинской теории и практики партийной пропаганды и агитации в войсках. Политорганы получали их квалифицированную помощь в повышении идейного уровня устной и печатной партийно-политической пропаганды, наглядной агитации и культурно-просветительной работы среди личного состава и семей военнослужащих.

Большим уважением и авторитетом среди солдат, сержантов, офицеров и генералов пользовались лекторы полковники Д. Ф. Григорович, В. М. Лапша, Б. И. Святишенко. Но особым уважением не только в войсках, но и среди актива гражданских организаций пользовался лектор-международник Дмитрий Михайлович Резник, умевший в простой и доступной форме раскрыть перед слушателями самые сложные вопросы международного положения и внутренней жизни страны. Он был, что называется, нарасхват, и нам приходилось более четко планировать его поездки в войска и выступления в гражданских организациях. Сказанное выше никоим образом не умаляет значения высококвалифицированных выступлений других лекторов политического управления, которые и до сего времени трудятся на этой ниве. Заслуженный работник культуры УССР Б. И. Святишенко возглавляет лекторскую группу республиканского общества «Знание», Д. Ф. Григорович — научный сотрудник Института истории КПСС при ЦК Коммунистической партии Украины.

С полной отдачей своих творческих сил работали инструкторы отдела. В этом коллективе всегда царила атмосфера чистой дружбы, товарищества и в то же время высокой требовательности, принципиальности и ответственности за порученное дело.

Политическое управление постоянно заботилось о подготовке командно-политических кадров всех категорий. Тща-

тельно готовились все без исключения мероприятия с кадрами, проводимые Военным советом. Для начальников управлений и отделов штаба округа читались лекции и доклады на различные актуальные темы. Содружество всех управлений и отделов штаба было главным принципом в нашей работе. Не реже двух раз в год проводились семинары-совещания с начальниками политотделов соединений, военно-учебных заведений, облвоенкоматов и других организаций. Здесь читались лекции о руководящей роли Коммунистической партии, о важнейших вопросах военного строительства, проводился обмен опытом работы по руководству партийными и комсомольскими организациями, воспитанию личного состава в духе безграничной преданности Коммунистической партии и социалистической Родине.

Проводились семинары с заместителями командиров полков и отдельных батальонов, инструкторами по организационно-партийной работе, секретарями партийных комиссий и отдельно с секретарями партийных бюро полков и отдельных частей. На них читались лекции на политические темы, по проблемам воинского воспитания, международного положения. Всесторонне обсуждались вопросы повышения роли партийных организаций во всей жизни частей. Семинары-совещания проводились с помощниками начальников политотделов по работе среди комсомольцев и секретарями комсомольских бюро полков и отдельных частей, с пропагандистами, работниками печати, культурно-просветительных учреждений. Деятельность всех звеньев партийно-политической работы всегда находилась в поле зрения аппарата политического управления.

Вопросы правильной расстановки кадров политработников успешно решали У. Г. Новиков, М. А. Елетин, С. А. Посохов и другие товарищи. В то время, когда я служил в Киевском военном округе, там проводилось много организационных мероприятий, что особенно требовало правильной расстановки кадров политработников, строгого соблюдения ленинских принципов в их подборе и расстановке, глубокого знания политических и деловых качеств офицеров. Стало правилом проводить беседы с каждым, кто представлялся к выдвижению на более ответственную должность. Это давало возможность правильно предрешить дальнейшую судьбу политработника.

Окружная партийная комиссия требовала от коммунистов строгого выполнения Устава КПСС, внимательно рассматривала персональные дела, проявляла высокую партийную принципиальность, взыскательное отношение к каждому, с

кем ей приходилось разбираться. Партийную комиссию последовательно возглавляли опытные политработники полковники И. Ф. Мартынюк, А. В. Цыпцин и другие.

В подчинении политического управления находилась военная типография. Мне, как старому полиграфисту, приятно было бывать в типографии, беседовать с линотипистами, печатниками, видеть и чувствовать рабочий ритм хорошо слаженного коллектива. В ее цехах я как бы вновь возвращался в свою юность, к истокам моей трудовой деятельности, ведь более 10 лет провел я в рабочем коллективе полиграфистом, начав учеником наборщика. В то время работа в типографии была тяжелой. Ученику наборщика поручали самую разнообразную работу. Я убирал помещение, таскал бумагу, развозил по заказчикам готовую печатную продукцию. Нелегко было мне, деревенскому мальчишке, освоить профессию наборщика. С трудом запоминались замысловатые названия машин и другого типографского оборудования. И если наборщики относились ко мне снисходительно — учили, рассказывали, наставляли, то печатники — народ суровый — нередко за малейшую оплошность наказывали. Запомнился на всю жизнь печатник Станислав Казимиров. Он почему-то часто придирался ко мне, а за появление на печатном листе марашек иногда потчевал и подзатыльниками.

Моя юность в Москве протекала в бурные годы. На моих глазах свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Хорошо помню события суровых и голодных дней гражданской войны и борьбы с врагами нашей Родины.

Обстановка в стране и в столице была напряженной. Шла мобилизация в Красную Армию, введена была карточная система распределения, не хватало хлеба и других продуктов, предметов первой необходимости. Характерным явлением того времени были многочисленные митинги и общегородские собрания рабочих-печатников. На них шла острая борьба большевиков против меньшевиков, эсеров и анархистов.

День 30 августа 1918 года запомнился особо. Ничто не предвещало беды. В типографии шла обычная работа, каждый занимался своим делом. И вдруг — страшная весть! На заводе Михельсона кто-то стрелял в Ленина! Мы тогда не знали, что это злодейское преступление совершила эсерка Каплан. Все рабочие сразу же собрались на митинг и поклялись своим трудом укреплять Советское государство. А тому, кто посмел поднять руку на Владимира Ильича,

требовали смертной казни. С большим волнением ждали мы бюллетени о состоянии здоровья дорогого Ильича, очень переживали и желали ему выздоровления. С неописуемой радостью встречались сообщения об улучшении его здоровья.

В марте 1919 года я стал работать наборщиком в 36-й типографии в Бауманском районе. Помню, какими тревожными были лето и осень 1919 года. Встретил я в этом коллективе и начало мирного периода в жизни нашей страны.

В нашей типографии набирались и печатались многие важные документы, в том числе все материалы по плану ГОЭЛРО. Мы понимали, что это большая и важная, государственного значения работа. Все рабочие, в том числе и я, трудились напряженно. Сроки были жесткие, но сознание того, что мы выполняем ответственное поручение партии, воодушевляло. И мы подготовили все материалы к открытию съезда.

За добросовестную работу нас отметили продовольствием, что в то время ценилось дороже денег.

Работа в типографии, в среде рабочих с революционным опытом, была хорошей школой трудовой и политической закалки. Молодые рабочие горячо поддерживали решения партии, без колебаний шли за большевиками. Во время Ленинского призыва в партию в марте 1924 года я был принят кандидатом в члены ВКП(б). Вступление в ленинскую партию придало мне сил, энергии и ответственности за порученное дело.

Одним словом, многое, очень многое связывало меня с полиграфистами, людьми сложной и нужной профессии, а поэтому я всегда с удовольствием посещал типографию окружной газеты.

Еще одну очень важную работу постоянно проводило политическое управление. Я имею в виду организацию приема посетителей — солдат, сержантов, офицеров и их семей, родных и близких военнослужащих, — работу с письмами и жалобами, которых ежедневно поступало немало. Для приема мы установили день и часы. Посетителей принимал член Военного совета, начальник политуправления и заместители начальника политуправления. Как-то выходило так, что больше всего приходилось встречаться с посетителями мне. Скажу откровенно — это нелегкое занятие. Люди приезжали и приходили разные и по различным делам, чаще всего скрывавшимся за словами «по личному вопросу». Наш инструктор по печати В. Е. Александров в повести «Им открывают сердца», в главе «Пятница — тяжелый день» (мы проводили прием по пятницам) ярко описал один день приема посети-

телей во время его дежурства по политическому управлению и в следующей главе раскрыл нашу работу с письмами, жалобами и просьбами. Нужно сказать, что дело это было у нас на должном уровне. Всех, кто обращался в политическое управление, мы внимательно выслушивали, давали дельные советы, оказывали необходимую помощь, хотя это и не всегда было легко.

В центре внимания руководства Военного совета и политуправления округа всегда был вопрос о росте кадров политработников, постоянном повышении их теоретического образования, обогащении опытом практической работы. С этой целью для работников аппарата политического управления систематически организовывались лекции по важнейшим вопросам внутренней и международной политики КПСС, проводились занятия по изучению требований приказов Министра обороны, директив Главного политического управления СА и ВМФ, обсуждались практические мероприятия по их выполнению. На командирских занятиях изучалось оружие и боевая техника.

Полнокровной жизнью жила партийная организация, партийные группы в отделах. Партийное бюро, возглавляемое последовательно А. С. Гнедковым, П. Ф. Кулагиным, П. Г. Низовым, являлось коллективным органом руководства партийной организацией. На партийных собраниях обсуждались важнейшие вопросы жизни политуправления, на основе развернутой критики и самокритики вскрывались недостатки в работе отдельных коммунистов отделов, вырабатывались конкретные меры по устранению недостатков, направленные на улучшение всей работы. Усиление контроля за исполнением принятых решений, повышение требовательности в оценке любого поступка, кем бы он ни был совершен, — вот главный путь устранения недостатков, и его мы четко придерживались.

Не погрешу перед совестью, если скажу, что в политическом управлении мы всячески содействовали молодым политработникам в учебе и дальнейшем росте по службе.

Хорошей практической академией для командиров и политработников Советской Армии является полк. Мы стремились к тому, чтобы перспективные политработники по возможности проходили эту «жизненную академию». В политическом управлении таким перспективным политработником был инструктор отдела по работе среди комсомольцев П. Ф. Кулагин. Но до работы в аппарате он не прошел школы партийно-политической работы в полку. Однажды, при-

гласив его на доверительную беседу, я завел с ним разговор о его дальнейшей службе и откровенно посоветовал:

— Надо бы вам, Прохор Федорович, пройти школу заместителя командира полка по политической части.

Предложил должность. Он согласился.

Проработав в полку около двух лет, Кулагин вернулся в политическое управление округа, но уже на более высокую должность.

Внимательно следили мы за работой молодого политработника одной из танковых частей капитана Алексея Яковлевича Жука. Он отлично владел боевой техникой, пользовался авторитетом у личного состава. С должности пропагандиста его назначили заместителем командира по политической части, а затем перевели на должность сначала заместителя начальника, а потом и начальника политотдела соединения. На всех постах Алексей Яковлевич проявлял глубокий подход к решению сложных вопросов, умело организовывал партийно-политическую работу. Мы часто ставили его в пример другим политработникам.

Своевременно были подмечены нами хорошие организаторские способности у работника политотдела спецчастей Киевского гарнизона Владимира Николаевича Плахина. Мы видели в нем перспективного политработника. Пригласили на беседу в политуправление. После этого он был назначен заместителем командира одной из частей по политической части и прослужил в этой должности более двух лет. После этого тоже пошел на более ответственную должность. Впоследствии Владимир Николаевич Плахин возглавлял партийно-политический аппарат крупного масштаба. В настоящее время работает заместителем начальника кафедры марксизма-ленинизма Военной академии ПВО. И подобных примеров можно привести много.

Известно, что от уровня подготовки офицеров управлений и отделов штаба во многом зависит успех всей работы войск округа. Политический отдел штаба и управлений округа, работавший под руководством политического управления, главное усилие в своей деятельности направлял на формирование и воспитание у офицеров высокой ответственности за порученное дело.

Политическое управление работало в тесном содружестве со штабом округа. Офицеры часто заходили друг к другу за советом, делились своими планами.

Боевым помощником Военного совета и политического

управления во всех вопросах жизни войск округа являлась окружная газета «Ленинское знамя», редакторами которой были полковники К. П. Павлов, а затем П. А. Шурлаков.

В редакции сложился дружный коллектив. Не могу не отметить добросовестную работу заместителей редактора Б. Н. Буйских и Е. С. Дьяченко, начальников отделов Г. Г. Куприянова, Я. Г. Оксюты и других квалифицированных журналистов. Оперативность, правдивость и острота отличали материалы, публикуемые на страницах газеты. Я всегда с большой теплотой вспоминаю наших журналистов, которые успевали раньше всех побывать на занятиях, в частях и подразделениях, увидеть новое, что появлялось в войсках. Журналисты метким глазом подмечали и острым пером решительно критиковали недостатки в организации учебы, быта и культурного обслуживания личного состава.

Помню, на страницах «Ленинского знамени» широко освещался почин мотострелковой роты капитана П. Н. Лещинского за овладение солдатами и сержантами всем штатным оружием подразделения и танкистов роты капитана И. И. Цыганка о продлении межремонтных сроков эксплуатации машин, минуя средний ремонт. Артиллеристы батареи капитана Г. Е. Степанова выступили инициаторами борьбы за обеспечение взаимозаменяемости в расчетах, за подготовку отличных наводчиков и артиллерийских разведчиков.

Традицией стало проведение в частях и соединениях слетов отличников боевой и политической подготовки, на которых обобщался опыт и принимались обращения ко всем воинам округа. Такие слеты обычно бывали приурочены к важнейшим политическим мероприятиям в жизни страны, к годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции и Советской Армии. Газета широко освещала на своих страницах сообщения о слетах передовиков и отличников и их обращения к воинам.

Не могу не остановиться еще на одном важном вопросе в деятельности партийных и комсомольских органов — на организации физической подготовки воинов и спортивно-массовой работы. Наши воины-комсомольцы с энтузиазмом работали на строительстве спортивной базы. Только в 1957 году в частях и подразделениях было построено несколько стадионов, 3 спортивных зала, 19 помещений для занятий физической подготовкой, 12 водных станций, 48 гимнастических городков, 4 лыжные базы и много других спортивных сооружений. Эта работа проводилась и в последующие годы. Большое внимание уделялось развитию военно-прикладных видов спорта. Военные спортсмены принимали ак-

тивное участие в массовых праздничных выступлениях на стадионах Киева, Харькова, Днепропетровска, Донецка, Чернигова и других городов, а также в республиканских и областных соревнованиях по многим видам спорта, добивались высоких результатов.

Лучших показателей в спортивной работе достигли части и военно-учебные заведения, где спортивные комитеты возглавляли офицеры Е. М. Митин, М. И. Чиковани, В. Ф. Ширяев, С. А. Яралов.

Уверенно выступали спортсмены округа в составе сборных команд Советского Союза за рубежом. В 1956 году в Мельбурне чемпионом Олимпийских игр стали стрелок Виталий Романенко и пятиборец Иван Дерюгин, в 1960 году— борец Иван Богдан и метатель копья Иван Цибуленко. В 1963 году мотогонщик Игорь Григорьев стал первым призером мирового чемпионата. В 1964 году золотые медали в Токио выиграли фехтовальщик Григорий Крисс и штангист Леонид Жаботинский. В гребле победил Владимир Морозов.

На дорогах Польши, ГДР, Чехословакии в Велогонке мира в 1956, 1958, 1959 годах побеждал Николай Колумбет. В последующие годы спортсмены округа завоевывали призовые места, и в честь этих побед неоднократно на чемпионатах мира и Европы звучал Гимн Советского Союза.

Как и прежде, большую часть времени я отводил на работу в войсках. Особенно запомнилась партийная конференция одного из соединений, которая прошла организованно, при высокой активности делегатов, в обстановке острой критики и самокритики.

Побывал я с группой офицеров политического управления и в части Днепропетровского гарнизона.

Большую пользу для изучения жизни войск округа принесла работа группы офицеров политического управления и штаба во главе с командующим в авиационных частях. Мы обратили внимание всех политорганов, политработников и секретарей партийных бюро на необходимость работы по приему в партию передовых командиров, сержантов и рядовых, что будет способствовать повышению боевой готовности.

Я вспомнил, что во время моей службы на Камчатке в 1940 году в авиационном полку летали все политработники. Мой первый в жизни полет был на самолете СБ в штурманской кабине, а самолетом управлял заместитель коман-

дира эскадрильи по политической части С. В. Королев, хорошо владевший машиной.

Летом и осенью 1955 года большинство частей и военных училищ, кроме высших, находились в лагерях. С большой настойчивостью личный состав занимался боевой и политической подготовкой, осваивал новую технику, поступающую в войска.

Все командиры соединений и частей, политорганы, политработники, партийные и комсомольские организации большое внимание уделяли изучению личным составом нового оружия, новых способов и приемов ведения современного общевойскового боя.

Политическим управлением совместно с ведущими управлениями округа была разработана «Памятка солдату и сержанту по защите от атомного оружия». Особое внимание обращалось на то, чтобы каждый воин осознавал, что действия в условиях применения новых средств борьбы потребуют от него величайшего напряжения моральных и физических сил, строжайшей дисциплины.

Работники политуправления большую часть времени проводили в подразделениях, находящихся в лагерях, оказывали помощь командирам и политработникам в организации партийно-политической работы на тактических учениях, стрельбах, полигонах, автодромах и танкодромах. Лично я с группой работников штаба и политуправления в летний период находился в лагерях частей, где политработниками были Д. П. Панкратов, Я. Я. Заславский, Г. А. Протасеня, А. М. Авдеев, А. Ф. Черкасов.

Политическое управление настойчиво добивалось, чтобы все политработники частей и подразделений в совершенстве овладели военным делом. В округе был хороший пример. Офицеры А. Я. Жук и В. А. Соболев первыми среди политработников стали мастерами вождения и стрельбы из танков с ходу. Этот опыт всячески пропагандировался.

Не менее важное значение для повышения боевой готовности войск имело совершенствование знаний техники и оружия. В целях оказания помощи в организации военно-технической пропаганды политическое управление совместно с другими отделами и управлениями штаба разработало и разослало в войска примерные тематические планы пропаганды военно-технических знаний и справочник «Средства атомного нападения США и меры защиты от них». В Домах офицеров и солдатских клубах проводились

консультации, устраивались выставки, стенды, витрины на военно-технические темы, демонстрировались военно-технические фильмы. Все это дало ощутимые результаты во время проводимых учений войск.

Политическое управление округа, политорганы и партийные организации уделяли постоянное внимание воспитанию личного состава на боевых традициях Вооруженных Сил, округа, своих подразделений. Успеху этой работы способствовало то обстоятельство, что на территории округа дислоцируется прославленное соединение, которое в годы Великой Отечественной войны героически сражалось с врагом. За мужество и отвагу в боях с врагом десятки его воинов удостоены звания Героя Советского Союза.

Бессмертный подвиг совершил взвод этого соединения, которым командовал лейтенант П. Н. Широнин. В течение пяти суток он оборонял железнодорожный переезд близ села Тарановка, что южнее Харькова, отразил многочисленные атаки противника. 30 фашистских танков, бронемашин и штурмовых орудий остались разбитыми на поле сражения. Фашисты не прошли. За героический подвиг, который явился повторением того, что совершили герои-панфиловцы на разъезде Дубосеково под Москвой осенью 1941 года, все 25 отважных гвардейцев взвода лейтенанта Петра Николаевича Широнина Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1943 года удостоены звания Героя Советского Союза. Их слава никогда не померкнет, она будет жить в веках.

Важнейшей формой воспитания воинов на боевых традициях являются музеи истории боевой славы. Во время моей работы в округе первый такой музей был создан в 1956 году в гвардейской части. Идея создания музея обрела материальную основу после длительной, напряженной и кропотливой работы группы политработников и журналистов. По крупице собрали, уточнили и упорядочили они исторические формуляры частей и соединений, разослали огромное количество писем ветеранам военных лет, связались с Героем Советского Союза К. Г. Середой, а также с писательницей, бывшим командиром артиллерийского взвода Тамарой Сычевой, автором книги «По зову сердца». От них получили вдохновенные письма, а затем пригласили на открытие музея.

Тамара Сычева в боевом артиллерийском парке узнала свою фронтовую пушку, о боевом пути которой рассказала в книге. В торжественной обстановке в присутствии Т. Сычевой эта пушка была вручена передовому расчету. Музей

установил тесные связи с партийными и советскими органами, трудящимися и музеями города, который в 1943 году освобождала гвардейская часть. Особенно теплые встречи состоялись с городским детским домом, которому после освобождения города для поддержания истощенных до крайности детей, уцелевших после оккупации, гвардейцы подарили корову, помогли продовольствием. Было организовано шефство школ и предприятий над могилами павших при освобождении городов и сел гвардейцев. Большую работу по пропаганде боевых традиций проводила газета «Ленинское знамя».

Политическое управление всемерно поддерживало инициативу создания музеев истории боевой славы соединений и частей и принимало необходимые меры, чтобы все политорганы и политработники широко использовали их в воспитательной работе с личным составом.

Постепенно во всех соединениях, военно-учебных заведениях и многих частях были созданы музеи или комнаты боевой славы, ставшие центром воспитания мужества и героизма личного состава.

Анализируя и обобщая опыт этой работы, на совещании с командирами и начальниками политорганов я сделал доклад «О воспитании личного состава на боевых традициях частей и соединений округа».

Это было своеобразным итогом проделанной работы.

Одной из важнейших форм партийно-политической работы политическое управление считало постоянную связь политорганов и политических работников с родными, друзьями, предприятиями и учреждениями воинов, пришедших на военную службу. Письма-благодарности родителям за отличную службу их сыновей, письма-обращения матерей и коллективов предприятий, колхозов и совхозов, встречи с ветеранами частей — вот далеко не полный перечень этих форм воспитания. Окружная печать широко распространяла среди воинов письма-наказы родителей, информацию о встречах. Об этой интересной и весьма эффективной форме воспитательной работы на живых примерах говорилось в статье, опубликованной в окружной газете под заголовком «Слова, идущие от сердца» [1].

Здесь же рассказывалось об опыте клуба, в котором организовывались радиопередачи на тему «Вот что пишут твои родные, воин!». В материале дано содержание двух писем: ответ матери отличного воина — наводчика танкового ору-

---

[1] См.: Ленинское знамя, 1957, 29 сент.

дия ефрейтора Владимира Климова Клавдии Петровны Климовой командиру, а также ответ шахтеров шахты № 10-16, что в Иркутской области, на имя командира части, сообщавшего об успехах в воинской службе отличного танкиста коммуниста Степана Полигалова, который до призыва в армию работал на этой шахте. Письма командира родителям отличного воина шли в коллектив, где он трудился до военной службы, олицетворяли собой неразрывную связь нашей армии с народом. Сколько радости они приносили в семьи защитников Родины, в их трудовые коллективы! Такие письма, статьи в газетах читают родственники, друзья, соседи, товарищи по работе.

* *
*

Запомнилось мне большое двухстороннее тактическое учение, состоявшееся в период моей службы в округе. Учение проходило в сложных условиях, при сильной пурге. Оно продемонстрировало выдержку и мужество воинов и командно-политического состава, которые перенесли немало трудностей и невзгод. Следует отметить умелое руководство и хорошую партийно-политическую работу по обеспечению передовой роли коммунистов и комсомольцев политорганов, где начальниками были Д. П. Панкратов и И. А. Романенко. Учение также явилось серьезной проверкой боевой готовности войск. Требования ко всем командирам и начальникам предъявлялись самые строгие.

Вскоре после этого учения на должность начальника штаба округа прибыл хорошо подготовленный, волевой генерал-полковник Семен Павлович Иванов. Вновь военная судьба свела нас. На протяжении всего времени у нас с ним были строго деловые, товарищеские отношения.

Большое значение для совершенствования партийно-политической работы в Вооруженных Силах имело совещание начальников политических управлений округов и флотов, состоявшееся в апреле 1956 года в Москве. С докладом выступал начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковник А. С. Желтов. Состоялся обстоятельный обмен опытом партийно-политической работы в войсках в условиях научно-технической революции и перевооружения частей и соединений всех видов и родов войск новым оружием и боевой техникой. Всех участников совещания ознакомили с новым оружием и боевой техникой.

Участники совещания обсудили проекты документов: «Положение о политорганах» и «Инструкция партийным организациям Советской Армии и Военно-Морского Флота».

Летом и осенью проводилось много учений, и среди них в июле — двустороннее тактическое учение с форсированием с ходу крупной водной преграды и развитием наступления в глубине обороны противника в условиях применения «атомного оружия». На учении присутствовал главнокомандующий Сухопутными войсками Маршал Р. Я. Малиновский. Мы сумели создать обстановку современного боя, близкую к реальной, по которой личный состав действовал с полной отдачей всех моральных и физических сил и успешно справился с поставленными задачами.

Для обобщения и распространения передового опыта в январе 1957 года провели окружной слет отличников боевой и политической подготовки. На слет пригласили командиров передовых подразделений, взводов, отделений, артиллерийских расчетов, танковых экипажей, отличников учебы частей и курсантов военных училищ. С докладом «Требования Министра обороны СССР по боевой и политической подготовке на 1957 год и задачи отличников учебы» выступил генерал-лейтенант С. Г. Горячев. Участники слета поделились своим опытом, позволившим добиться высоких показателей в учебе. Мастер вождения танка старший сержант А. В. Разумный рассказал о приемах работы, с помощью которых удается значительно повысить боеспособность машины, продлить срок ее службы, дать экономию горючего и моторесурсов. В течение года танкисты роты продлили срок службы танков более чем на 1500 моточасов. На счету самого А. В. Разумного — 220 моточасов, а у его боевых товарищей — механиков-водителей Вергалова, Линникова, Худышкина, Криничного, Марченко, Прокопчука — более 100 моточасов у каждого.

Младший сержант Т. И. Рябой рассказал, как по инициативе комсомольцев во внеурочное время работали кружки по изучению оружия, проводились состязания по его разборке и сборке. Многие воины роты отлично владеют оружием.

На слете с большой речью выступил командующий войсками В. И. Чуйков. Он призвал отличников передавать свой опыт всем воинам округа, помочь командирам вывести все отделения, взводы, роты в число передовых.

Участники слета приняли обращение ко всему личному составу округа, в котором призвали развернуть соревнование за достойную встречу Всеармейского совещания отлич-

ников. Обращение обсуждалось во всех подразделениях, где намечались конкретные рубежи совершенствования боевого мастерства.

По материалам слета политическое управление издало сборник «Говорят отличники учебы». В войска направлялись красочно оформленные плакаты «Быть отличником — патриотический долг воина!», «Мастера меткого выстрела» и другие, а также различные листовки, рассказывающие об опыте минометного расчета старшего сержанта Рыжанского, командира орудия сержанта Францнена, связиста ефрейтора Веретельникова, стрелка рядового Нарушавичуса, автоматчика рядового Розинова, авиатора младшего сержанта Семянских, оператора сержанта Суворова, танкового экипажа старшины Раева, мастеров спорта старшего лейтенанта Романенко, старшины Пузыря и других.

В мае 1957 года состоялось Всеармейское совещание отличников. Оно положило начало широкому развитию в частях социалистического соревнования в честь 40-й годовщины Великого Октября.

Совещание призвало умножать ряды отличников, классных специалистов, спортсменов-разрядников, отличных подразделений, продлевать межремонтные сроки работы боевых машин, экономить горючее и смазочные материалы. Упорным трудом солдат, сержантов и офицеров намеченные рубежи были взяты. К концу 1957 года количество отличников по сравнению с началом учебного года увеличилось в 1,6 раза, передовых отделений, расчетов, экипажей, взводов, рот и батарей — больше чем в 2 раза, классных специалистов и спортсменов-разрядников — в 2 раза.

В предпраздничном соревновании особенно высоких результатов добилось танковое подразделение, где командиром был подполковник Б. П. Перчевский, заместителем по политической части — капитан И. П. Мурог. Это дало ему право участвовать в параде войск на Красной площади в день 40-й годовщины Октября. Танкисты продемонстрировали в Москве высокую выучку.

Хорошо помню, как по инициативе и под руководством Василия Ивановича Чуйкова впервые в Вооруженных Силах проводилось показное тактическое учение — наступление с форсированием танками по дну реки Днепр.

Штаб округа, политуправление готовились к учению со всей ответственностью. План учения разработали под руководством В. И. Чуйкова генералы И. В. Болдин, С. П. Иванов и другие.

Большая группа офицеров политического управления во главе с полковником С. А. Бобылевым продолжительное время работала в частях соединения с личным составом. За подготовкой к учениям постоянно следил Николай Михайлович Александров. Мы с ним неоднократно выезжали в части, беседовали с механиками-водителями танков и командирами подразделений. Главное состояло в том, чтобы преодолеть морально-психологический барьер водобоязни, которая иногда проявлялась даже у смелых офицеров. Главную роль в победе над водобоязнью сыграл личный пример политработников во главе с полковником А. И. Лебедевым, который прекрасно водил танк и в период подготовки к учениям не раз садился за рычаги, чтобы первым выполнить упражнение.

Окружная газета «Ленинское знамя» на своих страницах активно пропагандировала опыт быстрой и надежной подготовки танков к преодолению водных преград, рассказывала о механиках-водителях, освоивших подводное вождение. Например, старшины Г. Истомин, И. Маринец, старшие сержанты П. Казаков, Ф. Шевченко, сержанты Г. Зюлин и Н. Карпов выполнили упражнения по 70—80 раз, а командир танка сержант С. Вакулюк и механик-водитель младший сержант В. Филиппов преодолели реку по ее дну по 92 раза.

Понимая, что успех проведения учений во многом зависит от твердой и бесперебойной работы средств связи, политическое управление уделяло серьезное внимание работе с воинами-связистами. Лично я неоднократно встречался с генералом Е. Е. Бережным и другими офицерами, на которых ложилась ответственность за обеспечение связи. Учения прошли успешно, принесли большую пользу в совершенствовании боевой выучки. Министр обороны объявил личному составу благодарность.

Важным событием в жизни Советских Вооруженных Сил явился октябрьский (1957 г.) Пленум ЦК КПСС, который рассмотрел вопрос «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». Пленум осудил нарушения ленинских норм партийной жизни в Вооруженных Силах, подчеркнул решающее значение и необходимость строгого соблюдения принципов партийного руководства в Советской Армии.

Коммунисты на собрании партийного актива округа, партийных активах соединений и партийных собраниях обсу-

дили решения Пленума и положили их в основу своей практической деятельности.

Я обобщил все критические замечания, высказанные на партийных активах и партийных собраниях, и доложил о них командующему войсками округа. Василий Иванович Чуйков выслушал меня внимательно, потом спросил:

— Что, по-твоему, надо перестроиться?

— Перестроиться, может, и трудно, а поправиться нужно, — сказал я.

Он долго молчал, потом сказал уже твердо:

— Нужно перестроиться.

После той беседы мои личные отношения с Василием Ивановичем стали ближе и теплее. Не было недели, чтобы он не позвонил. Хотя говорил всегда одно слово: «Зайди», но это свидетельствовало о том, что он хотел согласовать с политическим управлением какое-то свое важное решение.

По примеру командующего перестраивались и другие руководители. Так, коммунисты одного из военных училищ на партийном собрании, на котором я выступал с докладом, острой критике подвергли начальника училища генерал-лейтенанта И. И. Петрова. После собрания я пригласил Ивана Ивановича в политическое управление и рассказал ему о критических замечаниях в его адрес. На собрании он не присутствовал, поскольку был беспартийным. Все услышанное его очень огорчило. Он близко принял к сердцу все замечания, обещал исправить положение, а в конце беседы заявил:

— Вот, решил подать заявление о приеме меня в партию.

Такого исхода беседы я не предвидел. Задумался: что же посоветовать? Ивана Ивановича я знал как активного участника гражданской и Великой Отечественной войн, настоящего патриота. В том, что он достоин высокого звания коммуниста, я не сомневался. Однако своевременно ли? Ведь только накануне его критиковали на партийном собрании.

— Знаете что, Иван Иванович, — сказал я, — давайте немного подождем. Подумайте над критическими замечаниями коммунистов. Поправьте дела... Потом и поговорим.

Генерал понял меня правильно и обещал устранить недостатки.

На другой день я пригласил к себе секретаря парторганизации управления училища подполковника В. П. Емца, рассказал ему о беседе с Иваном Ивановичем Петровым и спросил:

— Как вы считаете, примут коммунисты его в партию?

Он мне твердо ответил:

— Примут.

— А все-таки поговорите с людьми, посоветуйтесь, — предложил я.

Вскоре подполковник Емец рассказал мне, что коммунисты училища считают генерала Петрова вполне достойным высокого звания члена ленинской партии. И вот на шестьдесят втором году жизни И. И. Петров стал коммунистом.

Большую работу мы проводили по укреплению партийных организаций подразделений за счет передовых воинов. Уже к 1960 году среди коммунистов округа было 14,4 процента солдат и сержантов, а в 1963 году удельный вес их составил 24 процента. Среди солдат партийная прослойка составила 6 процентов, среди сержантов — 35 процентов. Интересен и такой показатель. В 1963 году из числа принятых в партию 82 процента проходили службу непосредственно в строю. На 1 января 1963 года 96,4 процента рот и батарей имели полнокровные организации или партийные группы.

Осенью 1958 года под руководством командующего войсками округа была проведена проверка боевой и политической подготовки в одном из соединений. Первой проверялась часть, которой командовал Герой Советского Союза подполковник Д. И. Осатюк.

Помню раскисшее от дождя стрельбище. Шел дождь, условия для выполнения учебных стрельб были далеко не самыми лучшими. И тут Осатюк громко, чтобы слышали все, сказал своему заместителю по политической части Н. М. Корнееву:

— Ну, комиссар, мы должны стрелять первыми.

Это произвело впечатление на бойцов. Все внимательно следили за тем, как стреляют командир полка и замполит. И не трудно себе представить всеобщую радость, когда оба офицера выполнили упражнение на «отлично». Даже В. И. Чуйков, человек скупой на похвалу, сказал сопровождающим его офицерам:

— Поехали в другой полк. Здесь должно быть все в порядке. Проверять нечего...

Во время проверки у меня состоялась обстоятельная беседа с подполковником Николаем Михайловичем Корнеевым. Я расспросил о делах, посоветовал особое внимание обратить на работу с рядовым и сержантским составом.

— Важно, чтобы офицеры и сержанты внимательно изучили индивидуальные особенности воинов, учитывали это в своей воспитательной работе с каждым.

— Мы стараемся учитывать это, — ответил Корнеев. — У нас ведь более пятидесяти процентов солдат и сержантов выросли без отцов, а около десяти — круглые сироты.

— Так вот, к этим людям у вас должен быть особый подход, — заметил я.

В целом результаты проверки и итоги проделанной работы меня радовали. Обобщив опыт проверенной нами части, мы постарались как можно быстрее сделать его достоянием всего округа.

В апреле 1960 года Маршал Советского Союза В. И. Чуйков был назначен главнокомандующим Сухопутными войсками — заместителем Министра обороны СССР. Весь руководящий состав округа тепло проводил Василия Ивановича к новому месту службы, пожелал ему успехов на более ответственном посту.

Командующим округом прибыл дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Петр Кириллович Кошевой. В годы Великой Отечественной войны он командовал дивизией, а затем корпусом, удостоен многих правительственных наград. В послевоенное время П. К. Кошевой занимал ряд ответственных должностей, командовал Сибирским военным округом. Он в совершенстве знал вопросы боевой и политической подготовки всех родов войск и многое делал для повышения боевой готовности. Особое внимание он уделял обучению и воспитанию руководящих кадров, укреплению воинской дисциплины и повышению боевой готовности частей и соединений. Предметом его заботы было и постоянное совершенствование учебной базы: вводились в строй электрифицированные и механизированные танковые директрисы и войсковые стрельбища, в учебных центрах создавались условия, позволяющие обучать войска с учетом требований современного боя.

Петр Кириллович много внимания уделял улучшению материально-бытовых условий войск, строительству и благоустройству военных городков.

Большой признательности заслуживают военные строители округа, которые под руководством заместителя командующего по строительству и расквартированию войск, Героя Советского Союза генерала И. Д. Зайцева, начальника строительного управления полковника-инженера Р. П. Дудника, начальника политического отдела полковника Л. М. Моисеенкова сплотили дружный коллектив строителей, успешно решавший большие и сложные задачи

по строительству жилых домов для офицерского состава, школ, культурно-бытовых учреждений.

В связи с оснащением частей и соединений значительным количеством боевой техники потребовалось соорудить новые хранилища и боксы, усовершенствовать уже имеющиеся парки и склады. Эта задача решалась сложно, приходилось преодолевать массу препятствий различного характера. Политическое управление оказывало всемерную помощь руководству и политотделу строительного управления в воспитании личного состава строительных частей и мобилизации их на выполнение напряженных планов строительства.

Среди строителей развернулось социалистическое соревнование. Вместе с политотделом строительных частей мы обобщали, пропагандировали и внедряли опыт передовых воинов-строителей, передовых бригад и частей. Это нашло выражение в многочисленных листовках, а также сборниках «Военные строители». Материалы о строителях регулярно публиковались в газете «Ленинское знамя», а позднее нашли отражение в сборнике «Партийно-политическая работа среди военных строителей», изданном Воениздатом в 1962 году.

Я уже говорил, что в послевоенный период проблемой номер один было обеспечение жильем населения, в том числе, конечно, и офицерских семей.

Газета «Ленинское знамя» неоднократно посвящала этой проблеме отдельные материалы и целые полосы.

Помню, в передовой статье «Строить жилые дома быстрее, добротнее!» говорилось:

«С каждым днем вступают в строй новые и новые объекты. На местах, где раньше были заброшенные пустыри, вырастают целые улицы и благоустроенные поселки. Многие семьи офицеров справят в этом году новоселье в четырехквартирных домиках, воздвигнутых руками воинов» [1].

Здесь же наряду с организационно-техническими вопросами поднимались задачи усиления массово-политической работы среди воинов, занятых на строительных объектах. Этой важной проблеме была посвящена одна из страниц газеты под заголовком «Наш вклад в общенародное дело».

Газета зорко следила за ходом выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». Так, в апреле она опубликовала материал Ф. Днепрова и С. Куликова «На стройке

---

[1] Ленинское знамя, 1957, 21 авг.

нового городка», в котором рассказывалось о том, как в Н-ской части организовано социалистическое соревнование на строительстве домов. Затем на интересных примерах, фактах, фотоснимках об опыте партийно-политической работы поведала об изменениях за истекшее время.

В августе на тематической странице «Наш вклад в общенародное дело» ярко рассказывалось о рождении в частях ценного почина — личного посильного участия будущих жильцов в строительстве жилых объектов. Будущие жильцы помогали воинам-строителям производить побелку, покраску, благоустраивали дворы, обеспечивали воинов водой, ремонтировали их обмундирование и спецодежду.

Военный совет округа в целях помощи строителям в решении вопросов жилищного строительства возложил на меня, как члена Военного совета, политическое руководство этим важнейшим участком.

Много, очень много хорошего сделали строители. Трудно все перечислить. Их труд высоко отмечен Военным советом округа, Министром обороны СССР. Большой группе военных строителей Президиум Верховного Совета Украинской ССР присвоил почетное звание «Заслуженный строитель Украинской ССР».

Строители округа с честью выполнили задания по оказанию интернациональной помощи узбекскому народу по восстановлению города Ташкента, разрушенного землетрясением в 1966 году. Они соорудили свыше 30 тысяч квадратных метров жилья, комплекс культурно-бытовых зданий. Подполковник А. И. Суховерхов, капитан А. Л. Иванов, рядовой С. Хайдаров и многие другие награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Многие строители поощрены Министром обороны. Коллективу строителей округа вручены на вечное хранение Красные знамена ЦК ЛКСМ Узбекистана и Главвоенстроя МО СССР.

Особо хотел бы выразить признательность за человечность и партийное отношение к делу И. Д. Зайцеву. Генерал-лейтенант И. Д. Зайцев был человеком исключительного трудолюбия, доступным людям, скромным и отзывчивым. Иван Дмитриевич являлся членом Союза писателей СССР, он автор ряда драматургических произведений, которые и по сей день идут в театрах Украины и других республик. Выступает Зайцев под псевдонимом Иван Рачада. Его драматургические произведения «Есть такая партия!», «Когда мертвые оживают?», «Сын генерала», «Над голубым Дунаем», «Суд матери», «Чего боятся ястребы?», «Золотые воро-

та», «Тяжелая расплата», «Суд Фемиды» и другие, написанные на историческую и современную тематику, пользуются неизменным успехом у зрителей.

Важным событием в жизни Вооруженных Сил СССР явилось Всеармейское совещание секретарей первичных партийных организаций, созванное в мае 1960 года по решению ЦК КПСС. Оно явилось ярким свидетельством заботы Коммунистической партии о дальнейшем укреплении Вооруженных Сил, о всемерном улучшении партийно-политической работы в армии и на флоте.

В ходе подготовки к совещанию политорганы и партийные организации усилили свое влияние на жизнь частей и соединений. В результате выросло число отличников боевой и политической подготовки, классных специалистов, спортсменов-разрядников, отличных подразделений. Опыт лучших обобщался и широко пропагандировался в частях.

Политическое управление выпустило сборник «За высокую активность и боевитость партийных организаций», на страницах которого были помещены статьи работников политического управления и ряда политорганов, сотрудников редакции окружной газеты, секретарей партийных бюро и партийных организаций.

В работе Всеармейского совещания вместе с секретарями первичных партийных организаций принимали участие члены военных советов — начальники политических управлений округов и флотов, другие категории командиров и политических работников. На совещании всесторонне обсуждалась работа партийной организации, было принято постановление, направленное на дальнейшее улучшение деятельности партийных организаций по выполнению задач, поставленных Коммунистической партией перед Вооруженными Силами.

Исторической важности событием был XXII съезд КПСС. Еще летом 1961 года печать опубликовала сообщение о созыве в октябре очередного съезда партии. Одновременно были опубликованы проекты Программы и Устава партии для всепартийного обсуждения.

К воинам округа обратились с письмом ветераны партии: М. П. Потапов — член КПСС с 1914 года, Н. А. Ховрин — член КПСС с 1915 года, А. С. Неволин — член КПСС с 1917 года, В. Д. Крюченкин, А. И. Ачкасов, В. Е. Васильев — члены КПСС с 1918 года, Ф. С. Иванов — член КПСС с 1919 года.

В своем письме они писали:

«Вам, дорогие товарищи, вашему поколению, предстоит осуществить все, что намечает партия в своей новой Программе. Входите в жизнь как настоящие хозяева страны, вооруженные знаниями марксистско-ленинской науки, сильные духом и телом, непоколебимо верящие в бессмертное дело Ленина, в победу коммунизма. В Программе КПСС указывается, что укрепление обороноспособности страны партия считает своим священным долгом, долгом всего советского народа...

...Вам, товарищи воины, доверено самое дорогое — охрана родной страны, ее великих завоеваний. Вам, словно эстафету, мы передаем могучее оружие, блистательную славу и героические традиции Советской Армии. Теперь вы отвечаете за спокойствие наших границ, за чистоту родного неба. Будьте же всегда начеку, как завещал Ленин. Пусть вдохновляют вас на ратный труд великие ленинские идеи» [1].

В ответ на обращение ветеранов партии воины округа, встав на предсъездовскую вахту, развернули социалистическое соревнование за увеличение числа отличников, классных специалистов, отличных отделений, расчетов, экипажей, подразделений, обязались каждодневно выполнять учебно-боевые задания только на «отлично» и «хорошо».

На партийных собраниях и конференциях частей и соединений прошло обсуждение проектов Программы и Устава партии. Завершила эту работу XXI окружная партийная конференция, которая обсудила доклад члена Военного совета — начальника политуправления Н. М. Александрова о проекте Программы, а мне было поручено выступить с докладом о проекте Устава КПСС.

Командующий округом П. К. Кошевой сделал доклад «О партийно-политической работе по выполнению требований ЦК КПСС и Советского правительства о всемерном повышении бдительности и боевой готовности войск».

Делегаты конференции, как и все коммунисты, единодушно одобрили проекты Программы и Устава партии, поделились опытом борьбы воинов за повышение качества боевой и политической подготовки, укрепление дисциплины и высокую боевую готовность.

Все воины округа с неослабным вниманием и высоким политическим подъемом следили за ходом работы XXII съезда КПСС, проходившего с 17 по 31 октября 1961 года в Москве.

---

[1] Будущему навстречу. ПУ КВО, 1962, с. 16.

Воины-гвардейцы Н-ской части телеграфировали: «Мы с большой радостью и гордостью рапортуем XXII съезду родной Коммунистической партии, что в наших рядах насчитывается сотни отличников боевой и политической подготовки и классных специалистов. В подразделениях развернулась упорная борьба за получение воинами трех-четырех знаков солдатской доблести, за овладение смежными специальностями, за экономию горючего и продление межремонтных сроков эксплуатации боевых машин. Жить, работать и учиться по моральному кодексу строителя коммунизма стало потребностью наших воинов. Мы обязуемся усилить напряжение в боевой учебе, будем всегда являть собой образец воинской дисциплины и организованности, бдительности, будем готовы в любую минуту, по первому приказу занять свои места у орудий и боевых машин и выступить на защиту нашей любимой Родины — Союза Советских Социалистических Республик» [1].

Итоги социалистического соревнования, подведенные накануне открытия съезда, были отрадными. В 1961 году по сравнению с предыдущим годом количество отличников в округе возросло на 20 процентов, классных специалистов — на 10 процентов, спортсменов-разрядников — на 19 процентов. В авиационных частях число летчиков 1-го класса возросло на 24 процента, 2-го класса — на 20,5 процента [2].

За хорошие показатели в боевой и политической подготовке и укреплении воинской дисциплины часть офицера К. А. Сорокина удостоена Знамени Военного совета округа, а комсомольская организация части, где секретарем был офицер М. П. Рукавицын, награждена переходящим Знаменем ЦК ЛКСМ Украины.

Больших успехов добились воины-танкисты, танкотехническое и суворовское училища. Киевское училище второй год подряд занимало первое место среди суворовских военных училищ и было награждено переходящим Красным знаменем и Почетной грамотой Министерства обороны.

Решения XXII съезда партии глубоко изучались коммунистами и всем личным составом округа и претворялись в практической работе.

В ноябре 1961 года окружная газета опубликовала обращение воинов роты капитана Н. М. Вылко к танкистам и артиллеристам, авиаторам и пехотинцам, связистам и саперам, военным строителям с призывом внести и свой вклад

[1] Архив КВО, оп. 32254, д. 1, л. 71.
[2] Архив КВО, оп. 16228, д. 1, л. 18, 139.

в дело коммунистического строительства. «В наступающем учебном году, — говорилось в обращении, — на полигоне, танкодроме, учебных полях, на занятиях и тактических учениях отстоим высокое звание отличной роты, завоеванное в соревновании за достойную встречу XXII съезда КПСС. Будем работать без отстающих в учебе и дисциплине. Вырастим не менее 65—70 процентов отличников, 10 мастеров огня, 2 отличных взвода и 7 отличных экипажей. Все механики-водители повысят классность, научатся водить машины по нормам на ступень выше присвоенной квалификации».

Призыв роты капитана Н. М. Вылко был подхвачен воинами округа, получил широкое распространение. Хороших результатов добивались комсомольцы. За высокие показатели в боевой и политической подготовке и образцовую дисциплину четыре комсомольские организации и тысячи комсомольцев были награждены Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМУ.

Летом 1962 года Н. М. Александров был переведен в Южную группу войск. Членом Военного совета — начальником политического управления стал генерал-лейтенант Василий Яковлевич Головкин. Человек спокойный, уравновешенный, к решению вопросов он подходил вдумчиво, без торопливости, как народная мудрость говорит: «Семь раз отмерь — один раз отрежь». Он внимательно относился к командирам и политработникам, был доступен, пользовался большим авторитетом в округе.

Предметом особой заботы командующего войсками, Военного совета и политического управления были учебные подразделения, готовившие командиров танков, механиков-водителей, командиров отделений и расчетов. Офицеры политического управления постоянно работали в учебных подразделениях, участвовали в подготовке и проведении партийных и комсомольских собраний, занятий в системе марксистско-ленинской подготовки офицеров, проводили семинары с руководителями политических занятий, секретарями партийных и комсомольских организаций парторгами и комсоргами, редакторами ротных стенных газет, агитаторами. Лекторы систематически выступали с лекциями и докладами перед офицерами, сержантами и курсантами.

Большое внимание организации учебного процесса в частях уделял опытный, хорошо подготовленный методист — первый заместитель командующего генерал Петр Николаевич Лащенко (впоследствии генерал армии), генералы А. Ф. Покальчук и В. Ф. Чиж. В целом учебные подраз-

деления имели отличные результаты в подготовке командиров танков, механиков-водителей, командиров отделений и расчетов.

Глубокие изменения в техническом перевооружении войск, в средствах и способах борьбы, возросший уровень общеобразовательной подготовки личного состава предъявили более высокие требования к руководящим кадрам. Все это обязывало офицеров и генералов иметь высокую политическую и военно-техническую подготовку, широкий общеобразовательный кругозор, умение владеть передовыми методами обучения и воспитания. Вопросы подбора, воспитания и расстановки кадров были в центре внимания Военного совета, командиров, политических органов, партийных организаций.

Наш округ еще до Великой Отечественной войны слыл одной из важнейших кузниц командных кадров. Военные училища готовили командиров для всех родов войск. Около 500 воспитанников округа в годы Великой Отечественной войны были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В послевоенный период военно-учебные заведения продолжали активно готовить кадры для Вооруженных Сил.

Политическое управление поддерживало связь с помощниками командующего по вузам. Мне довелось работать с генералами И. И. Карпезо, А. И. Белогорским и И. Л. Царенко, которые последовательно занимали эту должность. Вместе с ними офицеры политического управления участвовали в проверках, оказывали помощь начальникам училищ и политотделам в повышении ответственности преподавателей за обучение и воспитание курсантов. Политическое управление держало под неослабным контролем работу политотделов (партийных комитетов), кафедр и циклов общественных наук, партийных и комсомольских организаций по обеспечению примерности коммунистов и комсомольцев в учебе, воинской дисциплине и повышения их влияния на всех курсантов. Руководящие работники политического управления принимали активное участие в работе партийных конференций и активов, партийных и комсомольских собраний. В связи с заменой политотделов и заместителей начальников факультетов по политчасти выборными органами — партийными комитетами и партийными бюро многие политработники нуждались в практической помощи и поддержке. Мы старались такую помощь оказывать.

Боевая готовность войск и физическое здоровье личного состава нераздельны. Работа военных госпиталей, медицин-

ских пунктов всегда была в поле зрения нашего политуправления. Ведущим медицинским учреждением являлся окружной военный госпиталь — один из старейших в Советской Армии. В 1955 году он отметил 200-летний юбилей, и работники этого лечебного учреждения гордились тем, что в былые годы за операционным столом здесь стоял выдающийся русский хирург Н. И. Пирогов. Во время Великой Отечественной войны на излечении в госпитале находились десятки тысяч раненых советских бойцов и командиров. За период моей работы в округе Военный совет принял ряд мер по расширению и укреплению материально-технической базы госпиталя. Были отремонтированы старые здания, построен новый корпус, дальнейшее развитие получили лаборатории. Немало сделано и по оснащению первоклассной медицинской аппаратурой.

Много лет во главе Киевского окружного госпиталя находился фронтовик полковник медицинской службы А. И. Чижиков. Вместе с начальником медицинской части, также фронтовиком, полковником медицинской службы В. И. Муратовым они создали и воспитали дружный коллектив. За успехи в лечении больных, восстановлении здоровья воинов и большую научную работу госпиталь награжден орденом Красной Звезды.

Политическое управление всемерно поднимало роль политорганов Киевского областного и городского военных комиссариатов, а также военкоматов других областей, направляя их усилия на повышение мобилизационной готовности войск, организацию военно-патриотического воспитания допризывной молодежи.

К работе с допризывной молодежью привлекались генералы и офицеры, уволенные в запас и отставку, особенно участники Великой Отечественной войны.

* *
*

В ходе дальнейшего совершенствования боевой и политической подготовки роль и значение политорганов и партийных организаций возрастали. Изменение структуры партийных организаций создало благоприятные условия для проведения воспитательной работы с личным составом. В большинстве рот и батарей были созданы партийные организации, пополнение их шло за счет солдат и сержантов ведущих специальностей. Это значительно усиливало поли-

тическое влияние на воинов в отделениях, расчетах, экипажах. В результате повысилась активность личного состава в борьбе за высокую боевую готовность. Более разнообразными стали формы партийно-политической и агитационно-массовой работы. В округе действовало 26 университетов культуры, 20 молодежных лекториев по моральному кодексу строителя коммунизма, 4 — по воинской педагогике, 7 литературных объединений, 19 школ общественных профессий.

Большое внимание уделялось культурно-просветительным учреждениям — Домам офицеров, клубам и библиотекам, которые вносили большой вклад в политическое воспитание личного состава, организацию культурного досуга и отдыха.

При Доме офицеров работали вечерний университет марксизма-ленинизма, филиалы Военно-политической академии имени В. И. Ленина и юридической академии, общеобразовательная и музыкальная школы, постоянно действующие курсы по подготовке в высшие военно-учебные заведения, по изучению иностранных языков и массовых профессий для семей офицеров. На базе Дома офицеров проводились конференции, активы, семинары и совещания с различными категориями партийно-политических работников. Систематически организовывались массово-политические и культурно-просветительные мероприятия для личного состава Киевского и других гарнизонов.

За заслуги в развитии культуры и обслуживании воинов и трудящихся Киева Президиум Верховного Совета Украинской ССР наградил окружной Дом офицеров грамотой, а его начальнику — подполковнику А. Ф. Гришко первому в округе было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Украинской ССР».

Творчески, с огоньком работал ансамбль песни и пляски. Его начальником в те годы работал заслуженный работник культуры Украинской ССР М. С. Нижник, а художественным руководителем — В. А. Мызников. Ансамбль был желанным гостем в частях и училищах, в рабочих коллективах и на колхозных полях.

Большую идейно-воспитательную и культурно-просветительную работу среди воинов и трудящихся проводили Дома офицеров. Дом офицеров, возглавляемый Героем Советского Союза майором А. И. Беспаловым, стал пионером в округе по организации кинолюбительства.

Широкий размах получила военно-шефская работа. Перед воинами часто выступали работники и лекторы ЦК КП

Украины, писатели Олесь Гончар, Павло Загребельный, другие работники творческих организаций.

Большую помощь командирам и политработникам в пропаганде научных и технических знаний оказывали ученые, преподаватели высших учебных заведений, руководители научно-исследовательских институтов и предприятий. Гостями частей и соединений округа нередко бывали президент Академии наук УССР академик Б. Е. Патон, вице-президент академии В. М. Глушков, академики М. В. Пасечник, Н. Ф. Стародубцев и другие.

Со своей стороны командиры и политработники активно участвовали в агитационно-пропагандистской работе среди гражданского населения. Единство народа и армии проявлялось в постоянной помощи воинских частей труженикам колхозов в уборке урожая, в субботниках и воскресниках по благоустройству городов и населенных пунктов. Принимались оперативные меры по ликвидации взрывоопасных предметов, оставшихся после войны.

В середине октября 1964 года трудящиеся Советской Украины торжественно отмечали 20-летие полного освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков. На торжества прибыли делегации столицы нашей Родины — Москвы, Ленинграда, всех городов-героев и союзных республик, делегация Вооруженных Сил во главе с Министром обороны Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским, военные делегации Польской Народной Республики, Чехословацкой Социалистической Республики во главе с генералом армии Людвиком Свободой. Мне Военный совет поручил сопровождать чехословацкую делегацию по местам боевых действий чехословацкой бригады. Мы побывали на могилах чехословацких воинов, павших смертью храбрых в боях за свободу нашей земли, в городах Василькове, Белой Церкви, в селах Острожаны и Бузовая, где состоялись митинги советско-чехословацкой дружбы.

Осенью 1964 года мне довелось побывать на одном из тактических занятий. Понравились четкие, организованные и умелые действия воинов части, которой командовал офицер П. Г. Лушев (ныне генерал армии, видный советский военачальник).

А вскоре в моей жизни наступил тот рубеж, когда принято подводить итоги пройденного. 3 октября 1964 года мне исполнилось 60 лет. Юбилей тепло отметили товарищи по работе. Поступили поздравления и добрые пожелания от Министра обороны, Главного политического управления СА

и ВМФ, многих организаций. Президиум Верховного Совета УССР наградил Почетной грамотой.

Прожитые годы давали себя чувствовать. Предстоял уход на заслуженный отдых по возрасту и состоянию здоровья. На смену мне прибыл опытный политработник генерал-майор Иван Семенович Медников.

Запомнился день 15 апреля 1965 года. В большом зале штаба округа командующий войсками генерал армии И. И. Якубовский, незадолго до того сменивший П. К. Кошевого, в присутствии всех офицеров, генералов и служащих штаба и политического управления округа тепло пожелал мне хорошего отдыха и здоровья. Это были волнующие и трогательные минуты расставания со всем, что было пережито.

Больше десяти лет прослужил я в Киевском военном округе. Хочу подчеркнуть, что вести политработу среди воинов большое искусство, главное здесь любить людей, учить и учиться. Армейский политработник не может не работать и в тесной связи с гражданскими организациями. Я семь лет был членом бюро Киевского городского комитета партии, два года — членом бюро обкома, избирался депутатом Верховного Совета УССР, многие годы возглавлял военно-патриотическую секцию республиканского общества «Знание».

Скажу так: труд политработника благороден, почетен, достоин того, чтобы отдать ему всю свою жизнь, свое сердце.

* *
*

Недавно я снова побывал в Москве, прошел по знакомым с юных лет и неузнаваемо обновленным, светлым улицам, проспектам и площадям. Долго, в глубоком раздумье, стоял на площади Я. М. Свердлова, где более шестидесяти лет назад впервые увидел Владимира Ильича Ленина, слушал его выступление.

Перед мысленным взором прошла вся моя трудовая, армейская, бурная, напряженная, боевая, с радостями успехов и горестями неудач, а в общем, прекрасная жизнь. И, оценивая каждый свой шаг, я мог заключить, что главным содержанием жизни была и остается нерушимая верность ленинским заветам. И в трудные, и в радостные минуты я всегда обращался к родному Ильичу, у него находил ответ на самые сложные вопросы, черпал новые силы и уверенность в правоте нашего великого дела.

ОТ АВТОРА

Выражаю сердечную признательность всем товарищам, кто откликнулся на мою просьбу и прислал материалы, которые я по возможности использовал при работе над книгой.

Мои боевые друзья Б. В. Богданов, А. М. Веркеенко, А. Ф. Гришко, Н. П. Гуцев, А. И. Груздев, Н. С. Ермилов, П. П. Коржов, В. М. Корнеев, Н. М. Корнеев, И. С. Колесов, В. И. Куценков, Н. Г. Лебедев, И. М. Терентьев и многие другие помогли мне обозреть большой и сложный путь службы в нашей родной армии.

Выражаю горячую благодарность за помощь в создании этих воспоминаний Громовой Марии Павловне — верной помощнице и другу.

СОДЕРЖАНИЕ

Громов А. Г.

Г 87 По зову партии. — М.: Воениздат, 1985. — 198 с., 6 л. ил. — (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 10 к.

Автор, в годы войны начальник политотдела 25-й армии Дальневосточного фронта, рассказывает о деятельности политорганов по подготовке войск к боевым действиям, раскрывает картину решительного разгрома Квантунской армии в Маньчжурии.

Немало страниц посвящено мужеству и отваге советских солдат и офицеров.

В заключительных главах повествуется о послевоенной службе автора в должности начальника политуправления Киевского военного округа, о встречах с видными военачальниками.

Книга рассчитана на массового читателя.

Г $\frac{1304010000-019}{068(02)-85}$ 56—85

ББК 63.3(2) 722

9 (С)27

Александр Георгиевич Громов

ПО ЗОВУ ПАРТИИ

Редактор *Н. Ф. Шахмагонов*
Художественный редактор *В. В. Васильев*
Технический редактор *Т. Г. Пименова*
Корректор *Т. В. Жильцова*

ИБ № 2443

Сдано в набор 29.04.84. Подписано в печать 20.05.85. Г-70355. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. новая. Печать высокая. Печ. л. 6¼. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 11,13. Уч.-изд. л. 12,32. Изд. № 3/9830. Тираж 65 000 экз. Зак. 5-1258.
Цена 1 р. 10 к.

Воениздат. 103160. Москва, К-160.
Набрано в 1-й типографии Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Отпечатано с матриц на книжной ф-ке им. М. В. Фрунзе.
310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.